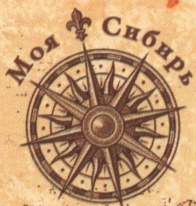

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В.К. Андриевич

В.К. Андриевич

**КРАТКИЙ
ОЧЕРК ИСТОРИИ
ЗАБАЙКАЛЬЯ**

**ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО 1762 г.**

Владимир Андриевич

Краткий очерк истории Забайкалья

**От древнейших времен
до 1762 года**

Москва
«Вече»

УДК 330
ББК 60.56
А65

Андриевич, В.К.

А65 Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года / Владимир Андриевич. — М.: Вече, 2013. — 288 с. — (Моя Сибирь).

ISBN 978-5-4444-1069-1

Знак информационной продукции 16+

Книга Владимира Константиновича (Каллистратовича) Андриевича (1838—1898), русского генерала, участника Русско-турецкой войны 1878—1878 гг., известного историка Сибири, рассказывает о сложном периоде завоевания и освоения Забайкалья. Читатель познакомится с историей походов казаков в Зауралье и Восточную Сибирь во второй половине XVII в., в результате которых были основаны главные форпосты Забайкалья — Братский, Селенгинский и Нерчинский остроги. Большое внимание автор уделяет истории государственных и торговых взаимоотношений Китая и России, подготовке, обсуждению и подписанию Кяхтинского договора 1727 г. об установлении границ и торговле между двумя государствами. Автор также рассказывает о том, как учреждалась административная власть в Забайкалье, как проходило заселение громадных лесных и степных пространств этого богатого края.

УДК 330
ББК 60.56

ISBN 978-5-4444-1069-1

© Андриевич В.К., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Приступив к изданию материалов, извлеченных из данных, доставленных переписью Забайкальского казачьего войска, я желал предпослать изданию краткий исторический очерк забайкальских казаков. Выполнить это желание не представилось, однако, возможности по совершенному отсутствию в Забайкалье каких-либо источников, касающихся прошлого войска.

Изложенное обстоятельство побудило меня, вместо предположенного очерка, заняться сбором материалов для истории Забайкальского казачьего войска. А как деятельность забайкальских казаков тесно связана с гражданским устройением и колонизацией Забайкальского края, то настоящее пособие для составления истории забайкальских казаков, по необходимости, должно включить в себя данные, пригодные вообще для написания истории Забайкальского края.

Пожар в Иркутске — бывшем центре управления всей Восточной Сибирью — уничтожил архив Главного управления, и потому дельных и вполне достоверных сведений о прошлом Забайкалья, обстоятельно характеризующих жизнь этой области, в Иркутске теперь добыть нельзя. Нельзя добыть этих сведений и в Забайкалье, так как Селенгинский и Кяхтинский архивы пересланы в Москву, а Нерчинский — исчез вследствие отсутствия заботы о нем. Архив областного штаба содержит дела сравнительно недавнего времени, и

---

* Издательство посчитало возможным сохранить орфографию и пунктуацию первого издания 1887 года

Архив войскового хозяйственного правления, тоже недавно учредившийся, далеко не полон.

Вследствие вышеприведенного, при составлении настоящего пособия, я был вынужден руководствоваться почти исключительно только теми данными, которые можно извлечь из полного собрания законов изд. 1838 года.

Таким образом, издаваемое мною пособие для составления истории Забайкалья и забайкальских казаков является только рамкой, в которую нужно будет включить архивные данные; конспектом, который облегчит труд будущего составителя истории этого края, наиболее важного и ценного из всех земель Восточной Сибири в смысле экономическом и стратегическом. Без всякого пособия со стороны правительства, пренебреженный бывшими администраторами Восточной Сибири, край, наводненный ссыльными каторжными всех категорий, успел сделаться житницей для Приамурского округа и Иркутской губернии и является крупнейшим потребителем, дающим возможность существовать купечеству Амурской и Приморской областей, а отчасти и иркутскому купечеству.

Забайкалье, величающееся сибирской Италией, нуждается не в таких щедрых денежных затратах, которые расходуются на амурские земли в чаянии будущих благ; оно нуждается в установлении администрации, которая бы соответствовала настоящему экономическому положению края; нуждается только в некотором внимании к нуждам края; чувствует необходимость в прекращении действия в оном областного положения и, обладая более чем полумиллионным населением, оно имеет больше права, чем Иркутская губерния, пользоваться губернскими учреждениями.

Если настоящий труд привлечет внимание власть имеющих на Забайкалье, то это будет лучшей для меня наградой.

ИСТОЧНИКИ

1. Полное собрание законов Российской Империи, изд. 1830 г.

2. Сибирская история Иоганна Фишера, изд. 1775 г.

3. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири с 1032 по 1882 г., составил И.В. Щеглов, издано в Иркутске в 1883 г.

4. Путешествие к татарам Плано-Карпини, в переводе Языкова, издано в 1825 г., в С.-Петербурге.

5. *Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire Imperial de Khoubilai-khaan, par M. G. Pauthier,* издано в Париже в 1865 г., т. I.

6. Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах, и кто они именно, и в каких городах были и кто какой город строил, и когда. Писанное в тобольском доме архиерейском 1791 г. Печатано с дозволения управы благочиния в Тобольске, в типографии у Василия Корнильева 1792 г.

7. *Voyages et decouvertes faites par les Russes le long des cotes de la mer Glaciale, et sur l'ocean oriental. On y a joint L'histoire du fleuve Amur. Ouvrages traduits de l'Allemand de M-r, G. P. Muller par. Cg. E. Dunois. Amsterdam. MDCCLXVI.*

8. Сибирь и каторга, С. Максимова, изд. 1871 г.

9. Историческое обозрение Сибири Словцова, тома I и II, изд. 1838 и 1844 гг.

10. Сибирь как колония, Н.М. Ядринцева, изд. 1882 г.

11. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 года. Составленное по документам архива коллегии иностранных дел Н. Бантышем-Каменским в 1882 г.

ГЛАВА I

Учреждение Забайкальской области. Коренные обитатели области. Христианство в среде монголов. Первые сведения о Забайкальских землях, дошедшие до русских. Краткий очерк распространения русских владений в Сибири: походы Ермака; установление в сибирских землях правительственной власти; злоупотребления по сбору ясака; вражда служилых людей из-за ясачных районов. Краткий перечень бунтов и восстаний сибирских инородцев в первые годы установления правительственной власти в Зауральских землях.

Забайкальская область, в пределах своего настоящего района, обратилась в область с самостоятельным управлением сравнительно весьма недавно, а именно 16 августа 1851 года, когда последовало Высочайшее утверждение положения об управлении Забайкальской областью.

При формировании области в состав оной вошли Верхнеудинский и Нерчинский округа бывшей Иркутской губернии и Троицкосавское градоначальство, занимающие в общем 547,966 квадр. верст (11 325,2 квадр. миль)¹.

Коренными обитателями этой части Азии, сделавшейся первоначально известной русским под названием Даурии, — были дауры или тунгусы и монголы.

Тунгусы заселяли восточную часть нынешнего Забайкалья, не занимая постоянных мест, а скитаясь по горам и лесам. Фишер так описывает этот народ: «Тунгусы бодрый, веселый, от природы хорошим разумом одаренный народ, живут по большей части в диких местах и простираются с одной стороны от реки Енисея до Татарского океана; а с другой от якутов до монголов, или, что все почти равно, от

Пенжинской морской губы до китайской стены»². Затем он же признает тунгусов народом, родственным с маньчжурами; причисляет как тех, так и других к даурам, заселявшим местности по реке Аргуни и в нынешней Маньчжурии, и утверждает, что они не имеют ничего общего ни с монголами, ни с татарами³.

В западной части Забайкалья коренными обитателями были монголы⁴. Фишер, ссылаясь на путешественника монаха Рюбрюкиса (Вилем Рубруквис. — *Примеч. ред.*), утверждает, что настоящее отечество монголов и место, где Чингисхан кочевал, — есть южная часть Забайкалья. Это подтверждается, впрочем, и местными преданиями: неподалеку от Кондуевского поселка, Цаган-Олуевского станичного округа, указывают Чингисханов курган и места стойбищ монгольских. Пункт кочевок Чингисхана, по Рюбрюкису, называется в одном месте — Манхеруле, а в другом — Онамхеруле. Фишер дает такое объяснение этим словам: «Названия эти не иное что есть, как испорченное сложение имени обеих рек Онона и Керулуна. А что в сих местах было настоящее древних монголов жилище, свидетельствует везде китайская история».

Прямыми и непосредственными потомками монголов в Забайкалье явились буряты⁵. Родство их с монголами подтверждается сходством языка и типом лица. Хотя буряты и отрицают это родство, производя себя от калмыков, но факт этот отнюдь не противоречит происхождению их от монголов, потому что и калмыки также родственны монголам. По Фишеру буряты заселяли местности вокруг озера Байкала и по рекам Ангаре и Лене, а в Забайкалье по р. Селенге и ее притокам, и на восток вплоть до г. Нерчинска⁶.

Признаю не лишенным интереса следующее обстоятельство. Есть основание думать, что в XII и XIII столетиях в среде монголов, живших в Забайкалье, были христиане. Вывод этот основывается на том, что первые европейские путешественники по Азии: Карпини (в 1246 г.), Рюбрюкис (в 1253 г.) и Марко Поло (в 1275—1292 гг.) упоминают о пресвитере Иоанне и его королевстве. Карпини называл его индийским королем; Рюбрюкис — королем Наиманской орды монголов, а Поло — Унк-ханом, князем монгольским⁷, и все утверждают, что как он сам, так и многие из его подданных были христиане несторианского толка. Выясняя сказания о пресвитере Иоанне, Фишер останавливается на том предположении, что лицо, называемое упомянутыми путешественниками пресвитером Иоанном, должно было быть несторианским патриархом или посланным от него епископом, присвоившим себе большее значение и власть, чем надлежало. «А как несторианская вера время от времени склонялась к худшему, то и переменялась по малу в ламайское идолослужение». Подтверждением этому выводу может служить то обстоятельство, что известия о ламах и далай-ламе появились впервые при Каюк-хане, внуке Чингисовом, то есть тогда, когда прекратились исторические упоминания о несторианах и пресвитере Иоанне, как в Монголии, так и в Тибете.

Свое заключение Фишер объясняет так: молва о пресвитере Иоанне (*prêtre Jean*), по толкованию Скалигера⁸, перешла из Индии и есть переделка выражения *престеган* (престе гиани), которое по-индийски значит «всеобщий вестник». А как несторианские патриархи присваивали себе название всеобщих патриархов, то и нет ничего удивительного, что с появлением далай-ламы в Монголии

и Тибете перестали говорить о несторианах и пресвитере Иоанне, и произошло сие «не от чего иного, как что всеобщий патриарх, под другим именем, или наипаче под тем же самым, на другом языке был почитаем: ибо всеобщий патриарх, Престе-геган и Далай-лама значит все одно».

Первые сведения о землях, входящих в состав Забайкальской области, и о народах, оную населяющих, стали доходить до русских людей в первой четверти XVII века, по обложении ясаком разных инородцев, заселявших верховья р. Енисея с его притоками, как то: котовов, кайбалов, асанов и др., уплачивавших ясак бурятам, жившим по рекам Оке и Ангаре.

Для того чтобы лучше понять историю заселения Забайкалья русскими людьми, а также появление и ход развития военных сил в этой области, полагаю не лишним сделать краткий очерк завоевания вообще Сибирских земель, до включения в состав русских владений земель, лежащих за Байкалом. Такой очерк позволит нам легче уразуметь как мотивы захвата Забайкальских земель, так и приемы, употребленные для выполнения этой цели. Надлежит также иметь в виду, что из всех нынешних сибирских владений России, за исключением Уссурийского края, Забайкалье присоединено к России позже других, и, следовательно, при заселении этой области правительство русское было уже богато опытом колонизации и могло выработать себе определенную программу. Существовала ли какая программа для заселения области и если была, то как она выполнена, — увидим ниже.

Тот мотив, который вызвал первое знакомство русских людей с местностями, лежащими между Уральскими горами и р. Обью — *нажива*, — проходит через всю историю

завоевания Сибири и служил побудительной причиной к постепенному надвиганию русских колонизаторов Сибири вплоть до берегов Великого океана и до настоящих южных границ ее с Китаем.

Желание Московских князей присоединить к своим владениям Сибирские земли вызвано следующим обстоятельством⁹: житель города Сольвычегодска, в Зырянской земле, Аника Строганов, устроил под городом соляные варницы. Варницы эти способствовали развитию торгова в городе, на который стали являться инородцы с мягкой рухлядью из-за Уральских гор. Выгодность обмена соли на меха побудила Анику затеять с ними торг в местах их жительства. Получив громадные барыши за несколько лет торговли в приобских землях, он вызвал тем зависть к себе других торговцев и, опасаясь вредных для него последствий, если они заявят Правительству о производстве им беспошлинной торговли, он уведомил царский двор о своих открытиях. Это донесение Аники Строганова и вызвало посылку на р. Обь выбранных от правительства людей для обложения языческих народов данью и для обращения их в подданство. Результатом этого правительственного распоряжения было появление в Москве в январе 1555 года послов от князя татарского Едигера, бывшего царю Ивану Васильевичу челом от всей Сибирской земли и обязавшегося платить дань по 1000 соболей в год, да царскому посланнику, который за ними приедет, по 1000 белок.

Следовательно, первой побудительной причиной, вызвавшей появление русских людей в Приобских, Сибирских землях, была: для частного лица — барыш, для правительства — сбор дани.

Затем поход Ермака, если и не был вызван потребностью к наживе, то все же таки был последствием этой склонности в русской вольнице. Забравшись во владения Строгановых, после разгрома приволжских разбойников царскими войсками в 1577 году, Ермак со своими дружинами признал целесообразным наброситься на смежных татар, не только переставших платить дань царю, но державших даже делать набеги на остяков, бывших уже в русском подданстве. После неудавшегося похода 1578 года (заблудился и зимовал на р. Сылве), он в 1579 году выступил окончательно. Перезимовав на реке Серебрянке (Ермаково городище) в 1580 году, он спустился в р. Тагиль и с боем дошел до татарского города Чимги, неподалеку от нынешнего г. Тюмени, где остановился на зимовку. Наконец, после боя 23 октября 1581 года, неподалеку от столицы Кучумова царства, Ермак вступил в столицу Сибири, Искер, 26 октября 1581 года.

Захватив Сибирское царство с целью наживы (ни в одной из летописей не упоминается о том, что он воевал для царя), Ермак увидел вскоре невозможность удержать оное за собой без помощи правительства, и сообразил, что ему выгоднее пользоваться хоть чем-нибудь, состоя в зависимости от русского царя, чем потерять все¹⁰. Это обстоятельство и побудило его послать в Москву одного из своих атаманов, Ивана Кольцова, бить челом царю Сибирью и поднести дань в 2400 соболей, 20 черных лисиц и 50 бобров.

Следовательно, и в данном случае мотивами были: *нажива* и получение дани.

Затем, со времени принятия Сибирских земель в русское подданство, во вновь присоединенных местностях

началась оргия наживы, грабежей и насилия, которая наложила свой отпечаток на весь исторический ход завоевания Сибири и повлияла на выработку тех особенностей в характере сибиряка, которые довольно резко отличают его от вообще русского человека.

Молва об успехах Ермака и об изобилии дорогих мехов в Сибирских землях, быстро распространившаяся в народе, вызвала тяготение к Сибири у всех людей, ищущих быстрой наживы, и массы бродяг и звероловов потянулись в еще не изведенные страны. Благодаря указаниям подобных людей казаки (служилые люди), высланные правительством во вновь построенные города, строили остроги в землях вновь открываемых инородцев и облагали их от царского имени ясаком. Сбор ясака, производившийся служилыми людьми (казаками), разорял плательщиков и сопровождался такими жестокостями и насилиями, что несчастные инородцы, не довольствуясь жалобами, с отчаяния производили восстания и бунты.

О том, насколько был тяжел для населения сбор ясака служилыми людьми, можно судить по тому, что уже в 1586 году, то есть еще при не установившейся в Сибири власти русских, Остяцкий князь Лукуй ездил в Москву и выпросил у царя Феодора Ивановича грамоту, воспрещающую местным начальствам требовать ясак и подарки с Лукуя и его подданных¹¹.

До чего были велики беспорядки при сборе ясака, можно судить по нижеследующему. В 1590-х годах несколько промышленников, найдя обильные соболями места около рек Пуры и Таза, построили себе остроги для торга с самоедами и стали собирать ясак царским именем в свою пользу. Это обстоятельство вызвало постройку города Мангазеи в.

1601 году¹². (Первая попытка, сделанная в 1600 году, не удалась.)

Боязнь подвергнуться обложению ясаком побудила князя Тояна, родоначальника татарского рода Эушта, жившего по р. Томи, просить царя Бориса Феодоровича Годунова в 1604 году о принятии его в подданство с тем, чтобы он и подданные его были избавлены от ясака, за что он обязался содействовать покорению соседних народов (телеутов, киргизов и умаков) и сверх того построить русский город в его улусе¹³.

Затем, по отстройке уже города Томска, в 1605 году, основатель одного, воевода Гаврила Писемский, приглашал к себе князя теленгутов Абака с его мурзами, уже подготовленного к мирным сношениям князем Тояном, и не мог добиться этого, потому что Абак боялся быть задержанным в качестве аманата (заложника. — *Примеч. ред.*). По этому поводу переводчик Фишера выражается так: «Сей его страх не вовсе без основания был, потому что сие многократно случалось, и насилия казаков, да и многих воевод отвратили сердца побежденных народов от Россиан и произвели худую славу о всем Сибирском народе».

Жестокости сборщиков ясака вызывали причисление инородцев распоряжениями из Москвы из ведомства одного города в ведение другого. Так, вогуличи, платившие ясак верхотурским сборщикам, жалуясь на чрезмерные насилия и несправедливость сборщиков, в 1607 году просили о причислении их к Чердыни, на что и последовало согласие¹⁴.

Татары, жившие по р. Сылве, жалуясь на тех же верхотурских сборщиков, тоже просили о причислении их к Чердыни¹⁵.

Постройки городов и острогов распоряжением правительства вызвали целый ряд неудобств и бедствий для пла-

тельщиков ясака — вражду между казаками этих городов за право сбора ясака. Так, например, сургутские казаки, выискивая инородцев для обложения их данью, заложили в 1596 году Нарымский и Кетский остроги¹⁶ в видах облегчения себя в сборе дани с окрестных инородцев. Кетские казаки ввели в свой район остяков, живших по рекам Зыму и Кассу, впадающих в р. Енисей. В свою очередь мангазейские казаки в 1607 году настолько расширили свой район сбора ясака, что стали собирать таковой с остяков, живших на реках Зым и Касс. Отсюда возникли столкновения с кетскими казаками. Население, платя двойной ясак, стало жаловаться; жаловались и казаки. Жалобы эти, дошедшие до Москвы как раз в Смутную пору, не могли быть разобраны скоро, и спор этот, а следовательно, и бедствия касских и зымских остяков, прекратились только с постройкой города Енисейска, к которому они были приписаны¹⁷. Интересно, между прочим, помещаемая ниже выписка из «Сибирской истории» Фишера по поводу упомянутого спора. «Не зирая на сие, мангазейцы не оставили своего положения, но на устье реки Зыма поставили себе зимовье, к явному доказательству, что сбор ясака почитается у сих людей за надежное средство к скорому обогащению».

Бунты покоренных народов — остяков, вогуличей, татар, вызываемые жадностью сборщиков податей, начались с самых первых времен основания в их местностях острогов для сбора ясака. С построением в 1592 году Пелыма и в 1593 году Сургута, Березова и Обдорска, остяки восставали несколько раз и уже в 1595 году осаждали г. Березов. В 1598 году нарымские остяки затеяли восстание против Нарыма, а затем кетские остяки — против казаков Кетского острога. В 1600 году убито 30 казаков из партии воеводы князя Шаховского самоедами реки Пур. В 1606 году воево-

ды¹⁸, назначенные в Томск, на смену Писемскому, дорогой чинили всякие насилия и тем побудили к восстанию обских остяков, а своим хищением отвратили киргизов от присоединения и вызвали грабежи чулымских¹⁹ татар. В 1607 году собралось до 2000 вогуличей, остяков, самоедов с целью разорить г. Березов. В 1609 году татары, остяки и вогуличи собрались разорить г. Пелым. В 1616 году остяки Сургутского уезда, в отмщение за насилия казаков и воевод, мимо едущих в г. Томск, убили в разное время 30 казаков. Перечень этот можно было бы продолжать еще долго, но и приведенного достаточно для уяснения моего вывода.

ГЛАВА II

Распространение власти русского правительства на земли инородцев Енисейского бассейна. Заботы правительства о присоединенных землях. Вражда красноярских и енисейских казаков за право сбора ясака с ближайших инородцев. Первое знакомство русских с бурятами. Несколько слов о казаках в Сибири. Сбор сведений о бурятах. Экспедиция Максима Перфильева. Экспедиция Петра Бекетова. Экспедиция Якова Хрипунова. Вторая экспедиция Перфильева. Построение Братского острога. Разведки по р. Лене. Экспедиция Василия Бугра. Экспедиция Ивана Галкина и построение Илимского и Усть-Кутского острогов. Экспедиция Петра Бекетова. Заложение Якутского острога.

Жажда наживы в воеводах разных городов и острогов глушила в них все высшие движения души и доводила до измены русскому делу, понимая его в смысле достижения целей, поставленных правительством. После замедления в поступательном движении русских людей в глубь Сибири, вызванного в начале XVII века междуцарствием, с воцарением Государя Михаила Феодоровича Романова, правительство обратило внимание на сибирские дела, и последовало распоряжение о занятии земель по р. Енисею. В этих видах был усилен гарнизон Кетского острога, и затем, в 1618 году, из состава одного выделена часть людей под начальством боярского сына Петра Альбичева для построения острога Енисейского. Поднявшись вверх по реке Кеть, Альбичев в том месте, где надлежало выходить на сушу, для перехода волоком к Енисею, заложил Маковский острог. Весной 1619 года тунгусы большим скопищем осадили

этот острог с тем, чтобы, разрушив оный, не допустить движения русских к Енисею. Кетский воевода не только не оказал помощи осажденным, но даже задержал их гонца, отправленного в Тобольск, в тех видах, чтобы лишить их и посторонней помощи, и сделал это потому только, что не желал сокращения своего ясачного округа, так как ему было приказано, по отстройке Енисейского острога, волости, ближайшие к р. Енисею, передать в ведение нового острога²⁰.

С основанием Енисейского острога в 1619 году характер правительственных распоряжений относительно распространения русского владычества в Сибири несколько урегулировался; подмечается уже заботливость о сибирских инородцах, принявших русское подданство; усматривается склонность к более мирной системе действий. Столкновения с киргизами, начавшиеся в 1605 году и усилившиеся по заложении Кузнецкого острога в верховьях р. Томи в 1608 году, научили осторожности, и потому вслед за постройкой Енисейского острога последовало заложение Мелесского острога на р. Чулым, уже не для сбора ясака, а для охраны чулымских татар от набегов киргизов. Затем всякому движению вперед предшествует теперь посылка разведывательных партий распоряжением властей. Заботясь о лучшем обеспечении инородцев, находящихся уже в подданстве, Московское правительство, отправляя воеводу Якова Хрипунова вторично в г. Енисейск в 1623 году, придало ему Андрея Дубенского для посылки в дальние земли с целью разведок. «И понеже от киргизов и бурят, особливо для Тулкинской (округ Кузнецкого острога) волости великого бедствия опасаться можно». Хрипунов послал Дубенского вверх по р. Енисею для выбора места, на коем бы можно было заложить город для защиты новых поддан-

ных. Результатом этой командировки было построение в 1627 году острога Красный Яр, переименованного в город в следующем году.

Несмотря на то, что со времен Михаила Феодоровича подмечается забота правительства об инородцах, принявших русское подданство, взгляд сибирских воевод и казаков на свои отношения к ним остался прежний. Так, с учреждением Красноярского города район бывшего округа города Енисейска сократился, и это вызвало нелюбовь и вражду енисейских воевод и казаков к красноярским. В 1630 году один из князей тубинских, плативших дань Енисейску, по имени Сойт, пользуясь тем, что киргизы и калмыки беспокоили Красноярск, перестал платить ясак и присоединился к киргизам. Для наказания Сойта из Енисейска отправили атамана Ивана Галкина с 35 казаками. Не выполнив этого поручения и с трудом спасши свой отряд, Галкин отступил к Енисейску через земли котовов, плативших ясак, в Красноярск. Пользуясь этим случаем, он произвел ночное нападение на князя котовов Тесеника, убил 20 человек, забрал его жен и детей, захватил 5 сороков соболей и отдал жилища котовов на расхищение казакам. Когда, по жалобе Тесеника, красноярцы вступились за котовов, признавая это нападение за нарушение своих прав и за грабеж, причиненный против верноподданных, то енисейцы удовлетворения не дали и удержали похищенное. «И возможное ли дело, чтобы воевода енисейский согласился на возвращение пяти сороков соболей?» Так заканчивает рассказ об этом факте Фишер.

В 1622 году русские впервые познакомились с бурятами, которые в числе 3000 человек (по Фишеру) напали на котовов, живших по р. Кану, для сбора ясака. Енисейский воевода Яков Хрипунов отправил на р. Кан казака Козлова

для разведки о способе действий и вооружении бурят и для передачи им приглашения принять русское подданство. Хотя предложение это и не было принято, но мысль о подчинении бурят твердо засела в головах енисейских воевод и повлекла за собой посылку партий для производства самых тщательных разведок о бурятах. Первая попытка к тому, сделанная в 1623 году посылкой партии под начальством атамана Василия Алексеева, оказалась неуспешной. Затем до 1627 года повторять попытки разведок о бурятах не представлялось возможности, потому что надо было усмирить тунгусов, живших на р. Чону и в низовьях Тунгуски. Потом приходилось усмирять бунт казаков, возмущившихся против воеводы Андрея Ошанина²¹ за то, что он хотел взыскать с атамана Василия Алексеева, убившего при сборе ясака с тунгусов на р. Пите, нескольких человек. (Воеводу выручила команда, пришедшая из Тобольска.)

Здесь кстати будет сказать несколько слов о казаках. Слово «казак» татарского происхождения и означает человека, у которого нет семьи и нет постоянной оседлости. А как люди такого сорта естественно весьма подвижны и склонны к разного рода рискованным предприятиям, потому что им нечего терять, то словом «казак» стали называть смельчаков и ухарей разного рода. Вероятно, в силу этого обстоятельства те киргизы, которые жили в местностях по верховьям рек — Яика, Тобола, Ишима и Иртыша, отличались наибольшей между киргизами склонностью к наездам и были прозваны татарами «киргиз-кайсаки» (казаки). От татар слово это перешло в Россию, где и послужило названием для вольных людей, живших на пределах государства и всегда готовых к войне и набегам. Затем в южных губерниях России казаками называют одиночек вольных людей, нанимающихся в прислугу за деньги. В Сибири служилый люд, выславшийся из

России для отбывания службы по городам и острогам, в общем употреблении заполучил прозвище казаков отчасти потому, что первоначальные покорители Сибири были казаки, а отчасти потому, что по роду и распущенности своей жизни они были в полном смысле вольница, и случаев, вроде приведенного выше бунта против своего воеводы, в истории завоевания Сибири множество.

Перехожу теперь к дальнейшему сбору сведений о бурятах.

В 1627 году из Енисейска были отправлены две партии казаков: одна в 10 человек для разведки Лены, под начальством Василия Бугра, а другая, чтоб привести в подданство бурят, из 40 человек, под начальством атамана Максима Перфильева²² (по Фишеру — Максима Перфирьева). Эта последняя партия хотя и добралась по р. Ангаре до бурятских стойбищ (Перфильев поднялся до Шаманского порога, в 80 верстах от устья Илима), но успеха не имела и вознаградила себя сбором ясака с тунгусов, которые в отместку напали на казаков при переходе их по р. Тунгуске, против устья реки Тасея, и нанесли им значительный ущерб (10 казаков ранено и 1 убит).

В видах облегчения действий последующих партий предписано сотнику Петру Бекетову в 1628 году построить Рыбенский острог на правом берегу р. Тунгуски, против впадения в оную р. Тасея (в среднем течении Чона, а в верхнем Уда), а затем пройти в верховья р. Тунгуски (Ангары) для разведки о бурятах и для обложения их ясаком. Бекетов с 30 казаками успел пробраться вверх по Ангаре до впадения в оную р. Оки, собрал с бурят ясак и весной 1629 года вернулся в Енисейск²³.

Между тем в Тобольске в 1628 году снарядилась большая экспедиция под начальством прежнего енисейского воево-

ды Якова Хрипунова для движения за Байкал. Перезимовав в г. Енисейске, Хрипунов весной 1629 года тронулся в путь на 20 судах²⁴ и, дойдя до устья р. Илима, оставил там 20 человек для охраны судов, 30 человек отрядил на р. Лену для разведок, и с остальными людьми направился сухим путем к верховьям р. Ангары для выполнения возложенной на него задачи: пройти за озеро Байкал, к монголам, и разведать, где они добывают серебро. Очевидно, серебряные украшения, которые носят жены бурят, и серебряная оправа их оружия и седел очень поразили казаков, не видавших драгоценных металлов у других покоренных ими народов, и заставили их думать, что буряты очень богаты. Этим обстоятельством только и можно объяснить снаряжение экспедиции Хрипунова, сделавшего первое донесение о бурятах.

Эта экспедиция не удалась. Хрипунов выдержал нападение бурят неподалеку от устья реки Оки, возвратился к своим судам, оставленным против устья реки Илима, и хотел остаться здесь на зимовку, но вскоре заболел и умер. По его смерти отряд разошелся по домам самовольно, забрав с собой добычу и пленных бурят.

Надлежит заметить, что по возвращении красноярских и енисейских казаков в свои города забранные ими пленные были освобождены воеводами под тем предлогом, что буряты, уплатившие ясак Бекетову, признаются русскими подданными. Это чуть ли не первое проявление справедливости русских властей к сибирским инородцам Фишер объясняет стремлением к наживе; он утверждает²⁵, что это снисхождение вызвано убеждением в богатстве бурят и желанием подействовать на них лаской. При отправлении к бурятам первых двух пленников они убили одного из казаков, их сопровождавших, а другого ограбили дочиста;

вследствие этого последующие пленные были отправлены при 30 казаках под начальством атамана Максима Перфильева, которому было приказано кстати построить острог при устье р. Оки.

Перфильев, дойдя до Шаманского порога, оставил при оном суда с провиантом и 15 казаков для присмотра, а с остальными дошел до бурятских стойбищ и сдал пленных, за что получил 15 соболей, которые зачел за ясак.

По недостатку людей, острога выстроить он не мог, и потому в 1631 году из Енисейска отправлено 50 казаков под начальством Ивана Москвитина для выполнения этой задачи. Выстроенный острог назван Братским, по названию бурятского рода, там проживавшего.

Этот острог сделался преддверием к захвату русскими Забайкалья. Первый по времени из числа выстроенных на бурятских землях, он имел громадное значение для русских: в смысле сторожевого поста, прикрывавшего путь с Енисея на Лену; как опорный пункт для сбора ясака с бурят; как передовой разведочный пункт о землях, лежащих за Байкалом, и о народах, оные населяющих, и наконец как наиболее удобный пункт для снаряжения экспедиции за Байкал.

Историческое значение этого острога сказалось также и в том, что он передал свое название чуть ли не половине всего бурятского населения, а произошло это оттого, что он долгое время был единственным пунктом в бурятских землях для сбора ясака. Ясак, доставленный оттуда, назывался: «с братских».

В 1663 году в Братский острог выслано из Енисейска еще 60 человек.

В 1635 году буряты вырезали весь гарнизон Братского острога и забрали все оружие и боевые припасы, находив-

шиеся в оном²⁶. Это обстоятельство побудило енисейского воеводу принять меры к наказанию бурят и в 1636 году для этой цели отправлено 100 казаков под начальством Радуковского, который быстро выполнил возложенную на него задачу: усмирил бурят и обложил их ясачным сбором. Затем влияние русских быстро распространилось на приокских бурят, и в 1639 году буряты внесли два сорока соболей, и район ясачного сбора Братского острога распространился до рек Уды и Вихоревки²⁷.

Неподатливость бурят побудила енисейских воевод направить разведочные партии временно на р. Лену в надежде узнать что-нибудь о Забайкалье другим путем, а также в видах расширения своего ясачного района.

Разведки по р. Лене, начавшиеся экспедицией Василия Бугра, отправленного из Енисейска в 1627 году, выяснили, что приленские соболи лучше, чем в других местах, и это вызвало командирование на р. Лену в 1630 году атамана Ивана Галкина с 30 казаками и с наказом построить там острог для удобства в сборе ясака с ленских тунгусов. Галкин в 1630 году построил зимовья на р. Илиме, в том месте, где выходят на сушу для перехода волоком на р. Куту, а на р. Лену отправил для разведок казака Ермолина с 5 казаками, который и собрал от тунгусов некоторые сведения об якутах. В 1631 году Галкин прошел до р. Лены и заложил Усть-Кутский острог. В этом же году Галкина на р. Лене сменил сотник Петр Бекетов, который, dokonчив Усть-Кутский острог, направился с людьми вверх по р. Лене для сбора сведений о бурятах. Попытка его не удалась, потому что, поднявшись до р. Куленги, по которой жили буряты, он выдержал схватку с большой толпой бурят и с трудом спасся; спустившись по Лене до впадения р. Тутуры, он заложил Тутурский острог как для сбора ясака с тунгусов,

так и для охраны их от нападений бурят²⁸. Затем, оставив в Тутурском остроге 10 казаков, он с остальными спустился в Усть-Кутский острог для зимовки. Перезимовав в Усть-Куте и подготовившись к дальнему походу, он с весны 1632 года поехал вниз по р. Лене в землю якутов и в том же году заложил Якутский острог, который вскоре приобрел первенствующее значение во всем северо-востоке Сибири.

До конца 1630-х годов все внимание как енисейских, так и томских воевод было обращено на Якутск и на распространение владычества русских до берегов Ледовитого и Великого океанов вследствие обилия и ценности соболей в этих местностях. В захвате новых земель, изобиловавших пушным зверем, частные промышленники оказывали даже большую предприимчивость, чем казаки²⁹, и вскоре выяснилась надобность выделить Якутский острог из ведения Томской провинции и создать в Якутске особое самостоятельное воеводство, на которое и были высланы из Москвы в 1638 году воеводы Петр Головин и Матвей Глебов, прибывшие в Якутск в 1641 году³⁰.

ГЛАВА III (1640—1652)

Разведка земель, лежащих за Байкалом. Экспедиция Максима Перфильева. Экспедиция Василия Витязева. Основание Верхоленска. Набег Василия Курбатова на остров Ольхон. Восстание верхоленских и ангарских бурят. Основание Балаганского острога. Уход бурят за озеро Байкал. Экспедиция Ивана Колесникова. Заложение Верхне-Ангарского острога. Экспедиция Ивана Похабова. Экспедиция Ивана Галкина. Заложение Баргузинского острога. Экспедиция Василия Колесникова. Убиение русского посла Заблоцкого. Вторичное появление за Байкалом Ивана Похабова.

По упрочении значения Братского острога в среде окинских и приангарских бурят енисейские воеводы стали вновь подумывать о разведках за Байкалом. В этих видах в 1638 году из Енисейска отправлен атаман Максим Перфильев по р. Витиму для новых разведок о Даурской стране.

Перезимовав в Олекминском остроге, основанном в 1635 году³¹, он в 1639 году с 36 казаками поднялся вверх по р. Витиму, до устья р. Кутамалы, где провел зиму, а в 1640 году стал опять тянуться вверх по р. Витиму, но дойдя до р. Цыпы, вернулся назад, получив с попутных тунгусов 2 сорока соболей в качестве ясака³². Это путешествие интересно тем, что оно доставило первые, официально известные, более подробные сведения о даурах и р. Амуре. Сведения эти сводятся к следующему:

Даурский князь Ботога живет на р. Карче, правом притоке Витима. Князь этот имеет много соболей, за которые

получает серебро и шелковые материи от князя Лавкая, проживающего на р. Шилке. От князя Ботоги до князя Лавкая три или четыре дня ходу сухим путем.

Вверх по р. Витиму, до озера Еравны, проживают также дауры. Лавкай живет у устья реки Ур, и неподалеку от него добывают серебряную руду, которую дауры плавят. При Шилке копают также медную руду; от этих медных рудников надо ехать пять или шесть дней до устья реки, а сие устье простирается до Великого океана. На берегу океана живут (гиляки) килорцы, которые торгуют с китайцами. Китайцы на устье Шилки имеют капища.

Сведения эти дошли до якутских воевод и послужили поводом к снаряжению партий для разведки о Даурии, также и от якутских казаков. Так, по приказанию первых якутских воевод Головина и Глебова, в 1640 году отправлен из Илимска пятидесятник Василий Витязев с 10 казаками в верховья р. Лены с тем, чтобы дружелюбным увещеванием склонить возмутившихся тунгусов к послушанию и собрать сведения о забайкальских народах и землях. При этой разведке буряты, жившие по р. Онге, на спрос ясака ответили, что платят таковой монголам, живущим по ту сторону Байкала. Сведения эти побудили якутских воевод предпринять поход на верхнененских и байкальских бурят с тем, чтобы, укрепясь в их стране, быть ближе к забайкальскому магниту-серебру. Для выполнения этого намерения распоряжением воевод была снаряжена в 1641 году зимняя экспедиция из г. Илимска в составе отряда в 100 человек под начальством боярского сына Василия Власьева, а затем, по успешном окончании оной, летом того же года, отправлен пятидесятник Мартын Васильев с людьми для заложения острога при устье речки Куленги, который назван Верхоленским.

Заложением этого острога ангарские и верхоленские буряты были очень стеснены и проявили большое напряжение для уничтожения оного. Поводом к началу враждебных против острога действий послужили насилия над бурятами верхоленского управителя Василия Курбатова. Устроившись в остроге, он задумал попытать счастья в грабежах и с этой целью в 1643 году сделал набег на остров Ольхон, лежащий на озере Байкале. Подзадоренный удачей первого набега, он в 1644 году учинил набег на ангарских бурят, но уже менее удачно, потому что едва спасся от восставших верхоленских и ангарских бурят и должен был запереться в остроге³³. К 1645 году положение верхоленских казаков было почти безнадежное, что и заставило новых якутских воевод — Василия Пушкина и Кирила Супонина — отправиться к ним на выручку 130 человек из Илимска под начальством Алексея Бедарова. Бедаров, выдержав на пути схватку с 500 бурят и потеряв до 50 человек, с остальными людьми успел, однако, добраться до острога, чем выручил осажденных из беды.

Враждебные действия бурят против Верхоленского острога не прекращались, однако, и в последующие годы; так, например, в 1648 году острог этот снова был доведен до последней крайности, что и побудило якутского воеводу Дмитрия Францбекова для выручки казаков прибегнуть к помощи промышленников. Благодаря его содействию в Илимске сформирован отряд из 200 человек промышленников, который, под начальством московского дворянина Василия Нефедьева, не только выручил верхоленцев, но и основательно разорил ангарских бурят. С этого времени энергия бурят, а с ней и враждебные их действия значительно ослабели. Многие из них, поняв невозможность устоять против русских, число которых возрастало с каж-

дым годом, перестали принимать участие в общих набегах на русские остроги и стали подумывать о том, как бы избавиться от русских другим путем, переселением за Байкал, к монголам. Особенно сильно движение это началось с 1655 года³⁴.

По разгроме ангарских бурят признано полезным построить острог, так сказать, в центре их местожительства, на половине расстояния по Ангаре между Братским острогом и озером Байкалом. Этот острог выстроен в 1654 году боярским сыном Димитрием Фирсовым против Осинского острова, на левом берегу р. Ангары, и назван Балаганским, вероятно, по созвучию с названием проживавшего там бурятского племени болаготов.

С построением этого острога окинские, ангарские и верхоленские буряты утратили всякую самостоятельность, и когда с 1655 года стали переселяться в Балаганский округ русские крестьянские семьи, буряты потянулись за Байкал, а затем, в 1658 году, доведенные до отчаяния жестокостью тогдашнего балаганского управителя Ивана Похабова, ангарские буряты восстали, перебили сколько было возможно и где возможно русских людей и все поголовно ушли за Байкал к монголам.

Продолжительные и ожесточенные враждебные действия русских против верхоленских и ангарских бурят, закончившиеся выселением последних к монголам, за Байкал, надо полагать, много способствовали к легкому захвату русскими земель за Байкалом. Самый факт переселения бурят должен был доказать монголам силу русских, и тем, разумеется, содействовать развитию в них желания избегать враждебных столкновений с русскими людьми, что и проявилось при первых же встречах монголов с русскими.

Первое исторически известное появление русских на озере Байкале и за оным совершилось под начальством якутского казака, пятидесятника Василия Курбатова³⁵. Он с партией якутских казаков и промышленников, в общем численностью в 75 человек, высадился на остров Ольхон в 1644 году и, произведя внезапное нападение на живших там бурят, захватил большую добычу и много пленных. Возвращаясь назад в Верхоленск, он отрядил унтер-офицера Скорохода с 36 человеками на верхнюю Ангару для сбора ясака с тамошних тунгусов и приказал ему следовать затем далее берегом озера до р. Баргузина с тем, чтобы собрать ясак и с баргузинских бурят. Последнюю половину поручения Скороходу не довелось выполнить, потому что баргузинские тунгусы, убив несколько казаков, а с ними и Скорохода, остальных спасшихся в зимовье, ими выстроенном, продержали в осаде с Рождества до Святой. Из всего отряда спаслись только два человека, которые и переплыли Байкал в небольшой лодочке.

Вторичное появление русских за Байкалом состоялось в 1647 году в составе партии енисейских казаков.

В 1644 году из Енисейска был отправлен за Байкал атаман Иван Колесников с командой в 100 человек и с наказом: «наведаться о серебре, или серебряной руде, в котором бы то ни было месте»³⁶. Колесников выступил в путь летом 1644 года и, дойдя по Ангаре до устья реки Осы, заложил острог, для зимовки только (вслед за его выступлением острог был разрушен бурятами). Весной 1645 года он двинулся к озеру Байкалу, желая пройти на южную его сторону, но не мог выполнить этого, потому что ему помешало восстание ангарских бурят, вызванное действиями верхоленских казаков, и он направился вдоль северного берега озера Байкала и, дойдя до речки Катугиной, зазимовал на

оной. Затем в 1647 году он снова зазимовал на р. Верхней Ангаре, где заложил острог того же имени и откуда возвратил в Енисейск вследствие недостатка припасов, 40 человек. Узнав во время этой зимовки, что около озера Еравина (находящегося почти в центре Забайкалья, неподалеку от селения Укыра) стоят монголы, которые богаты серебром, он отправил для разведок тунгузского князя Котугу с 4 казаками, условясь встретиться с ними весной на р. Баргузине. Разведочная партия, не найдя монголов при Еравинском озере, отправилась за ними к р. Селенге, не доходя которой встретила монгольский стан князя Турукай-Табуна. Князь этот принял русских людей очень ласково и, узнав о цели их прибытия в Забайкалье, подарил им немного золота и две серебряные чаши, причем пояснил, что ни золота, ни серебра в его земле нет и что он покупает эти металлы у китайцев. Эти разведчики с монгольскими посланными были доставлены к партии Колесникова на р. Баргузину. Не считая свою задачу выполненной окончательно, так как он не узнал о месте нахождения серебряных рудников, Колесников с прибывшими к нему монгольскими посланцами опять отправил к Турукаю 4 казаков, прося их провести до серебряных рудников, а сам поспешил в Енисейск, для того чтобы скорее выехать в Москву и представить в Сибирский приказ доказательство успешности своей командировки.

Между тем енисейские воеводы, не получая долгое время сведений об экспедиции Колесникова и известившись о восстании ангарских и верхоленских бурят в 1645 году, имели основание предполагать, что с Колесниковым приключилось несчастье и потому в 1646 году снаряжена новая экспедиция за Байкал, из партии в 84 чел., под начальством боярского сына Ивана Похабова, назначенного на смену Колесникова³⁷. Перезимовав в остроге, поставлен-

ном им на острове, против устья р. Осы, Похабов в 1647 году переправился на южный берег Байкала, и тотчас же напал на небольшую партию монголов, им встреченных, и взял несколько человек в плен. Вскоре, однако, оказалось, что эти монголы — подданные князя Турукая, оказавшего содействие и внимание Колесникову, как сообщил Похабову казак, высланный к нему князем Турукаем с требованием о возврате пленных, и потому Похабов сам поехал к Турукаю, чтобы возвратить пленных и восстановить дружбу. Еще в бытность у Ангары Похабов слышал от бурят, что они покупали серебро у монгольского хана Цизана; оказалось, что хан этот родственник Турукаю и стоял неподалеку от р. Селенги. Это обстоятельство побудило Похабова просить Турукая дать ему провожатых до хана Цизана, чтобы точно вызнать, откуда он добывает серебро. После некоторого сопротивления Турукай согласился, придя к тому заключению, что для него и для монголов выгоднее убедить русских в том, что в их стране нет ни золота, ни серебра, потому что тогда русские не будут иметь основания с оружием в руках добиваться монгольских земель. Побывав в Урге у хана Цизана, боярский сын Похабов убедился в том, что в Монголии нет ни золота, ни серебра, а также и в том, что монголы добывают эти металлы покупкой у китайцев; узнал он также, что владельца Китайского государства называют богдыханом и что он живет далеко за степью³⁸. Не получив от Цизана провожатых к богдыхану, он должен был возвратиться в Енисейск, чтобы ехать в Москву, куда он убедил хана Цизана выслать послов.

В то время, когда Похабов уже возвращался в Енисейск, оттуда была снаряжена новая экспедиция под начальством боярского сына Ивана Галкина, в составе 60 человек, с наказом почти такого же содержания, какой был даваемое его

предшественникам: «Чтоб на новых народов наложить ясак», места около Байкала точно описать, а что главнейше было «предметом золотых и серебряных искать жил»³⁹.

Галкин в лето 1648 года дошел до устья р. Баргузина и поставил там острог, который сделался главным местом, «от коего довольное время все завоевания по ту сторону Байкала зависели».

По устройстве Баргузинского острога Галкин подумал и о Верхне-Ангарском, гарнизон которого, по отбытии Колесникова в 1647 году в Енисейск, был оставлен Похабовым без внимания и претерпевал великую нужду и голод, питаясь травами, кореньями и древесной корой. Как только Галкин доставил провиант в Верхне-Ангарский острог, весь гарнизон оногo немедленно переправился в Баргузин и не хотел больше и думать о своем остроге, в котором ему пришлось испытать столько бедствий и горя. Это обстоятельство побудило Галкина отправить в Верхне-Ангарский острог новый гарнизон, численностью в 50 человек, а вместе с ним отправить также 50 человек под начальством Якова Похабова к озеру Буженей и на верховья р. Витима для сбора ясака с тамошних тунгусов. Эта последняя партия на реке Муе застала уже ленских промышленников, которые присвоили себе право собирать ясак и держать аманатов; при этом промышленники выказали такую уверенность в своей безнаказанности, что Похабову пришлось силой отобрать у них ясак и аманатов.

Из Баргузина Галкин обложил данью места около озера Еравны, и для той же цели отправил несколько казаков на р. Шилку. Вслед за сим ощутив недостаток в съестных припасах, он писал о том в Енисейск и просил о высылке припасов и людей.

В 1650 году на смену Галкину командирован в Баргузин атаман Василий Колесников, который за два года своего пребывания за Байкалом заботился только о поддержании установившегося порядка и собирал сведения о крае⁴⁰. Между прочим, он писал в Енисейск, что по ту сторону гор, у озера Иргеня, живет много тунгусов, которых легко сделать русскими подданными, и что он готов бы принять на себя труд вести эту экспедицию, но выполнить этого не может, потому что за рассылкой казаков по разным местам для сбора ясака он имеет в своем распоряжении в Баргузинском остроге всего только двадцать пять человек. Засим в этом же донесении он рекомендует снарядить к озеру Иргеню особую экспедицию с таким числом людей, которое бы дало возможность не только построить острог, но иметь также и свой гарнизон как для защиты острога, так и для расширения владений онога. При нем в 1650 году вернулись из Москвы послы Цизан-хана, с которыми был и царский посол, боярский сын Заболоцкий, с 7 казаками. На том месте, где ныне стоит Посольский монастырь, Заболоцкий с детьми и со всеми казаками был убит.

В 1652 году Колесникова сменил боярский сын Иван Похабов, который проездом за Байкал, для удобства в сборе ясака с ангарских бурят, построил по речке Иркут хижину для казаков. Прибыв в Баргузин, он с такой жестокостью отнесся к населению, что многие тунгусы Баргузинского уезда разбежались; чтобы возместить происшедший от этого недобор в ясаке, он обложил данью тунгусов, живших около Баунтовского озера, и выстроил там острог того же названия.

ГЛАВА IV (1652—1654)

Экспедиция Петра Бекетова для заложения Иргенского острога. Заложение Нерчинского острога. Откочевание тунгусского князя Гантимура за р. Аргунь. Оставление Бекетовым Нерчинского острога.

Бывший в это время енисейским воеводой Афанасий Пашков, сильно заинтересованный донесением атамана Василия Колесникова о возможности обложения ясаком тунгусов, живших около озера Иргеня, которое он проверял расспросами казаков, ходивших на р. Шилку в 1649 году по распоряжению боярского сына Галкина и случайно бывших в это время в Енисейске, задумал осуществить совет Колесникова. Он написал об этом деле в Москву и, не ожидая ответа, снарядил экспедицию в составе 100 казаков, вверив оную сотнику Петру Бекетову, репутация которого, в смысле энергии, деятельности и смелости, справедливо за ним установившаяся, ручалась за успех дела. Бекетов выступил в поход 2 июня 1652 года и к августу месяцу прибыл в Братский острог, откуда отправил вперед пятидесятника Ивана Максакова с казаками, прежде бывшими на р. Шилке, приказав им по прибытии на озеро Иргень построить там мелкие суда, на которых и выйти к нему навстречу по р. Хилку, к устью оной⁴¹.

Бекетов мог дать такое обстоятельное приказание потому, что из показаний казаков партии Галкина, ходивших на р. Шилку, было известно следующее: из Баргузина к озеру Иргеню верхом можно поспеть в 6 дней. Неподалеку от озера Иргеня есть другое озеро — Арахлей. От этих

озер недалеко до р. Ингоды, которая впадает в большую реку Шилку; от Иргена до устья Ингоды четыре дня пути. От устья Ингоды до р. Нерчи, по которой живет множество тунгусов, считают около 50 верст. Кроме сего эти казаки заявили, что из Баргузина на озеро Иргень можно попасть водой, для чего следует плыть вдоль берега, по озеру Байкал до р. Селенги, затем по Селенге вверх до устья р. Хилка и по Хилку вплоть до Иргенского озера.

Остававшиеся еще в ангарской степи буряты пытались было остановить движение Бекетова, но не успели в этом, и он в первых числах октября при благополучном ветре в один день переехал на южный берег, где высадился на том самом месте, на котором за два года перед этим убит Заболоцкий. Не зная, далеко ли до устья р. Селенги, он отправил на разведку пятидесятника Ивана Котельникова, чтобы, выбрав место при устье Селенги, заложить там острог. Через неделю Котельников возвратился и доложил, что устье р. Селенги разбивается на много рукавов и что выстроить там острога не из чего, да к тому же река уже стала. Вследствие этого Бекетов решился перезимовать на том месте, где высадился и построил острог, названный им Усть-Прорва.

Во время этой зимовки казаки выпросили у Бекетова разрешение сделать набег на бурятов, остававшихся на северной стороне Байкала, и вернулись с добычей и пленными женщинами.

Подготавливаясь к военному походу, Бекетов⁴² послал несколько казаков разыскивать людей, которые бы могли провести его по р. Селенге в устье р. Хилка. На пятый день ходу разведчики встретили несколько монголов, проводших их к своему князю Култуцину, который принял их ласково и продержал у себя три недели. Из рассказов каза-

ков о вере монголов видно, что монголы были ламаисты; Култуцин объяснил им, как попасть в устье р. Хилка, и, руководствуясь этими указаниями, Бекетов пустился в дорогу на судах 11 июня 1653 г.; на десятый день он доплыл до устья р. Хилка и, не видя Максимова, который, по данному ему наказу, должен был ожидать его здесь с мелкими судами, Бекетов простоял 8 дней и, не дождавшись, наудачу вошел в р. Хилок. Через две недели плавания по р. Хилку он встретил, наконец, большую плоскодонную лодку, на которой находился Максимов с 12 казаками и 9 промышленниками, вручившими ему чертеж озера Иргеня и рек Хилка, Селенги, Витима, Ингоды и Шилки, с описанием их особенностей. Переделав свои досчанники на плоскодонные суда, по образцу сделанного Максимовым, Бекетовская экспедиция через три недели снова потянулась вверх по р. Хилку и через 6 недель прибыла к устью реки Килы, откуда осталось еще 10 дней хода до озера Иргеня. На всем этом пути Бекетов замечал признаки тунгусских жилищ, но ни одного тунгуса не видал. 24 сентября экспедиция дошла до озера Иргеня, при котором и заложен Иргенский острог⁴³.

Имея приказание поставить также острог при впадении Нерчи в р. Шилку, Бекетов послал сперва провиант с 30 человеками на р. Ингоду, а через несколько дней последовал и сам за ними и тотчас же приказал делать плоты. 19 октября 1653 г. он тронулся в путь, надеясь добраться до р. Шилки еще до наступления зимы, но ошибся в расчете, так как Ингода стала. Не желая тратить время, он отправил десятника Максима Урасова сухим путем искать по р. Нерче место для постройки острога, а сам возвратился в Иргенский острог, оставив в зимовье для охраны провианта 20 казаков.

Урасов выбрал место для острога на южном берегу р. Шилки, против впадения в оную р. Нерчи, и в течение

зимы построил небольшой острог, в чем не встретил препятствия от местных тунгусов, находившихся в подданстве у князя Гантимура и внесших два сорока соболей.

Весной 1654 года Бекетов, оставив в Иргенском остроге только 18 человек, с остальными 21 человеком дошел до низовья, забрал с собой на плоты бывших здесь 20 человек и весь провиант и спустился по Ингоде и Шилке к острогу, выстроенному Урасовым⁴⁴.

Бурятский князь Гантимур, не оказывавший до сего времени противодействия русским, с приходом Бекетова убедился в том, что русские хотят сделать его своим данником, что вовсе не входило в его расчеты, и перекочевал за реку Аргунь, в Маньчжурию; посылка к нему людей с приглашением вернуться назад успеха не имела, и посланцы назад не вернулись. Затем, к осени, когда стал поспевать хлеб, посеянный возле острога, — первый опыт хлебопашества русского за Байкалом и единственная надежда казаков на зимний запас, — тунгусы учинили нападение на острог, потоптали весь хлеб и угнали несколько лошадей. Уничтожение посева привело отряд в уныние, потому что добыть провиант было неоткуда, и казаки порешили отправиться на р. Амур, где успехи русских были настолько велики, что нечего было опасаться недостачи провианта. Бекетов противился этому решению, но перспектива голодной смерти осилила дисциплину и 30 казаков ушли от него, а затем и он сам с остальными казаками, в 1655 году, перебрался на Амур, где и нес службу с находящимися там казаками до 1660 года, когда вернулся в Енисейск через Якутск и Илимск.

Выстроенный Урасовым острог, с выходом из одного казаков, был разрушен тунгусами⁴⁵.

ГЛАВА V

Краткий исторический очерк распространения русского влияния на Амурские земли.

Принимая во внимание, что амурские владения России во второй половине XVII столетия состояли в ведении Нерчинского воеводства, признаю не лишним сделать также краткий очерк распространения русского владычества и на Амурские земли.

Выше было упомянуто, что якутские воеводы, узнав о сведениях, собранных о Даурии атаманом Максимом Перфильевым во время его экспедиции в р. Витим в 1640 году, вознамерились также и с своей стороны воспользоваться собранными им данными. Первая экспедиция, снаряженная ими на р. Витим в 1640 году для проверки сведений, доставленных Перфильевым, не удалась, а потому они снарядили в 1643 г. новую экспедицию под начальством письменного головы Василия Пояркова, из 130 челов., преимущественно промышленников (которые, впрочем, были причислены в казаки), с наказом выйти на р. Амур по рекам Алдану и Зее. Об этом пути воеводы узнали от местных тунгусов.

Тронувшись в путь в начале июня, Поярков⁴⁶ в конце сентября вынужден был остановиться на р. Гономе. Не желая терять время, он оставил при замерзших в р. Гономе судах 50 человек для охраны провианта, с остальными же людьми, забрав необходимое количество припасов на нарты, двинулся дальше по льду рек Гономы и Нуемки, затем перевалил через горы, отделяющие водный бассейн Амура от Ленского, и спустился в речку Брянду, по коей плыл до

Зеи, а по Зее до впадения в оную реки Умлекана, где и остановился, увидев даурскую деревню.

Захватив в качестве аманатов деревенского старосту и еще одного даурянина, он собрал с окрестных жителей ясак и старался вызнать что-нибудь о серебряной руде, которая, по рассказам Перфильева, добывается неподалеку от даурского князя Лавкая. О руде он ничего узнать не мог, потому что все допрошенные люди единогласно утверждали, что в ближайших местах, по рекам: Шилке, Шингалы (Сунгари) и Амуру нет ни серебряной и никакой другой руды.

В числе собранных сведений одно было крайне важно для отряда — это сообщение о том, что на р. Зее, несколько ниже, именно при устье р. Селимбы стоит даурская крепостца, в которой собрано много разных припасов. Нуждаясь в провианте, Поярков отрядил 50 человек под начальством Юшки Петрова к этому острогу с тем, чтоб он добыл провиант, при случае завладел бы и крепостью. Партия Петрова, подойдя к крепостце Молдикичиде, была встречена старшинами гарнизона приветливо; для помещения казаков тотчас же отвели три юрты, засим для продовольствия пригнали 10 быков и принесли 10 коробов овсяных круп. Но когда казаки стали повелительно требовать себе большего и желали войти в острог, то гарнизон вместе с окрестными даурами напал на них и нанес сильное поражение. Оставшиеся в живых казаки в числе 40 человек с трудом добрались до Умлекана, где оставался Поярков, но тот их не принял, ссылаясь на невозможность кормить всех. К довершению несчастья, и умлеканские жители разбежались. Бедствия казаков были ужасны до привоза запасного провианта, оставленного на Гономе; из 90 человек, выступивших с зимовья, умерли от голода 40 человек и тела их служили пищей другим⁴⁷. (По Миллеру, умерло около 50 человек.)

По прибытии на Зею остальной части отряда Поярков в 1644 году спустился в р. Амур, убедясь за время зимовки в неосновательности рассказов о нахождении серебряной руды в землях князя Лавкая; он не повернул вверх по р. Амуру, как ему было приказано, а пустился вниз по течению для обложения ясаком попутных народов.

Путешествие Пояркова по р. Амуру, затем морем, сухим путем и, наконец, по р. Алдану заняло почти 3 года; он вернулся в Якутск в 1646 году.

Пока разведочные экспедиции, снаряжаемые на счет правительства, выискивали пути к серебряной руде, частные люди, промышленники и звероловы, гоняясь за пушным зверем, как за средством к наживе, выискивали для себя другие, кратчайшие пути, с Лены на Амур, и в силу этого обстоятельства выяснился путь по р. Олекме, далее по р. Тугиру, затем через хребет волоком в р. Урку и Амур. Прослышал про это и ленский промышленник Хабаров, прибывший в Сибирь из Сольвычегодска и устроивший в Усть-Куте в 1639 году соляную варницу и приступивший также первый к землепашеству по р. Киренге.

Узнав из отчета о Поярковской экспедиции, что Амур стоит внимания, а также и то, как труден путь по рекам системы Алдана с переходом в реку Зею, Хабаров задумал пройти на р. Амур олекминским путем. Для выполнения этого намерения он испросил разрешения у якутского воеводы Дмитрия Францбекова снарядить на свой счет экспедицию и привести в русское подданство народы, живущие по р. Амуру. Получив разрешение и небольшое число казаков, Хабаров набрал до 80 человек охотников и двинулся в поход. Дойдя к зиме 1647 года до устья р. Тугира, он простоял здесь до 18 января 1648 года и пошел дальше

пешим порядком, наказав оставленный у Тугира провиант доставить весной на р. Урку⁴⁸.

На всем пути до р. Амура отряд не встретил ни одного человека. Спустившись в Амур и пройдя по оному несколько дней, он убедился в богатстве страны и решил завладеть одной из оставленных даурами крепостей, а именно ближайшей к реке Тугиру. Крепостца эта была Албазин. Заняв оную, Хабаров в мае 1650 года вернулся в г. Якутск и своими рассказами о богатстве занятого им края подзадорил промышленников ехать на Амур и легко собрал отряд в 117 человек охочих вольных людей, к коим воевода придал в его распоряжение 20 казаков. С этими людьми он поспешил в Албазин и, перезимовав там, в 1651 году пустился вниз по р. Амуру. Через несколько дней он с бою взял даурскую крепостцу, находившуюся на Амуре несколько ниже устья р. Камары, и назвал ее по имени владетельного князя Гугударевым городом. Затем он овладел еще одной крепостью ниже устья р. Зеи, Толзингородом. Для зимовки он спустился в землю ачанцев, находящуюся ниже устья Уссури, и построил Ачанский острог, в котором удачно отразил напавших на него дучеров и ачанцев⁴⁹. 26 марта 1652 г. (по Миллеру — 24 марта⁵⁰) на Ачанский острог напала маньчжурская армия, имея с собой и артиллерию. После непродолжительной осады и жестокого боя в проломе стены, произведенном маньчжурскими орудиями, а затем в поле, по сделании русскими вылазки, маньчжуры были разбиты, понеся громадные потери; в качестве трофеев русским досталось: 2 пушки, 17 ружей, 8 знамен и 830 коней.

Вслед за сим в апреле месяце Хабаров опять стал подниматься вверх по р. Амуру и счастливо избежал противника, ожидавшего его при устье Уссури; далее, пройдя

каменистые горы, он встретил шедшее к нему из Якутска подкрепление в 144 чел. под начальством казака Третьяка Чечигина.

Еще до встречи с Хабаровым Чечигин отправил вниз по Амуру, для разведок о нем, 25 казаков под начальством Ивана Нагибы⁵¹. Этому отряду пришлось совершить путь еще более тяжелый, чем тот, который был сделан Поярковым 7 лет тому назад, и потому именно, что Пояркова встречали приветливо, а этому отряду после хабаровского разгрома пришлось двигаться в среде уже враждебных народов. Нагиба, спускаясь вниз по Амуру, обманываемый проводниками, выдержал несколько схваток с даурами, дучерами и гиляками; выплыв в море, он испытал бурю, и по разбитии судна, на котором плыли казаки, они пошли берегом и, к счастью, скоро дошли до р. Учальды, на которой встретили гиляков и тунгусов, разбежавшихся при их появлении; воспользовавшись припасами, они вышли на р. Тугур, на которой опять встретили большое стойбище тунгусов (до 150 юрт) и, снова пополнив свои запасы с боя, они построили неподалеку от устья реки Тугура острог того же наименования и обложили ясаком окрестных гиляков и тунгусов. Отсюда Нагиба с 5 человеками решился отыскать путь к реке Алдану, что и удалось ему, так что 15 сентября 1653 года он вернулся в Якутск.

По соединении с людьми вспомогательного отряда в команде Хабарова начались несогласия, приведшие к разрыву; 136 человек, не желавших подчиняться ему, выделились и спустились вниз по р. Амуру, а Хабаров с остальными 212 человеками поднялся за устье реки Камары, впадающей в Амур с юга, высадился на правый берег Амура и построил Камарский острог, в котором и остался на зимовку⁵². Во время этой зимовки к нему присоединились от-

делившиеся было казаки. Из этого острога в 1653 году Хабаров отправил донесение о результате своих действий и в Якутск и в Москву.

В 1653 году сведение о расстоянии пунктов по р. Амуру выражалось таким образом:

от устья р. Урки до Албазина	1 день
— Албазина до Гугударева города	3 дня
— Гугударева до Банбулаева	1 день
— Банбулаева до устья реки Зея	2 дня
— устья Зеи до Толзина города	1 день
от Толзина до Каменистых гор	4 дня
— Каменистых гор до устья Сунгари	4 дня
— Устья Сунгари до Ачанского острога	4 дня.

Сведения о положении и ходе дел на р. Амуре доходили до Москвы весьма обстоятельно, и потому царский двор, зная истину, желал как можно скорее водворить там должный порядок и установить правительственную власть. В силу этого весной 1652 года выслан из Москвы дворянин Димитрий Зиновьев с командой для устройства и исправления дороги с Тугира на Урку, по которой на следующий год предполагалось отправить 3000 ратных людей, собранных из сибирских и приморских городов, под начальством князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского, который должен был устроить амурские дела.

Команда Зиновьева, дойдя до Тугирского волока, выстроила острог⁵³ того же наименования в 1653 году и затем присоединилась к Хабарову на устье реки Зеи. Здесь Зиновьев вручил Хабарову и его людям царские награды и вручил командование отрядом казаку Онуфрию Степанову, а Хабарова отправил в Москву с подробным донесением о

положении дел, а затем он приступил к постройке острогов у устьев рек Зеи и Урки и на половинном между ними расстоянии, на месте прежнего Албазина. Кроме сего он пытался завести хлебопашество, но это его намерение не осуществилось, потому что ни люди Хабаровского отряда, ни тем менее разный сброд, появившийся на Амуре вслед за распространением молвы об успехах Хабарова, склонные к грабёжам и насилию, вовсе не чувствовали призвания к земледелию. Осенью 1653 года Зиновьев выехал с Амура и зимовал в Тугирском остроге⁵⁴.

С отбытием Зиновьева Онуфрий Степанов был поставлен в весьма трудное положение, потому что не имел достаточного количества ни съестных, ни военных припасов. Добыть провиант от жителей не представлялось возможности, потому что с весны сего года все дауры, населявшие местности в верховьях Амура, по распоряжению богдыхана переселились на реки Шингалы (Сунгари) и Науну (Нонни).

Это обстоятельство заставило Степанова предпринять набег на поселения по реке Шингалы для сбора хлебных припасов; набег удался, и он перезимовал в земле дучеров. Захваченного провианта достало только до весны, и потому он снова отправился в Шингалу, но, встретившись с соединенными силами дучеров, дауров, маньчжуров и китайцев, атаковавших его и на воде и на суше, он с трудом спасся, пробившись сквозь неприятельскую флотилию, и продолжал идти вверх по р. Амуру. По дороге он встретил 30 казаков, ушедших из Нерчинского острога, а вслед за тем и самого Бекетова с остальными людьми⁵⁵. На зимовку он остановился в Камарском остроге, который он возобновил и укрепил весьма хорошо. Предосторожность эта оказалась нелишней, потому что зимой в 1655 году его осадила ки-

тайская армия, в которой было 15 пушек и множество пищалей. Казаки не только отсиделись, но еще и разгромили китайцев, сделав удачную вылазку после отбития штурма.

В 1655 году Степанов отправил ясак прямо в Москву и сделал это по совету Зиновьева. Факт этот доказывает, что с приезда Зиновьева Амурские земли считались уже выделенными из ведения Якутского воеводства, и, вероятно в силу этого обстоятельства, просьбы Степанова, адресованные к якутским воеводам, о высылке к нему съестных и военных припасов оставались без исполнения.

Чтобы сколько-нибудь облегчить себя в отношении продовольствия людей, он отправил с ясаком 50 человек, приказав им не возвращаться на Амур; с этими же людьми отправился и Бекетов с енисейскими казаками. О том, что эти люди вытерпели по дороге, можно судить из того, что в пути от голода умерло 40 человек⁵⁶.

ГЛАВА VI (1654—1682)

Учреждение Нерчинского воеводства. Прибытие в Забайкалье первого воеводы Афанасия Пашкова. Экспедиция Федора Пущина на р. Аргунь. Трудное положение первого нерчинского воеводы. Предназначение Забайкалья для ссыльных. Воевода Ларион Толбузин. Построение Селенгинского острога. Возобновление города Албазина на р. Амуре. Воевода Даниил Аршинский. Возникновение пререканий с китайскими властями. Отправка в Пекин посольства Милованова. Первое упоминание в правительственных актах о существовании в Забайкалье казаков. Воевода Павел Шульгин. Воевода Ларион Толбузин. Посольство в Пекин грека Спафария. Первые опыты разработки цветных руд. Воеводы Лоншаков, Воейков. Основание Посольского монастыря.

Упомянутое выше назначение на Амур князя Лобанова-Ростовского с 3000 челов. в конце концов не осуществилось, и устройство Амура возложено на бывшего енисейского воеводу Афанасия Пашкова, который еще в 1651 году отправил в Москву свое соображение об удержании за Россией Забайкальских земель. В 1654 году⁵⁷ Пашков донес Сибирскому приказу, что Амурские земли могут быть удобно управляемы только по устройению Забайкалья и по учреждении на р. Шилке главного центрального пункта. В силу этого представления ему дана из Москвы главная власть над всеми казаками и промышленниками у р. Амура и разрешение набрать свыше 300 человек свежего войска из сибирских городов; в Тобольске предписано снабдить Пашкова изобильно всеми военными потребностями, а

илимскому воеводе приказано выслать в Тугирский острог необходимое количество провианта. Но и эти распоряжения правительства не были выполнены в точности и не привели к ожидаемым результатам. Провиант, заготовленный для отряда, был расхищен в 1656 году людьми, возвращавшимися с Амура; вместо высылки из Тобольска огнестрельных припасов тобольские воеводы надумали выдать те, которые были зарыты Зиновьевым в Тугирском остроге в 1653 году, но их уже не оказалось; вместо содействия своему делу Пашков встретил в новых енисейских воеводах противодействие, так как они были недовольны отделением от них Иргеня и Хилка. При такой обстановке трудно было рассчитывать на успех, но Пашков не пал духом и добился постановки русской правительственной власти в Забайкалье на твердую ногу.

Выступив из Енисейска с своим отрядом в 1656 г., он, поднявшись по Тунгуске до устья р. Илима, изменил предписанный ему маршрут, потому что узнал о разграблении провианта на Тугирском волокe, и потянулся вверх по р. Ангаре через Байкал, в р. Селенгу и вдоль р. Хилка к Иргенскому острогу. Устроив тут дела, он перебрался на р. Шилку и в 1658 году, при впадении в Шилку Нерчи, заложил город Нерчинск⁵⁸.

Из Нерчинска Пашков послал людей на Амур объявить Степанову царский указ о своем назначении и приказание прибыть ему, Степанову, со 100 казаками в Нерчинск, а остальным ожидать Пашкова в Албазине. Эта посылка имела только такой результат, что посланцы вернулись к Пашкову ограбленными. В этом году амурские казаки с весны предприняли обычный набег в поселения на Шингалы, но были разбиты; 270 человек убито и взято в плен, а остальные 180 человек, хотя и спаслись и успели ограбить

посланцев Пашкова, но вскоре разделились: часть отправилась на р. Зею, а другие потянулись к Тугирскому волоку, и только 6 человек из них дошли до Енисейска с ясаком. Затем жизнь и деятельность русских людей на Амуре до появления в 1665 году Черниговского прекратились.

С выделением Амурского района из ведения якутских воевод они надумали возместить оный распространением своего влияния на аргунских тунгусов. С этой целью в 1654 году из Якутска отправлен с 50 человеками боярский сын Федор Пуцин⁵⁹. Дойдя к зиме 1655 года до устья р. Аргуни, он построил зимовье, но оставаться там не мог потому, что все окрестные тунгусы разбежались. Надеясь пожить чем в других местах, он потянулся вверх по р. Аргуни, но за три недели своего движения не встретил ни одного человека; тогда, ввиду безвыходности своего положения, он спустился к Амуру и направился вниз, разыскивая Степанова, в надежде получить от него помощь. Встретясь со Степановым, он участвовал в набеге на поселения по р. Шингалы, а в 1656 году отправился с Амура с 20 казаками, оставшимися в живых, в составе команды, сопровождавшей ясак в Москву. Здесь кстати будет упомянуть, что этот Федор Пуцин по прибытии в Якутск заявляет, что весь Амур не стоит земли гиляков; он говорил, что с гиляков и порубежных им дучеров они собрали больше 120 сороков соболей и что ясак с них можно собирать ежегодно, отправляя туда посменно казаков чрез Охотск. По поводу этого совета Фишер выражается так: «В самом деле сей совет былосновательный и полезный, когда бы знатные господа могли принимать его от нижних» (с. 623).

Афанасий Пашков, первый нерчинский воевода, убеждаясь и в невозможности и в бесполезности хлопот о закреплении за Россией Амура, обезлюдевшего на всем

своем течении вплоть до Сунгари, обратил внимание на устройство Нерчинского острога; но и в этом должен был преодолевать большие трудности. Введенное им в окрестностях Нерчинского острога хлебопашество могло дать желанные плоды только в будущем, а в настоящем пришлось испытывать много лишений; Пашкову с казаками приходилось есть не только лошадей и собак, но также волков, лисиц и других зверей, каких били на промыслах⁶⁰. Средства, к которым прибегал Пашков для создания культуры в окрестностях Нерчинска, были немного круты, как можно усмотреть из заявления протопопы Аввакума, сосланного в Дауры при царе Алексее Михайловиче за участие в смуте, возникшей по поводу исправления церковных книг, совершенного патриархом Никоном. «Люди изгибали, и у меня ноги и живот сини были. Два лета бродили в водах, а зимами через волока волочились. Река (Ингода) мелкая, плоты тяжелые, пристава немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, — огонь да встряска, — люди голодные, лишь станут мучить ино и умрет»⁶¹.

При Пашкове же обозначилось то направление, которого решилось правительство держаться при заселении Забайкалья, а именно: оно вознамерилось сделать его ссыльным местом для всех преступников, кроме государственных. Это направление продержалось до конца XVII столетия, когда оно, уступая потребности заполучать даровые руки для государственных работ, заменилось ссылкой в каторжные работы.

Ссылка в Забайкальские местности, в Дауры, начавшаяся при царе Алексее Михайловиче ссылкой протопопы Аввакума, практиковалась и при его преемниках, до еднороджавия Петра, который стал рассылать преступников

в те местности, в которых требовались рабочие руки для государственных работ. Окончательно же ссылочным местом Даурия стала только с 1722 года, когда состоялся указ Петра об этом от 10 апреля⁶².

Благодаря энергии Пашкова Нерчинское воеводство скоро устроилось настолько, что могло существовать, хотя и с большим трудом, собственными средствами, не требуя подвоза провианта от других воеводств. Так как высылка пашенных крестьян в Дауры началась гораздо позже, то надо заключить, что первыми хлебопашцами в Нерчинском воеводстве были служилые люди и русский гулящий народ.

В 1660 году притеснения сборщиков ясака вызвали восстание тунгусов, живших по р. Ингоде, что побудило Пашкова перебраться в Иргенский острог для удобства в принятии соответственных мер. В бытность его в этом остроге, в 1660 году, прибыло 17 казаков с Амура с просьбой принять их на службу, которые, впрочем, вскоре бежали, ограбив своих же товарищей, но на р. Тугире встретились с новым воеводой, направлявшимся в Нерчинск, и были возвращены обратно. Это обстоятельство наводит на мысль, что новый воевода Ларион Толбузин двигался с достаточным количеством служилых людей, если мог заставить бежавших вернуться, и значит, край сильно нуждался в людях, если беглецов приходилось водворять в тех местностях, из коих они бежали.

Толбузин застал Пашкова в Иргенском остроге, где и принял от него царскую казну. Пашков выехал в Енисейск в 1662 году⁶³.

Пробыв в Забайкалье шесть лет, с 1661 по 1667 год, Толбузин заботился о заселении края прибылыми охочими людьми и распорядился постройкой Селенгинского остро-

га в 1666 году. Факт возведения этого острога доказывает, что в эту пору хоринские буряты уже отложились от монголов и были обложены ясаком в пользу русского правительства, а также и то, что русская колонизация устремилась в долину р. Селенги или ближайшие к оной местности, и достигла таких размеров, что стала нуждаться в охране служилых людей. А как в этих местностях кочевали монголы, которые не состояли данниками русского правительства, то надлежит предположить, что колонизаторами этой части Забайкалья были не только звероловы и промышленники, скупщики мехов, но и хлебопашцы, что и подтверждается тем обстоятельством, что войска, прибывшие в Забайкалье с послем Головиным, квартировали в 1688 году в деревнях, в окрестностях Селенгинска, а этого не могло бы быть, если б русские, здесь проживавшие, были звероловы или промышленники, потому что они заводили бы только зимовья, а не деревни, в которых чрез двадцать лет, со времени их основания, явилась возможность расквартировать свыше 2000 человек.

При Толбузине же в 1665 году возобновлен гор. Албазин бежавшими в оный из Илимского острога преступниками под начальством Никифора Черниговского⁶⁴.

Вслед за Толбузиным воеводой в Нерчинск назначен ротмистр Даниил Аршинский, бывший на воеводстве до 1673 года⁶⁵. При нем продолжалось заселение края, охочими прибылыми людьми, а также ссыльными; построен в 1668 году острог Удинский (Верхнеудинский) и начались пререкания с китайскими пограничными властями по поводу невыдачи оным тунгузского князя Гантимура. Выше было упомянуто, что с прибытием в Нерчинский острог сотника Петра Бекетова Гантимур, убедясь в желании русских сделать его своим данником, откочевал с подвластны-

ми ему тунгусами в Маньчжурию, за р. Аргунь. Надо полагать, что китайские власти оказались тяжелее российских, и он, недовольный ими, в 1667 году перекочевал обратно на левый берег Аргуни и сделался добровольным данником русского правительства, обязуясь платить по 3 соболя с человека⁶⁶. Правитель маньчжурский, живший по р. Шингале (Сунгари), прислал к нерчинскому воеводе Аршинскому грамоту, прося о возврате Гантимура, в которой проводил мысль, что спорить из-за ясака нечего; между прочим, в грамоте он выражался так: «Но вы подумайте: кто платит Великому Государю ясак и сбежит, то разве вы не ищите его по десяти, по двадцати и по сту лет?» Очевидно, что в это время у китайцев уже установилось убеждение, что река Аргунь есть граница русских владений. Вместо послов к правителю Маньчжурии Аршинский отправил посольство под начальством боярского сына Милованова в Пекин, к богдыхану, с предложением союза и беспрепятственной торговли⁶⁷. Казаки вернулись недовольные и привезли грамоту царю, которая послужила поводом к отправке в Пекин посольства из Москвы под начальством Николая Спафария.

При Аршинском Никифор Черниговский, завладевший Албазином, стал высылать в Нерчинск ясак, и таким образом состоялось фактическое признание амурскими обывателями главенства Нерчинского воеводства.

К этой же первоначальной поре собирания Забайкальских земель и устройства местной администрации в крас относится царский указ от 23 октября 1673 года, из коего видно, что в Забайкалье уже существовали свои городовые казаки. В грамоте на имя туринаского воеводы Ивана Суздальцева относительно установления более строгого присмотра за людьми ссыльными в Сибирь изложено⁶⁸: «В про-

шлых 180 и 181 годах, по нашему Государеву указу посланы из Москвы в Сибирь в ссылку изменники и клятвопреступники войска Запорожского со стороны Днепра... бывший Гетман Демка Игнатов... (идет перечисление лиц)... до Тобольска, с сибирскими служилыми людьми и с провожатыми, а в Тобольске велено их держать за крепкими караулы, скованных, а из Тобольска велено послать их, Демку Енисейского уезда в Селенгинский острог, Ваську в Красноярский» и т.д.; «да в 180 году июля в 19 день, по нашему, Великого Государя, указу, посланы в Сибирь в ссылку... (идет перечисление лиц)... Игнашка Пареной, с женою Парасковицею... опять перечисление... а из Тобольска велено их послать... Игнашку Пареного в Селенгинский, в пешую казачью службу». Очевидно, к этой поре в Забайкальских острогах были уже казаки и конные и пешие и как Селенгинский острог показан Енисейского уезда, то и служилые люди значит высылались в оный из Енисейска⁶⁹.

После Аршинского нерчинским воеводой был назначен тобольский сын боярский Павел Шульгин. Этот человек замечателен тем только, что своими несправедливостями, притеснениями и жестокостью превзошел всех своих предшественников и вызвал восстание против себя служилых людей. «Шульгин за взятки выпускал бурятских аманатов, которые потом изменяли, уходили в Монголию; но жен аманатских не выпускал: они были ему надобны; подучал одних бурят отгонять табуны у других и делился добычей с хищниками; скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим и есть нечего было; по дороговизне хлеба питались травой и кореньями; бил служилых людей кнутом и батогами, велел брать в руку батогов по пяти; служилые люди вышли из терпенья, послали челобитчиков в Москву; но до Москвы далеко, когда-то придет указ? —

и в ожидании указа служилые люди распорядились сами: отказали Шульгину от съезжей избы и выбрали к государеву делу одного сына боярского, да десятника казачья»⁷⁰.

При администраторе такого сорта гражданское преуспевание края не могло идти вперед быстрыми шагами, но тем не менее заселение края продолжалось и благосостояние жителей Селенгинского района возросло настолько, что в 1674 году состоялись попытки завести торг с Китаем караванным путем, через Монголию, из Селенгинска. «Ездили в Пекин для торгу, из Селенгинска енисейский сын боярский Иван Поршенников, да торговые гости Евстафия Филатьева люди, Гаврило Романов с товарищами, всего 43 человека»⁷¹.

Другим фактом, указывающим на заселенность Селенгинского района, служит то обстоятельство, что в 1675 году поступили жалобы на селенгинских жителей от монгольских: Очарая-Саин-хана, от Кутухты и от Батура-контайши. Жалобы эти, надо думать, вызваны тем, что русские поселенцы, распространяясь к югу, вверх по р. Селенге, стали занимать кочевья монголов и начали собирать ясак с соседних бурят, уплачивавших таковой монголам⁷².

В 1676 году на смену Шульгину прибыл в Нерчинск боярский сын Лариои Толбузин, и в это самое время из ведения Нерчинского воеводства выделен Иркутский острог, в который поставлен воеводой боярский сын Алексей Толбузин⁷³.

К этой поре сношения русских из Забайкалья с китайцами развились настолько, что встретилась надобность установить торговые сношения путем формального договора. В видах достижения этой цели отправлено из Москвы посольство в Пекин под начальством переводчика Посольского приказа грека Николая Гавриловича Спафария, ко-

торый, проследовав российскими владениями до гор. Нерчинска, направился оттуда на г. Цицикар и далее в Пекин, куда и прибыл 15 мая 1676 года. К посольству его в Тобольске присоединено: 6 кречетных помытчиков, 30 конных казаков и 6 детей боярских⁷⁴. Посольство это испытало на себе неудобства оскорбительного для китайцев характера действий посольства воеводы Аршинского. Неснятие шапок перед богдыханом посланниками Аршинского и предложение богдыхану принять русское подданство повело к тому, что, боясь нанесения бесчестья богдыхану от Спафария, мандарины требовали выдачи им грамоты для предварительного прочтения оной, на что Спафарий, разумеется, не соглашался. После долгих переговоров на эту тему была снята копия с царской грамоты на латинском языке, и сошлись на сделке такого рода: Спафарий должен положить грамоту на богдыханское место, а два ближних мандарина тотчас же возьмут оную и понесут прямо к богдыхану. Результат этого посольства был неудачен; Спафарий выехал из Пекина без грамоты, потому что не хотел допустить в оной выражений, обидных для чести русского царя, а на словах ему поручено было доложить царскому величеству три дела: 1-е, чтоб выдать Гантимура; 2-е, если впредь придет посланника, то чтоб наказал ему ни в чем не сопротивляться, что ни прикажут; 3-е, чтоб запретил своим людям, живущим на рубежах наших, обижать наших людей⁷⁵. Если царское величество эти три статьи исполнит, то и богдыхан исполнит его желания, в противном случае чтобы никто из России и из порубежных мест в Китай с торгом и ни с какими делами не приходил.

Торговля товарами, которые привезло с собой посольство, шла очень плохо; китайцы сговорились, по какой цене продавать свои и покупать русские товары, и это по-

будило большую половину товаров вернуть с собой назад в Россию и понести вообще большие убытки.

В этом же году тобольскому воеводе Шереметеву доставлены известия о рудных месторождениях Нерчинского округа⁷⁶. По словам тунгусов, руды золотые, серебряные и оловянные надлежало искать по рекам, впадающим в р. Аргунь. Согласно этих указаний, по распоряжению воеводы Толбузина произведены розыски, результатом которых было открытие 20 старых плавилен и добыча желтой и серой руды и выплавка из серой руды сланца в Нерчинске⁷⁷. Эти руды были отправлены в Тобольск, а затем в Москву, и они-то, вероятно, послужили основанием Ядринцеву в соч. «Сибирь как колония» на с. 228 сделать такой вывод: чтоб уметь открывать или находить «богатства природы, нужны были знающие люди, а из Сибири доносили, что от тамошнего национна (народа. — *Примеч. ред.*) и из русских людей вспомогателей, способных к отысканию всяких роритетов (раритетов. — *Примеч. ред.*) не обретаются». Но Иван Власов извещает царя в 1680 г.: а прислал он, Трошка, чистые руды пять фунтов и того синего камня уломок, которым та руда обыскана, а какая та руда и краска, в какое дело годитца-ль, того мне, холопу твоему, не по чем, потому что в Селенгинском, Баргузинском и Иркутском рудознатных мастеров и красильщиков нет»⁷⁸. К этому же году Щеглов относит наименование Енисейска областным городом для управления всеми водворениями по Ангаре и в Забайкалье, со включением Нерчинска, не выделяясь в то же время из ведения Тобольского приказа⁷⁹. Если его сведение, приводимое Щегловым без указания ссылки, откуда оно почерпнуто, справедливо, то оно дает основание думать, что потребность в охране населения, разбросавшегося по Забайкалью, а также требование служилых людей для сбора

ясака и для других служебных надобностей, не могли быть удовлетворены призывом охотчих, вольных людей из среды местного населения, что, в свою очередь, служит веским доказательством того, что численность населения была невелика, что главная масса местных обывателей была крепка земле, то есть занималась хлебопашеством, а не охотой и звероловством, как было в других местностях Сибири, к востоку от Енисея.

В 1677 году из Нерчинска отправлены казаки и промышленники в верховья реки Зеи для постановки острога, названного Верховзейским. Вслед за сим в 1679 году поставлены на р. Зее еще два острога: Селимбаевский и Додонский⁸⁰.

Это обстоятельство наводит на мысль о том, что в Нерчинском воеводстве, с постановкой его в зависимость от Енисейска, скопилось достаточно и служилых людей, и провианта, потому что иначе нельзя было бы высылать людей для заложения острогов на расстояние многих сотен верст от Нерчинска.

В 1677 году⁸¹ сослан в Даурские остроги один из литовских ссыльных Юрий Крыжановский, который прежде был в ссылке в Охотске, в звании сборщика податей, но своими злоупотреблениями вызвал восстание тунгусов и переведен в Забайкальские земли.

Вслед за Толбузиным в Нерчинское воеводство назначен енисейский сын боярский Григорий Лоншаков⁸² на общем основании, т.е. на два года.

В 1680 году 17 ноября⁸³ состоялся боярский приказ о ссылке в Сибирь на вечное житье на пашню с женами и с детьми тех воров, которые «объявятся в первой или двутатьбах».

В 1680 году Лоншакова сменил стольник Федор Дометиевич Воейков⁸⁴. При нем население русское в Забайкалье разрослось уже настолько, что явилась надобность для края в постройке монастыря, который и основан в 1681 году на берегу озера Байкала, в том месте, где был убит в 1651 году московский посол Ерофей Заболоцкий, и назван потому Посольским⁸⁵. При нем же отправлена за Байкал в 1681 году духовная миссия, состоявшая из игумена Феодосия, иеромонаха Макария и нескольких монахов, для просвещения неверующих (История русск. церкв. Филар., IV. 55).

ГЛАВА VII (1682—1692)

Воевода Иван Власов. Начало недоразумений с пограничными алтайскими властями. Разорение Албазина. Воевода Алексей Синявин. Враждебные действия бурят против Селенгинского и Верхнеудинского острогов. Принятие русского подданства некоторыми монгольскими тайшами и табунутскими саитами. Воевода Леонтий Кислянский. Посольство Головина. Установление почты. Воевода князь Иван Гагарин. Посольство Елизария Избрандта. Приблизительный расчет русского населения в Нерчинском воеводстве.

В 1682 году Воейкова сменил Иван Власов (по Тобольскому списку Власьев), при котором натянутые отношения с пограничными китайскими властями приняли характер враждебных действий, и китайцы начали сильно и настойчиво вытеснять русских поселенцев с рек Зеи и Амура. Вследствие увеличения забот нерчинскому воеводе, а может быть, и в видах ограничения произвола единоначального воеводы, при Власове состоялось назначение в звание воеводы письменного головы Кислянского⁸⁶, который пробыл на этом посту до 1685 года. В 1684 году китайский богдыхан Канси повелел разорить все остроги и поселения, построенные русскими на р. Амуре, и приказал овладеть Албазиным. Приступив к исполнению этой задачи, китайский военачальник успел захватить в плен нескольких жителей Албазина и одного священника, которых и препроводил в Пекин, где их поселили особо и они образовали слободу под названием Русской роты. Для устройства церкви им было уступлено буддийское капище. В 1695 году

тобольский митрополит Игнатий выслал в эту церковь (во имя Св. Софии) церковные принадлежности. (См. Истор. цер. Филарета, IV, 57.)

В 1685 году 12 июля под Албазин подступило сильное китайское войско, которое после осады, выдержанной русскими под начальством Алексея Толбузина, назначенного туда из Иркутска, должно быть, в 1682 году, взяло город, отпустив воеводу с людьми по договору в Нерчинск, куда он прибыл с 300 душ муж. и жен. пола⁸⁷.

Китайцы ушли из-под Албазина, не сняв хлеба; это обстоятельство побудило нерчинского воеводу Власова снова отправить Толбузина для снятия хлеба, причем он велел ему построить «хотя малую крепость, где пристойно, из-за этой крепости снимать хлеб с полей, и снявши хлеб, поставить в удобном месте новый острог или город, ниже старого Албазина, чтоб неприятелю было не в уступку»⁸⁸. Для того же, чтоб доставить Толбузину возможность выполнить этот наказ, ему придан 600-ный полк⁸⁹, составленный в Тобольске в 1684 году из разногородных казаков и детей боярских и вверенный в Енисейске начальствованию пленного подполковника Бейтона, родом шотландца⁹⁰.

Толбузин исполнил возложенное на него поручение и к июню 1686 года возобновил прежний Албазин; но в июле того же года под Албазин подступила 5000 китайская армия с 40 орудиями и осадила город. Во время осады убит Толбузин и начальство принял Бейтон.

Одновременно с нападением на Албазин в 1685 году начались нападения монголов на Селенгинск, где они отгоняли скот и россиян били и грабили, жители же селенгинские по «малолюдству своему не смели ни выступить из острога, ниже преследовать монгол».

Донесение об упомянутых неудачах прибыло в Москву 15 ноября и доставлено казаками Якимом Ивановым и Гришкой Фоминым, бывшими в плену у китайцев и отправленными из Пекина с письмами к Государю, от богдыхана, и к воеводам албазинскому и нерчинскому от китайского военачальника Пунг-хена⁹¹.

Письмо к Государю изложено в следующих выражениях⁹²:

«Богдойский царь русскому Белому Царю указ послал. Сперва твои люди на своей земле жили; ныне в мою землю вошли, пустошат и изгоняют. Прежде сего не бывало. Мои украинные люди жили в прохладе и тихо. Ныне ваши русские люди в мою землю зашли далеко; мою землю пустошат и моих украинских людей, жен их и детей отнимают... Я ныне большое войско выслал, драться и воевать хотел. Мы сперва меж собою жили советно; нам бы старого совету не потерять. Война и драка у нас меж собою будет; а наши украинные люди не оскудеют ли? подумаем. Войско пойдет, вашим людям натужно будет. Ты своих русских людей назад возьми с моей земли безо взятка смуты. Сперва я к тебе писал, а ты стал больше людей посылать, мою землю пустошить и грабить, и беглых людей принимаете. Я еще вышлю войско и воевод своих... которые твои русские люди были, я их взял; ни одного не убил, всех пою и кормлю. Я посмотрю, твои русские люди худова дела не покинутся ль? Я ныне послал большое войско свое Албазинской острог было воевать. Я в подсолнечной, тьма земель, люди есть, живут в прохладе, тихо и смирно; всякого покою и кормлю. Еще к тебе писал: твои и мои украинные люди не изгонны б и не натужны жили, не разорались бы и не разбежались. Подумаем! без драки и без войны лучше будет. Албазинских своих русских людей к себе назад возьми. Якутск, или короткое место рубежом поставим, там по своим землям станем жити и промыслы про-

мышляти. Ты из тамошних людей ясак на себя емли, а в мою землю своих русских людей не пущай; по пустому моих людей изгонять и налоги чинить не вели; и мы промеж собою против сего письма по совету сделаем. А которое свое войско послал под Албазин, и я то войско велю назад воротить, и на рубежное место посажу, и наше рубежное место будет, и наши украинные люди станут жить в прохладе и в совете, безо всякия смуты и пороку, и торги меж собою торговати, и посылы посылать, и станем меж собою жить в совете. Я сперва к тебе сколькожды писал о сем деле; и ты ко мне не единой строки не отпишешь и человека не пошлешь. Я, что после взял которых людей, из тех двух человек выбрал, и письмо им дал, в албазинской острог выслал, и тех двух человек назад ко мне не отпустил, а письма ко мне ни единой строки не отписал. Не знаю, твои люди мое письмо довели-ль, или нет, и мне про то не ведомо. Ныне у меня на украине войско стоит. Вам ведомо ли? Двум твоим русским людям письмо дал; для ради того к вам нарочно послал, чтоб вам про то все было ведомо. — Кан-Хи. В 24 лето, в 4 день».

Начавшиеся со времени воеводства Власова осложнения в сношениях нерчинских воевод с пограничными китайскими властями побудили Боярскую думу решиться снарядить посольство к бохдыхану, назначение которого и состоялось в 1686 году. Посылка в Пекин гонцов с этим известием⁹³ вызвала распоряжение бохдыхана о прекращении осады Албазина, которая снята в 1687 году.

При Власове приступлено к постройке Селенгинского Троицкого монастыря строителем, командированным из Нерчинска⁹⁴, и в 1685 году в Телембинском остроге начали плавить чугун в ручных горнах и ковать железные вещи⁹⁵.

Вместо воеводы Власова, назначенного в 1686 году в состав посольства Головина, в Нерчинск отправлен Алексей

Синявин. При нем заселение Селенгинского края, надо полагать, развивалось быстрее, потому что прежние жалобы тамошних бурят и монголов преобразились уже во враждебные действия, направленные против Верхнеудинского и Селенгинского острогов. Здесь кстати будет упомянуть о времени основания Верхнеудинского острога. Он должен был появиться после Селенгинского; если Селенгинский острог, лежащий на прямом пути в Россию от центрального пункта первоначальной деятельности администрации края, от острога Иргенского при впадении р. Хилка в р. Селенгу, вырос только через десять лет после установления первой гражданской власти в крае, уже по обложении ясаком хоринских бурят, то Верхнеудинскому острогу, как дополняющему значение Селенгинского в смысле обеспечения западной границы наших Забайкальских владений — естественно, надлежало явиться несколько позже, и потому предположение Словцова, что этот острог появился в 1668 году, гораздо ближе к истине, чем указание Щеглова, что он выстроен в 1649 году. И вот почему именно. При движении Бекетова за Байкал в 1653 году, а затем Пашкова в 1656 году по рекам Селенге и Хилку, ни тот ни другой не видали Верхнеудинского острога, и Бекетов собирал сведения от монголов, кочевавших по р. Селенге, ниже впадения в оную р. Хилка. Следовательно, острога не было. Не было этого острога и в 1662 году, в год прибытия за Байкал воеводы Толбузина, двигавшегося к Нерчинскому острогу с реки Тугира волоком к Нерчинску, — в чем бы ему не было надобности, если б он мог рассчитывать встретить русские поселения по р. Селенге.

В начале 1688 года большие толпы монголов подступили к Селенгинску и пытались зажечь оный, пуская стрелы с горючими веществами и зажженные пуки тростника⁹⁶, но

были отбиты казаками, которыми начальствовал бывший запорожский гетман Демьян Многогрешный. Подступали монголы с бурятами и к Верхнеудинску, но также были отбиты казаками и местными жителями, подкрепленными ротой стрельцов, прибывших в составе войск, сопровождавших посольство Головина⁹⁷. Затем около заимки Ильинской (что ныне слобода) неприятель напал в больших силах на один полк, проходивший вверх по реке, но был прогнан пушечными выстрелами⁹⁸.

Понеся урон и убедясь в невозможности сломить русских, монголы удалились и, занятые внутренними распрями, дали возможность посольству Головина спокойно разместиться в Селенгинске и его окрестностях, а затем, 10 ноября, монгольский тайша Ирка Кантазий и другие выслали к нашему послу Уйзайсана с просьбой о принятии их в русское подданство и о дозволении им кочевать при р. Селенге.

Последним поводом для принятия подданства послужили победы, одержанные Головиным над монголами. Решившись идти на Нерчинск, он признал нужным обезопасить Селенгинск, Верхнеудинск и Баргузинские остроги от нападения монголов. Лучшим средством для этого он признавал разбитие монголов, а потому, собрав в сентябре месяце всех братских мощных служилых людей вдобавок к своим регулярным войскам, он пошел на монгольские улусы и верстах в 200 от Верхнеудинска, за р. Хилком, встретил табунутских тайшей «Серен Секулая с товарищи» и, напав на них, разбил. «Побил с двести человек монголов и в полон взял множество со всем их рогатым скотом и табунами; остальные же табунутские, один тайша, шесть зайсанов (родовых наследных старшин. — *Примеч. ред.*), тридцать человек шуленг (князей, стоящих во главе родов. — *При-*

меч. ред.) и тысяча двести юрт» — 1 октября заявили Головину желание принять русское подданство⁹⁹.

Результатом переговоров, завязавшихся по этому поводу, был договор, состоявшийся 15 января 1689 года¹⁰⁰ между полномочным послом Головиным и монгольскими тайшами (племенными вождями. — *Примеч. ред.*)... «и которые по них над теми мунгальскими улусными людьми владетели будут». Они просят царское величество принять их под свою руку, дозволив кочевать им близ Селенгинска, по обе стороны реки Селенги, и никаких бы им тайшам и улусным их людям «от подданных их царского величества каких либо ни есть народов обид не было». В VI статье этого договора «воспрещается возбуждать вопрос о тех улусных людях, которые, ища милости Великих Государей, пришли под самодержавную их Царского Величества высокую руку в ясашный платеж ныне, такожде о братских людях и о тунгусах, о которых они, тайши, прежде сего многожды в прошении своем упоминали, никогда им тайшам об них у Великих Государей их Царского Величества милостей не просити о том не упоминаться и обид им и налогов вспомяная их будущее подданство в своих улусах не чинити». Далее, в VII статье выражено... «Прежде бывшего им тайшам, Кутухту и Хана своего Очарая и иных мунгальских владельцев и ни которых государств ни в чем не слушать и никаких ссылок без ведома их Царского Величества, которые по их Царского Величества указу будут в Нерчинском и Селенгинском воеводы не чинити и никакого согласия ни к чему либо ни есть споможения не делати... а присылать спрашивать к воеводам селенгинскому или других украинских городов».

Затем упомянуто, «чтоб посланцев мунгальских по весне отправить в Москву», а также установлен размер ясака,

а именно: тайши обязались в казну Великих Государей, в Селенгинский город давать: «на весь год с пяти кошунов пятьдесят добрых лошадей, пятьдесят добрых быков, пятьдесят добрых баранов».

Из этого договора видно, что монголы считали себя до сего времени хозяевами в этом крае, а кочевавших в оном бурят и тунгусов — своими данниками; кроме сего договор этот указывает и на то обстоятельство, что кочевавшие по р. Селенге буряты прибыли с Ангары; они названы «братскими», то есть тем прозвищем, которое установилось за бурятами, проживавшими между реками Ангарой и Удой с отстройки Братского острога.

12 марта того же года Головиным заключен еще один договор такого же характера¹⁰¹, а именно с Табунутскими сайтами¹⁰², принявшими российское подданство. Во 2-й статье этого договора, между прочим, изложено: «Опричь их Великих Государей, у китайского и монгольских ханов у геген кутухты и у прежних их владельцев под властью быть не желать и для воинских поведений китайских и мунгальских и иных не мирных иноземцев в страну Царского Пресветлого Величества под украинные города на Селенгу и под Удинск, под Нерчинские остроги и под заимки с ратьми не подзывать... В казну Великих Государей с себя ясак давать поголовный по вся годы добрыми собольми, рысьями и лисицами добрыми ж и никаких отговорок о ясаке не чинить; а по самой нужде давать и скотом рогатым, без недодачи, добрым, в который город Великие Князья Государя укажут». И затем в конце выражено: «и слушали сих статей сайты и шуленги за детей своих и за всех улусных людей дали шерть такову: пицаль целовали в дуло, саблю собак рубили, да тое кровавую саблю лизали, по чашке студеной воды пили и впредь для подтверждения к сим статьям они сайты руками своими закрепили».

То обстоятельство, что с табунутскими сайтами заключен особый договор, заставляет думать, что они не были подвластны монголам и в то же время не считали себя монголами, а как, по заявлению Словцова, в составе селенгинских бурят есть 4 рода табунутских, то надо полагать, что и договор посла Головина заключен с их предками.

Из приведенных выписок явствует, что к этой поре поселения русских придвинулись за Селенгинск «украинные города по Селенге»; что русские осели в этом краю настолько прочно, что появились *заимки*, то есть захваты земель отдельными лицами в свою личную пользу, что, в свою очередь, указывает на существование в крае земледелия; далее выясняется, что в Селенгинске были уже *воеводы*, посылавшиеся из Енисейска, вероятно, так как Енисейск считался областным городом. Затем очевидно, что русская администрация в крае к этой поре еще не установилась, потому что монгольские тайши считали себя вправе *брать ясак с братских и тунгусов* и неизбежным следствием такого положения дел было недовольство бурят, бежавших с Ангары за Байкал в 1655 году от русских сборщиков ясака; этим неудовольствием и объясняется присоединение бурят к монголам при нападении их на Селенгинский и Верхнеудинский остроги.

Нападение монголов и бурят на упомянутые остроги послужило поводом к тому, что встреча полномочного московского посла Головина с китайскими уполномоченными состоялась не в Селенгинске, как было предположено сначала, а в Нерчинске. По прибытии в Верхнеудинский острог осенью 1687 года Головин послал в Пекин дворянина Коровина известить о своем прибытии и просил о присылке полномочных в тот пункт, куда богдыхану будет желательно¹⁰³. В июле 1688 года Логинов вернулся с уведомле-

нием, что пунктом встречи назначен Селенгинск; но вслед за этим получено известие об отсрочке поездки, мотивированной беспорядками в Халхе, в Монголии; затем, после прибытия в Пекин другого курьера от Головина, назначен пунктом встречи гор. Нерчинск.

Во время этих переговоров в Нерчинск назначен воеводой вместо Синявина Леонтий Кислянский, который и оставался там с 1689 до 1692 года, когда его сменил князь Иван Гагарин. При Кислянском 9 августа 1689 года добралось до Нерчинска посольство Головина.

Посольство Головина было снаряжено в 1686 году. При назначении уполномоченным послом сын боярский Федор Алексеевич Головин был пожалован в окольничие. Товарищем посла назначили нерчинского воеводу Власова, наименовав его наместником Елатомским; при посольстве состоял дьяк Карпицкий и два подьячих. Для сопровождения посольства назначен стольник Синявин из московских дворян. Кроме сего, для придания большего значения и веса требованиям посла с ним отправлен 500-й стрелецкий полк и приданы штаб и обер-офицеры для укомплектования двух казачьих полков, которые должны были быть набраны в Сибири. По вскрытии вод в 1686 году посольство спустилось по Иртышу в Кеть и потянулось вверх по этой реке на 23 судах; из Енисейска оно уже выступило на 50 досчаниках; из Иркутска же за Байкал оно сплавливалось по частям вследствие недостатка перевозочных средств в течение 1687 и 1688 годов¹⁰⁴. Перезимовав две зимы в Верхнеудинске и Селенгинске, построив деревянную крепость около Верхнеудинска, который стал называться с этого времени пригородком, и положив основание прочной власти русских в Селенгинском крае, Головин 24 июня¹⁰⁵ из Невинской слободы

выступил к Нерчинску, получив уведомление о прибытии туда китайских полномочных в июле.

Для посольских съездов были разбиты наметы в поле, и разбивал их бывший гетман запорожский Демьян Многогрешный¹⁰⁶, о котором упомянуто выше в указе 1673 года. Переговоры затянулись вследствие неуступчивости с обеих сторон и грозили принять неблагоприятный для нас оборот, так как на стороне китайцев был значительный численный перевес в войсках, да кроме того они успели возбудить против русской власти окрестных бурят, угрожающие толпы которых окружили город, заняв близлежащие высоты; сами послы китайские выехали из города.

Сознавая несоразмерность своих сил с теми, которые могли развернуть китайцы, и боясь отложения тунгусов и бурят, и убедясь к тому же из расспросов знающих людей, что местности по р. Амуру вверх от Албазина до Горбицы ни к чему не пригодны — ни для хлебопашества, ни для торговли, Головин уступил¹⁰⁷ и послы договорились о государственных границах следующим образом: на левом берегу Амура границей назначена р. Горбица, а на правом р. Аргунь; Амур остается во владении китайцев; границей вдоль одного указан хребет в направлении от верховьев реки Горбицы к верховьям реки Уд, впадающей в Охотское море.

Нерчинский договор состоялся 27 августа 1689 года¹⁰⁸.

Ближайшими результатами Нерчинского договора было: умиротворение границы; установление правильного торгового оборота; оставление Албазина и возвращение в Нерчинск обывателей одного под начальством Бейтона; прекращение притязаний на Гантимура и усиление Забайкалья войсками. Кроме сего, после трактата, в котором не упомянуто о подчинении бурят Агинской степной думы (р. Аги — левый

приток р. Онона, ближайший к соединению одного с Ингодой), Нерчинское воеводство стало беспрепятственно владеть самоосадочной солью Борзинского озера¹⁰⁹, находящегося неподалеку от II Чиндантской станицы. Следовательно, владения Нерчинского воеводства захватили все нижнее течение реки Онона, от впадения в оную р. Борзы.

Перенеся Аргунский острог с правого на левый берег Аргуни, усилив Нерчинск гарнизоном и артиллерией и разместив два казачьих полка, сформированных в Сибири по городам Селенгинску и Верхнеудинску, Головин отбыл в Москву весной 1690 года, приказав заложить на Селенге остроги: Итанцинский и Кабанский¹¹⁰.

В это же время состоялось и другое важное для Сибири, а следовательно и для Забайкалья, распоряжение — установление правильного почтового сообщения. В 1680 году учреждена пересылка писем по Государевой почте¹¹¹. До издания этого указа пересылка в сибирские города деловых бумаг производилась через особых казаков или «нарочных» из частных лиц, по усмотрению воевод, «с кем было пристойно». С этого же года с Государевой почтой можно было посылать и частные письма, за которые взималась определенная плата. Почта из Москвы в Тобольск и из Тобольска в Нерчинск и обратно ходила только три раза в лето. (См. пас. м. Тоб. губ. 146.)

В 1692 году Кислянского сменил воевода князь Гагарин; при нем состоялось посольство в Пекин датчанина Елизария Избрандта, имевшего поручение испросить у китайского богдыхана Канси льготы для торговли русских в Маньчжурии.

Выехав из Москвы весной 1692 года, Избрандт прибыл в Тобольск в начале августа и, получив здесь проезжую грамоту, на свободный проезд членам посольства, в коем,

кроме него, состояли один дьяк и пять иноземцев, с следовавшим при оном караваном, посол прибыл в Аргунский острог к августу 1693 года; из этого острога 5 августа он выехал в Цицикар и прибыл в Пекин 4 ноября того же года.

Миссия Избрандта в общем удалась: торговые предложения были приняты и Маньчжурия открылась для русского торгога, а Пекин — для караванов. Избрандт откланялся 9 февраля 1694 года и прибыл в Аргунский острог 27 мая, а в Москву — 1 января 1695 года¹¹².

Избрандту, между прочим, поручалось вытребовать место под русскую церковь, которая будет отстроена в счет царской казны¹¹³.

В бытность князя Гагарина нерчинским воеводой притеснения сборщиков ясака, надо полагать, были очень велики, потому что многие из ясачных инородцев стали разбегаться, откочевывать от наших острогов и даже уходить в Маньчжурию и Монголию. Это усматривается из Царских указов, разновремененно дававшихся нерчинским воеводам Николеву и Бибикову.

В это время, то есть в эпоху заключения Нерчинского договора, русское население в крае должно было быть не менее 7 тыс. мужчин в силу ниже указанных соображений. Всего в воеводстве было 3 города, 9 острогов¹¹⁴ и несколько деревень, заимок и зимовьев. В городах и острогах с отъездом Головина, оставившего в Забайкалье весь свой отряд силой в 2500 человек вместе с служилыми людьми, состоявшими на службе в крае до его приезда, не могло быть менее 3 тыс. человек. Предполагая, что посадских людей, пашенных крестьян, мещан, торговцев и промышленников было столько же или немного больше, да к ним присоединились 600 человек, прибывших из Албазина, в общем итоге получается 7 тыс.

ГЛАВА VIII (1692—1697)

Установление печати Даурской земли. Принятие подданства селенгинскими бурятами. Заботы правительства о сокращении злоупотреблений сибирских воевод. Наказ нерчинскому воеводе 1696 года. Меры к заселению края. Средства края.

К концу XVII столетия правительство имело в своих руках уже столько веских данных о злоупотреблениях сибирских воевод, что нашлось вынужденным прибегнуть к принятию крутых мер. Начало положено указом Боярской думы от 11 июля 1692 года¹¹⁵, данным таможенному голове города Верхотурья, в котором точно определен размер денег и мягкой рухляди, разрешенных к вывозу из Сибири разным чинам служилых людей (воеводам тобольскому и томскому дозволялось вывозить по 500 р., а прочим -- по 300 р.). В упомянутом указе, между прочим, объявлена и роспись печатям разных сибирских городов; для Даурской, Нерчинской установлена следующая: *орел одноглавый держит лук вниз тетивою, кругом* написано: «*печать государева Сибирской земли Даурских острогов*».

Печати установлены для того, чтобы доставить возможность Верхотурской таможене проверять количество товаров, вывозимых из Сибири и оплаченных таможенным сбором на местах. Количество товаров должно было быть оговорено в проезжих грамотах; товары лишние против оговоренного должны были отбираться в казну. «Таможенные головы кроме тобольского должны были выдавать всякому торговому человеку по одной проезжей грамоте на

лицо, а по две и по три грамоты одному человеку и за очи и засылкою никому давать не велено, и печатать те всякие товары и мягкую рухлядь у торговых и у промышленных людей велено Великих Государей таможенными печатями, чтоб однолично никто не своровал промыслом и по дружбе воеводския и дьячбы и письменных голов».

В видах уменьшения насколько возможно убытков, которые несла царская казна от недобросовестности сибирских воевод, 24 апреля 1695 года¹¹⁶ состоялся указ об оставлении воевод на службе в сибирских городах, кроме Тобольска, от 4 до 6 и более лет. «Впредь в сибирских городах опричь Тобольска воеводам быть беспременно против прежних лет по четыре, по пяти, по шести лет и больше, смотря по человеку, буде который учнет их Великих Государей дела делать и доходы собирать радетельно сполна... и указали Великие Государи в сибирских городах быть воеводами не частыми перемены, для того что от таких перемен их Великих Государей казне учали быть великие недоборы и всяким доходом оскудение, потому что воеводы, забыв их Великих Государей крестное целование и презря жестокие указы, каковы в наказах написаны, многое вино и всякие товары через указ в Сибирь привозят и сверх того в Сибири вино курят и тем вином многую корысть себе чинят; а на кружечных дворах их Государево вино в продажу записывают малое число, в год инде по 20 и по 10, а инде написано в продаже всего одно ведро... а в сибирские города всякого чина людем чинят многие обиды, налоги и разорения; да они же для сбора ясачной казны отпускают служилых людей и имеют с них себе великие взятки и посулы, и лучшие соболи выбрав... а служилым и ясачным людям великие обиды, налоги и грабежи чинят, а для челобитья в Москве их не пропускают, и от того многие служилые люди

по зимовьям побиты, а иные от их воеводских налог изменили и в Китайское государство отъехали; и те изменники Мунгалы, мстя обиды свои многих их Государевых служилых и ясачных людей грабят и побивают... а с тех статей в городах в земскую избу дать за дьячею приписью списки и земским всякого чина жителям их Великих Государей грамоты с прочетом, что им воевод слушать как в тех статьях написано; а буде который воевода учнет что делать через те ему данные статьи и им его в том не слушать, а посылать в Москву на того воеводу за своими руками челобитные»...

Вслед за сим июля 26 состоялся указ¹¹⁷ «о заведении целовальниками книг по приходу и расходу соболей и другой мягкой рухляди, в которые должна была заноситься остаточная казна при приеме новым целовальником должности от старого и подробно по статьям от кого, что, когда получено и кому, что, когда и по чьему распоряжению выдано»... и «приняв о выдаче указ, записать в те расходные тетради того ж часа, не отлагая до иного дня... и того остерегать, чтоб в тех тетрадях замаранных чисел и чищенных мест не было»...

В это же время в видах установления большего порядка в ведении дел Сибирского приказа 4 сентября¹¹⁸ состоялся указ о том, чтоб во всех сибирских городах исполнять только те указы и грамоты, которые будут присланы из Сибирского приказа, или же, хотя придут и из других мест, но будут подтверждены распоряжением Сибирского приказа.

Надо полагать, что к 1695 году злоупотребления властей в Сибири вообще достигли высокой степени, потому что из 33 указов, помещенных в III томе «Полного собрания законов», с 20 января 1695 года по 29 января 1696 года, 17 касаются Сибири, из коих в 12 трактуется о злоупотреблениях и устанавливаются таможенные прави-

ла, причем не заметно даже желания смягчить выражения; так, например, в указе от 18 декабря 1695 года об оценке в сибирских городах ясачных мехов настоящей ценой¹¹⁹ употреблено выражение: «многие воеводы воруют лучшие ясачные соболи». В указе от 26 декабря о нечинении пыток ясачным людям и о посылке для ясачного сбора приказчиков людей добрых, по выбору городскому¹²⁰ говорится: «и от того их воеводского и ясачных сборщиков воровства и мученья и грабежа и разорения многие ясачные люди отошли в подданство в Китайское государство и в разные дальние безвестные места». В указе от 16 января 1696 года¹²¹... «ведомо их Великим Государем учинилось, будучи в сибирских городах некоторые воеводы воруют... емлют себе многие взятки и ясачных сборщиков... заставляют с иноземцев себе брать и грабить посильно... а иные многие от того разбежались в дальние места и ушли в Китай... те ж воеводы посылали своими и с грабленною и с краденною рухлядью в Китай торговать...»

Из приведенных выписок легко усмотреть, что все эти указы вызваны главным образом злоупотреблениями нерчинских воевод, потому что в них неоднократно упоминается о бегстве инородцев в Китай, а указ от 23 января 1696 года ясно доказывает это упоминанием о злоупотреблениях нерчинского воеводы князя Гагарина за время с 1692 по 1695 год.

То обстоятельство, что прижимки воевод и служилых людей, посылаемых за сбором ясака, побуждали инородцев бежать куда возможно, лишь бы избавиться от гнета, заставило правительство изыскивать способы к устранению этого неудобства, и одним из таковых была замена сборщиков ясака служилого состава выборными людьми. Так, в указе от 26 декабря 1695 года установлено: «и для ясачного

сбора ясачных сборщиков и подъячих и толмачей и служилых людей в ясачные волости и острожки и в зимовья и в пашенные места и прикащиков из посулов не посылать, и с них для тех посылок и от отпуску ни с кого ничего не иметь; а посылать людей добрых, кому в таком деле можно верить, за выбором градских людей»¹²².

Но меры эти мало достигали цели, потому что в мало-развитом обществе, в котором и высшие власти, обязанные блюсти за точным исполнением закона, были далеко не безгрешны, не только трудно, но просто невозможно было найти людей честных и добросовестных. Вот почему правительство было вынуждено прибегать к застрашиванию нарушителей указов строгими взысканиями и смертной казнью. Да, наконец, подчиненным лицам, при той зависимости, в которой находились все жители данной местности (особенно столь отдаленной, как Нерчинское воеводство) от произвола воеводы, имевшего в своем распоряжении и орудия пытки и служилых людей, не было возможности действовать вопреки желаний воевод; что воеводы пытали обывателей, видно из следующего места упомянутого указа: «и впредь воеводам против сего вышеписанного ничего отнюдь так не делать и опричь тех дел, которые по уложению пытки надлежат, никаких русских людей, и ясачных иноземцев ни в каких делах, не списався с Великим Государем, не пытать и не казнить и никому ни в чем никаких обид и налог не чинить...»

Несмотря на массу распоряжений правительственных, клонившихся к ограничению злоупотреблений сибирских воевод и сибирских неурядиц, оно, кажется, само понимало невозможность устранить таковые посылкой наказов и изданием законов и пыталось взять на себя даже роль ближайшего контролера действий сибирских воевод. В имен-

ном указе от 30 декабря 1695 года, объявленном Сибирскому приказу боярином Репниным¹²³, изложено: «Великие Государы указали послать грамоты во все сибирские города, велеть впредь к Великим Государям отписки писать, и всякие дела присылать закрепя по составом; а которые дела доведутся в тетради писать, те тетради по листам из Тобольска за дьячими, а из иных городов воеводам за своими руками... а из тех городов за подьяческими руками, а не закрепя отписок и всяких дел по составом, а в книгах и тетрадях по листам, отнюдь из городов к Москве никаких дел не присылать, для того чтобы в спорных делах воеводы отписок своих и от дел не отговаривались». Очевидно, правительство, желавшее проверять действия воевод, возвращавшихся в Москву с отчетами за время своего воеводства по истечении двух лет, не имело возможности выполнить это обстоятельно, потому что воеводы отпирались от своих распоряжений, если таковые делались по их приказанию, но не за собственноручными подписями.

Чтоб вызнать истину о степени размеров воеводских злоупотреблений, достигших наибольшего развития в Нерчинском воеводстве, правительство нашлось вынужденным обратиться с запросом к торговым людям о том, кто из них сколько платил воеводам нерчинскому, якутскому и иркутскому. Так, в указе от 23 января 1696 года¹²⁴ изложено: «Великие Государы указали опросить гостей и других торговых людей, которые торгуют в Сибири и прибыли в настоящее время в Москву, сколько они сами платили, или их приказчики в 200, 201, 202 и 203 годах (1692, 1693, 1694 и 1695 год.) при бытности стольников князь Ивана князь Петрова сына да и князь Матвея, да Якутского князь Ивана князь Михайлова сына Гагариных с русских и сибирских и с китайских товаров в Нерчинске, в Иркутске и в Якутском таможенных пошлин

и десятой деньгами-ль и какими товарами платили?.. а если кто был из них в Китае, то сколько людей, родственников и знакомых названных воевод ходило с караванами в Китай вместе с ними и платили ли эти люди в Нерчинске пошлину с товаров? — Не вывозил ли кто из названных воевод своих товаров в Россию и не посылал ли таковых вместе с ними, с торговыми людьми, и если посылал, то сколько, каких товаров и куда именно? Не делал ли кто из названных воевод, а также и из числа воевод тех городов, через которые они проезжали, каких-нибудь обид и налогов, и сколько с кого и чего взято?» При этом торговые люди увещеваются говорить правду и предвзвешиваются, что за утайку истины, если она после узнается, они будут отвечать своим имуществом.

Кроме сего, признано необходимым составить карту Сибири¹²⁵, потому что Сибирский приказ не имел возможности судить правильно о действиях сибирских воевод, если они ссылались на местные условия, что, разумеется, парализовало действия приказа, клонившиеся к устроению края. Тобольскому воеводе было предписано сделать распоряжение о нанесении на план уездов каждого сибирского города, с показанием деревень и волостей русского населения и ясачных волостей; расстояния между городами обозначить на плане верстами или числом дней хода; указать «на котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли... а те чертежи велеть сделать мерою в длину трех аршин, в ширину дву аршин самым добрым мастеровым, а большой всей Сибири чертеж сделать в вышину трех аршин, а поперек четырех аршин».

Князя Гагарина в 1695 году сменил воевода Афанасий Савельев, прославившийся по всей Сибири корыстолюбием и алчностью к взяткам¹²⁶.

Ко времени воеводства князя Гагарина Щеглов относит переселение в Россию из китайских пределов селенгинских бурят, называвшихся прежде Зонгольским или Сортольским родом. На чем основано это заключение — указаний Щеглов не дает¹²⁷.

Дело о злоупотреблениях князя Гагарина выяснило, что Забайкалье имеет большое торговое значение и потому весьма понятна та заботливость, которую проявил о нем Петр Великий в первые годы своего единодержавия. Торговля с Китаем развивалась быстро и во времена Гагарина в ней принимали участие не только сибирские, но и русские купцы городов, лежащих к северу и востоку от Москвы; это обстоятельство разъясняет, почему правительство стало заботиться о выработке точных правил для сбора пошлин с разных видов китайских товаров, которых, как можно судить из наказа таможенным головам от 30 августа 1698 года, было много; в статье 13-й этого наказа изложено: «А с китайских и бухарских товаров, с золота и серебра и с камок, лауданов и таек и с атласов и лещей и с китаек, которые привезены будут из Китая, и из Бухар и из калмыцких и из иных (землиц) всяких чинов с людьми в сибирские города, пошлины имать товарами весчими, с золота и серебра с фунтов и с золотников весом, а с локотных, с косяков, камок и атласов и лещей и китаек тюмов и портищ счету десятая фунтами и золотниками и косяками и портищами, а с не полных десятков по оценке деньгами».

Поглощенный заботами о приготовлениях к походу на Азов, Петр не забыл Забайкалья и деятельно занялся составлением наказа нерчинским воеводам, которым определен круг их обязанностей как по гражданскому, так и по военному управлению краем. Наказ этот объявлен 18 февраля 1696 года, то есть вслед за указом о выступлении войск

в поход, состоявшийся 6 февраля того же года, и дан, надо полагать, воеводе Самойле Николеву¹²⁸, который, как видно из указа 1698 года, умер в 1697 году в Нерчинске и после которого Петр назначил воеводой несовершеннолетнего сына его стольника Ивана, придав ему в соправители дьяка Луку Кочмарева. На чем основано указание Щеглова на стр. 130 «Хронологического перечня важнейших данных из истории Сибири», что воеводу Савельева сменил малолетний сын воеводы Семена Полтева, умершего в дороге, не доехав до Нерчинска, — неизвестно.

Наказ нерчинским воеводам есть первое систематическое изложение правительственного руководства к управлению землями, лежащими за Байкалом, и потому будет не бесполезно ознакомиться с ним ближе. Наказные статьи Великого Государя Даурским Нерчинским воеводам изложены в нижеуказанной последовательности¹²⁹.

1. Указывается порядок приема у прежнего воеводы «Государевой печати и иных статей и города Великого Государя ясачной и денежной казны и всякой казны», для чего рекомендуется пригласить в съезжую избу Нерчинска боярских детей, казаков, пушкарей и затинщиков и всяких жилецких людей и объявить о своем назначении и спросить претензии на прежнего воеводу.

2. Объявить им, *чтоб они никого не обижали и не грабили*, иначе они будут подвергнуты соответственному взысканию — «и чтоб не допускали измены и шатости в даурах, в деческих и в гилияцких и во всяких иноземцах».

3. Осмотреть в нерчинских острогах пушки и пищали и у служилых людей пищали, свинец, зелье, куяки, шапки и шеломы и Великих Государей соболиную казну и хлебные запасы — все это описать, принять и беречь. Кроме сего,

пригласить к себе князцев, лучших улусных людей, поскольку человек из *волости* пригоже.

4. Принять этих выборных людей парадно и высказать им милостивое государево слово, и если они испытывали обиды, обнадежить, что таковых впредь не будет.

5. Предложить этим выборным людям быть верными подданными, не допускать между собою «воровства и шатости и всякого лихого умышления» и таких бы людей не таили, не укрывали бы, а приводили бы к воеводе.

6. Затем, хорошо накормив и напоив, распустить их по домам, возвратив с ними и тех, которые взяты без указа, оставив только аманатов.

7. Живя в Нерчинске, наблюдать, чтоб караульная служба отбывалась старательно, и высылать служилых людей в разъезды, «до каких мест пристойно», для собирания сведений о положении разных острогов.

8. Будучи в Нерчинском и в острогах, воеводе успокаивать ясачных и увещевать их безбоязненно приезжать в остроги.

9. Если будут приезжать иноземцы, то принимать их ласково, приветливо и стараться приглашать в подданство.

10. Обратит особое внимание на развитие хлебопашества. Пахать десятинные пашни; «а выдельного и оброчного хлеба с той их указанной пашни не имать, чтоб их крестьянам в том тягости лишния не было. Под крестьянские пашни землю давать у Нерчинского города и в уезде вверх Нерчи и Шилки рек, да вниз по Шилке же и в иных местах... а оставшиеся земли в Нерчинских острогах продавать всяким людям по тамошней даурской цене, а деньги держать крестьянам же на ссуду и на подмогу впредь».

11. Хлеб принимать и выдавать под гребло, а не пудами; хранить в прочных помещениях и «радеть чтоб хлеба напа-

хоть на нерчинские расходы и их острожек, без тобольского и енисейского присыльного и покупного и беспорядного хлеба сполна». О том, где, сколько, каких людей поселить и где заведет какое количество пашен, присылать к Великому Государю именные отписные книги.

12. По сборе ясачной казны — приглашать промышленных людей для расценки и рассортировки оной. Оценку записать в ценовную роспись с ценовщиком собственноручно и скрепить таковую воеводе... ясак этот отправлять к Великому Государю с лучшим из служилых людей по выбору, за нерчинскую печатью.

13. Устанавливаются правила относительно сбора ясака; предлагается задерживать аманатов по полугоду и помесячно, «как пристойно». При посылке людей в ясачные земли наказывать им не делать обид инородцам, не торговать; воспрещается отдавать сбор ясака на откуп, «а как нерчинские служилые люди из иных земель с ясаков наедут, и ему стольнику и воеводе к тем служилым людям посылать на встречу детей боярских и казаков добрых людей, кому бы в том можно было верить». Проверять рухлядь и всю неправильно добытую отбирать на Великого Государя.

14. Не возбраняется служилым людям приискивать новые земли для сбора ясака; об отыскавших таковые сообщать в Москву, а их жаловать «деньгами и сукнами и камки и тафты, смотря по их службе».

15. Дополняет предшествующую. Если даурские служилые люди, открывшие новые земли, возвращаясь оттуда, будут по дороге продавать нашим ясачным людям добытую рухлядь, то их бить кнутом, а рухлядь отбирать на Великого Князя.

16. Воспрещается воеводам брать в свою пользу поминочную рухлядь, а предписывается отправлять оную в Мо-

скву с лучшими даурскими служилыми людьми, предварительно записав в книги, от кого именно, из какой землицы и сколько сдано, и оценив, как и всю прочую рухлядь. Затем предписывается посылать с рухлядью «сколько человек пристойно» — один раз в год, для того чтоб избежать лишних расходов на кормы и лишней тяготы населению от выставки подвод.

17. В случае прибытия в Нерчинск торговых и промышленных людей с русскими товарами и хлебными запасами — требовать их в приказную избу и велеть таможенному голове и целовальникам описать и оценить все товары и брать пошлину согласно «новоуказным статьям, каковы посланы в Нерчинск из Сибирского приказа за дьячьєю приписью в прошлом в 202 году (в 1694 г.); а сверх того с иноземцев и с русских людей никаких пошлин не имать»... рекомендуется ласково обращаться с торговцами всех народностей; требовать, чтоб торговля производилась только в гостином дворе, «а не на жилецких дворах»... вменяется в обязанность воеводе наблюдать, чтобы «торговые и промышленные люди, минуя Нерчинских острогов и Даур, в Китай и из Китая в сибирские города» без пошлины не провозили товаров; затем предписывается на мягкую рухлядь накладывать печати и давать до Иркутска каждому из торговых людей и их приказчиков на товары по одной проезжей грамоте на одно лицо.

18. Предписывается в головы и целовальники выбирать из нерчинских служилых людей «или кого пристойно», по очереди, погодно. Таможенные деньги сдавать в приказную избу помесечно, причем производить поверку и «за большое воровство и за кражу и за иную хитрость чинить наказанье, смотря по вине: за малые вины бить батоги, а за большие кнутом, и от дел их отставливать».

19. Воспрещается воеводе покупать мягкую рухлядь у торговых людей до оценки в таможене, — они должны покупать их только в городе, в гостином дворе, а не в ясачных волостях. «Из России в Сибирь, в Дауры, в Нерчинские остроги, в Китайское государство своих товаров не посылать; вино в Даурех и нигде на себя не курить, и не давать на то разрешения другим служилым и торговым и иным людям; поминок не брать; займы не давать никому ни денег, ни хлебных запасов, ни вина; никаких кабал не допускать, — и во всем искати Великого Государя казне и всякому состоянью во всем прибыли с великим раденьем».

20. Чинить суд и расправу безволокитно вправду; взимая пошлины с русских по гривне с рубля, а пересуду с суда по две гривны, правого десятка по четыре деньги, с иноземцев судных пошлин однолично не брать «против иных сибирских городов».

21. Даются указания, чтоб ясак собирать ласково и приветливо, а «не жесточью и не правежем»; не брать двух и трех ясаков в один год; в случае уклонения ясачных какой-либо землицы от платы ясака пытаться уговаривать, и в случае крайней надобности «посылать служилых людей от себя по сколько человек пристойно и велеть их прежде уговорить ласкою, всякими обычай... и к шерти привести... А буде ни которыми мерами тех непослушников уговорить будет не мочно... и тех непослушных людей велено смирить слегка... и взять аманатов, которых беречь накрепко» — и показывать тем ясачным людям из числа непокорных, которые будут привозить ясак.

22. В случае если ясачные народы изменяют, перестанут плагить ясак и начнут убивать и грабить служилых и промышленных людей и затеют войну, — воевода обязан посылать на них ратных людей.

При этом действовать сперва ласкою и уговором, «а будет их уговорить не мочно... прося у Бога милости, велеть промышлять всякими обычаи, сколько милосердный Бог помощи даст, чтоб их войною смирить...» взять аманатов и зачинщиков и посадить их в тюрьму, отписав об этом Великому Государю в Москву.

23. В случае завоевания или захвата новых земель воеводам и служилым людям запрещается брать иноземцев, их жен и детей к себе во двор, заставлять их креститься и затем продавать или вывозить в другие места... чтоб сибирская даурская земля пространялась, а не пустела...» Тех же, кто захочет волею креститься, если будут пригодны, крестить; «а крестя мужеский пол, строить Великого Государя в службу и верстать их Великого Государя жалованьем и хлебным жалованьем в убылые русских казачьи места». Женщин же крещеных выдавать замуж за новокрещенов или же за русских служилых людей.

24. Установлен порядок раздачи хлебного и денежного жалованья служилым людям; воспрещено продавать хлебное жалованье; в случае убыли кого из них отбирать в казну недослуженное для выдачи тем, кто будет взят на службу вместо них, жалованье же убитых выдавать семье. Взамен убылых казаков разрешено зачислять казачьих детей, отставных буде годны и даже промышленных.

25. Воспрещено увеличивать денежный и хлебный оклад служилым людям; годовой отчет об окладах представлять в Москву и без указа Великого Государя и грамот из Сибирского приказа в дети боярские и в пятидесятники никого не верстать и окладов не чинить.

26. Предписано наблюдать, чтобы служилые люди в дарах «на службе живучи не воровали, зернью и в карты не играли, и не бражничали, и табаку и иноземского кумысу

не пили и Великого Государя жалованья не пропивали и не проигрывали, и драки бы у них и разбоя и душегубства меж себя никакого воровства нигде не было, и всяким иноземцам в Нерчинских острогах и ходя по ясак утеснения и обид никаких не чинили». Далее повторяется о том, чтоб воеводы никого не обижали, обращались бы приветливо и ласково, не торговали бы рухлядью, товаром, хлебом и вином и отбирали бы эти предметы от тех из служилых людей, которые могут заниматься торговлей.

27. Предписывается требовать из Москвы те товары, которые понадобятся для торгу с иноземцами, отбирая при этом в пользу казны все, что объявится лишнего у людей, привезших товары, против обозначенного в проезжих грамотах.

28. Подтверждается воеводам не давать в обиду сборщикам податей ясачных иноземцев.

29. Воспрещается гнать вино, пиво и мед на продажу, а также корчемная продажа напитков. С тех же лиц, кому понадобятся эти напитки по случаю домашних праздников, уплачивать за право гонки: «с четверти пива по 4 деньги, а с пуда меду по шести денег и пиво варить и меду ставить не по большому про себя».

30. Указывается размер штрафа с тех, кто станет гнать вино; «в первый раз 25 руб., во второй — 50 р., а в третий 100 р. и во всех случаях бить кнутом»; затем «смотреть и беречь накрепко, чтобы нигде ни у кого вина и табаку и кумысу и вина ж кумысного не было, и у иноземцев того питья не покупали, и не пили, и сами б никто вина не курили и кумысу и табаку не сеяли».

31. Указываются меры для предохранения от пожаров; запрещено топить летом избы и бани «опричь торговых бань; для великих нужд и родин велеть избы и бани топить

в ненастные дни с водою с великим береженьем». Далее изложен Нерчинский договор о границе и предписывается наблюдать за точным исполнением одного с обеих сторон; воспрещается производить звериную ловлю на китайской стороне, «чтоб никаких чинов люди и ясачные инородцы» — ни для каких промыслов, «отнюдь не ходили с китайскими и с ханскими и с богдойскими людьми не сходились, и разбоев, грабежу и никаких ссор и задоров отнюдь не чинили». Затем даются указания о размене беглых; о сборе таможенных пошлин; о принятии в подданство калмыцких и мунгальских людей. Напоминается о необходимости отбывать охранительную службу «с великим бережением неоплошно... и в подъезды служилых людей посылать по часту, до коих мест пристойно». Мунгальских посланцев к Великому Государю не посылать, а отбирать от них листы, делать переводы, которые и отправлять в Москву; относительно китайских послов держаться указаний, данных в указе от 25 ноября 1691 года¹³⁰, то есть отправлять в Москву тех только, у которых будут грамоты на имя Государя; в своих ответах на разные грамоты китайских начальников к нашим воеводам «писать осторожно и разумно, чтоб тем его письмом или какими ответы даурской стране не навесь какой тягости и с китайскими людьми разгласия и Его Великого Государя людям, которые в Китае с торгами ездят, трудностей»; копии с переписки представлять в Москву. Потом дается наказ беречь воинские припасы; исправить помещение для хранения оных; починить ограды, которыми обнесены остроги и города, «и всякую бодрую осторожность чинить», — «потому что тот край самой дальней и облегли его со всех стран ратные народы... да ему ж воеводе доведется всякими мерами проведать, от чего мунгалы и иные иноземцы от Нерчинска откочевали, и кто их

разогнал, и искать всякими способами, чтоб их по-прежнему уговорить в верности под державу Великого Государя, чтоб теми иноземцы всей даурской земли крепость утверждалась и свободно бы русскими людьми многую пашню завести и хлебами для впредь будущих случаев острожки пополнить». В случае нападения калмыцких и мунгальских людей стараться обойтись своими средствами; а буде ему воеводе «нерчинскому служилыми людьми и иноземцы от тех неприятельских воинских людей отборониться будет немочно» — обращаться к иркутскому, енисейскому, илимскому и тобольскому воеводам «о присылке ратных людей, полковых припасов, денежной казны и хлебных запасов и над теми неприятельскими воинскими людьми промысл чинить, сколько милосердный Бог помощи подаст... а на китайских людей, без указа Великого Государя ему воеводе войною не ходить и никого не посылать».

Из этого наказа легко усмотреть, что в данную эпоху, то есть через 40 лет от появления в Забайкалье первого воеводы, край этот приобрел уже некоторую долю гражданского устройства; мог существовать самостоятельно, содержать войска, администрацию; приносил доход Правительству; земли в нем приобрели известную ценность, потому что является мысль о возможности продажи таковой в частные руки, и, по поводу Забайкалья, правительство впервые высказалось за пользу основания фонда для выдачи ссуд крестьянам.

В видах скорейшего заселения края в этом же году состоялось распоряжение Великого Государя о высылке в Нерчинск беглых из России крестьян с их семействами, которые объявятся в Сибири. О том, что такое распоряжение было дано тобольскому воеводе, видно из указа, от 1 февраля 1701 года, данного нерчинскому воеводе столь-

нику Бибикову для управления казенными, земскими и военными делами. В статье 10 этого наказа предписывается расследовать о притеснениях и злоупотреблениях боярского сына Петра Мелешкина, который в 1697 году повел из Тобольска семейства беглых верхотурских крестьян, в числе 624 душ. Из этого числа крестьян в 1700 году пришло в Нерчинск только 403 души, остальные или умерли, или бежали. Пришедшие в Нерчинск люди были посажены на пашни.

Вооруженная сила в крае в это время состояла в служилых людях (казаках) пеших и конных, кроме сего была артиллерия, а в случае надобности призывались иноземцы. Жалованье как войску, так и административным чинам было: денежное, хлебное и смешанное. Казну государеву, кроме денег, хлебных запасов и полковых припасов, составлял еще и ясак. Деньги собирались в казну пошлиною и за вино; хлеб — податью натурою; ясак тоже.

Относительно количества ясака, собиравшегося с инородцев, населявших Забайкальские земли, входившие в состав Нерчинского воеводства, кажется, ничего определенного установлено не было. Тунгусы гантимуровские платили по 3 соболя; монгольские племена и табунутские сайты платили разным скотом; хоринские и агинские буряты платили, вероятно, соболями, но по сколько именно — неизвестно. Надо полагать, что в каждом отдельном случае размер ясака в Нерчинском воеводстве устанавливался различно, по договору.

В отношении хлебной подати, надо полагать, существовал тот порядок, который был установлен в 1623 году томским воеводой князем Юрьем Еншеевичем Сулешевым, в силу которого чем больше крестьянин обрабатывал земли в пользу казны, тем больше получал он земли в свое поль-

зование. Размер же этой подати, определенный вначале тобольскому воеводе Черкасскому от 1 сентября 1697 года, вероятно, на основании установившегося уже обычая, был следующий¹³¹: со всех обывателей, имеющих пашни, кроме служилых людей, брать 4-й сноп из хлеба доброго, 5-й сноп из среднего, 6-й из худого, заставляя самих хозяев обмолачивать снопы.

Наибольшей тяжестью отзывался на населении, надо думать, сбор ясака, потому что ясачные инородцы брели врознь. Прочему русскому населению хотя и было тяжело от притеснений воевод и местной администрации, но, вероятно, путем убождений оно добивалось некоторых льгот, удобств, потому что разрослось настолько, что могло существовать без содействия смежных воеводств и могло комплектовать свое войско для обычной службы из среды местного населения. Торговые обороты тоже развились значительно, потому что в наказе часто и много говорится об устранении разных обстоятельств, подрывающих торговлю правительства с Китаем.

ГЛАВА IX (1697—1698)

Установление печати Сибирского царства. Запрещение торговли соболями и ценными мехами частным лицам. Установление правил сдачи воеводами сибирскими своих обязанностей. Установление цен на дорогие меха, для зачета в жалованье служилым людям в разных местностях Сибири. Установление оплаты таможенных пошлин золотом и серебром. Меры правительства для сокращения злоупотреблений торговых лиц по сибирской торговле. Честный нерчинский воевода.

Несмотря, однако, на заботы правительства об устранении злоупотреблений в Сибири и об увеличении своих доходов с торговых пошлин, дело не клеилось, остались лазейки, которыми пользовались умелые люди. 9 декабря 1696 года¹³² состоялся указ о сделании вновь казенной печати Сибирского царства для прикладывания оной к грамотам и подорожным, о непропуске никого с грамотами без этой печати и о конфискации всех товаров и вещей, у которых сей печати не будет. Оказалось, что проезжие в Сибирь и обратно давались из разных приказов, «за воротную печатью... и всяких чинов и сибирских воевод люди без товаров и с товары своими в Сибирь и сибирских городов к Москве ездят на подводах без всякого опасения».

В марте 1697 года¹³³ состоялся указ, воспрещавший частным лицам торговлю соболями и черными лисицами и вывоз таковых в китайские земли, сделав этот род продажи монополией правительства, и мотивировано это распоряжение тем, «что воеводскою вымышленною корыстью соболиная Государева ясачная казна умалилась против преж-

них лет»; как следствие этого распоряжения состоялся указ 23 июня того же года о непровозе табаку в улусы к инородцам для мены на соболя и на всякую рухлядь, и о непропуске из Сибири с соболями и другой мягкой рухлядью под опасением конфискации оных¹³⁴.

Из наказа ближнему боярину князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводой, данного 1 сентября 1697 года¹³⁵, видно, что хлебное жалованье на каждого человека положено по четыре четверти ржи, овса и пшеницы; велено верстать в пешие казаки и в стрельцы их казачьих и стрелецких детей и братью, а в дети боярские и в конные казаки не верстать; служилым людям из непашенных городов, в случае недостачи хлеба, разрешить продавать на их личную потребность «по чети и по две и по три и чтоб тем в сибирских городах хлеба не вздороживали».

В наказе верхотурскому воеводе, данном в тот же день, что и тобольскому, указан довольно остроумный прием, практиковавшийся воеводами, отправлявшимися в Сибирь, чтоб избавиться от нареканий в грабеже, а именно, в пункте 13 изложено между прочим: Да учинилось ведомо в Сибирском приказе, что многие «низовых городов воеводы съехався на Верхотурье деньгами, платьем, сосудами серебряными после осмотру друг другу к осмотру же ссужают, чтоб в приезде у него явилось бы много, а иные знатно на даче таможенному голове скупая записывают у досмотру великие пожитки себе, чего у него не бывало, для того надеясь как будучи на воеводстве всякими грабежами и кражею животы (все виды движимого имущества. — *Примеч. ред.*) себе наживали, чтоб было ему удобнее слаться на тот Верхотурский осмотр, будто повез с собою в Сибирь великие животы, а из Сибири вывез те же свои животы, а непожалованные».

Вслед за сим, а именно 30 сентября¹³⁶, состоялся указ о том, чтоб воеводам, возвращающимся из Сибири, полу-

чать проезжую грамоту с места в таком только случае, если они не подвергаются никакому начету по сдаче дел и казны царской вновь прибывшему воеводе и грамоты эти надлежало предъявлять в Сибирский приказ. Распоряжение это вызвано тем обстоятельством, что «многие воеводы в прежних городах, не дав в Государевой казне отчету, прикинувся болезнью, из городов нечаянно убежали, и в том Государевой казне чинилась многая труда».

В этом же 1697 году состоялась и еще весьма интересная грамота в Енисейск¹³⁷ стольнику и воеводе Глебову от 28 октября, воспрещающая ношение дорогих и ценных платьев служилым людям и их семействам. В грамоте изложено: «До правительства дошло, что многие служилые люди делают себе, женам и детям портища золотные и серебряные, бархатные и объяринные и байбериковые и из арбафные с широкими золотными и с серебряными кружевы, холодные; а иные на собольих и на лисьих черных дорогих мехах, чего им по чину своему носить не довелось; и знатно, что те служилые люди, у которых такое излишнее дорогое платье есть, делают не от правого своего нажитку, кражею Нашей Великого Государя казны у каких дел они бывают». В этом указе рекомендуется служилым людям, в случае если у них получатся какие сбережения, затрачивать оные лучше на покупку доброго ружья и панцирей, чтоб быть готовым к бою против неприятеля.

Ноября 16 этого года¹³⁸ состоялся боярский приговор о том, чтоб в выписях, выдаваемых торговцам о товаре каждого рода, писалось особо, с обозначением, сколько за каждый взято пошлин.

Указом от 30 ноября¹³⁹ подтверждается, чтоб соболей, соболиной рухляди и черных лисиц никто из торговых людей не покупал, и у кого таковые есть, чтоб представил в казну, за установленную плату, в обмен на товары, для каковой цели и приказано выслать в разные города Сибири

различного товара на разную сумму. Привожу выписку о том, на какую сумму в какой город назначено товаров, потому что это может дать понятие о количестве ясачного дохода в разных местностях Сибири.

Товары приказано доставить в города с служилыми людьми, которые приедут за казной в 206 году (в 1698 г.).

В Верхотурье меха обменивать на таможенные доходы, на хлеб и покупать на деньги.

В Пелыме менять на хлеб и на вино.

В Туринском на тамошние доходы, на хлеб, на вино и на деньги.

В Тобольске на таможенные доходы, на деньги, на товары, на хлеб и на вино.

В Туле на хлеб и на вино, да товаров с Москвы на 200 руб.

В Сургут выслать товаров из Москвы на 600 руб.

В Томск на тамошние доходы, на хлеб, на вино и товары из Москвы на 300 руб.

В Березов выслать товар из Москвы на 400 руб.

В Кузнецк выслать товар из Москвы на 300 руб.

В Нарым и Кецкий послать товаров из Москвы на 500 р.

В Енисейск на тамошние доходы, хлебом и вином и товары из Москвы на 500 р.

В Мангазею товаров из Москвы на 400 р., да на покупку и мену на мягкую рухлядь послать хлеба из Енисейска, смотря по урожаю, четвертей 200 или 300, да вина сколько пристойно.

В Красный Яр товаров из Москвы на 400 руб.

В Якутск товаров из Москвы на 1200 руб.

Из приведенной выписки видно, что нерчинские соболи относились к категории лучших и ценились в равной степени с якутскими; кроме сего, легко усмотреть, что нерчинские доходы были довольно значительны, потому что для покупки соболей не признавалось нужным высылать товары из Москвы, как это сделано для Якутска и Иркутска.

Вслед за приведенным состоялся другой указ, от 3 декабря 1697 года¹⁴⁰, которым повелевалось соболиную рухлядь, начавшую портиться, в количестве, по оценке, на сумму в 10 000 р., передать тем купцам, которые ее ценили дорогой ценой; лучших же соболей оставить в ведении Сибирского приказа для раздачи в жалованье или для продажи; в указе оговорено, что это делается потому, что «в наказах им написано, что ценить им прямою настоящею торговою ценою, а та оценка их перед настоящею ценою высока, и затем купцов не было, от той их оценки мимо их самих иным гостям отдавать не прилично, потому что учнут продавать и на товары той казны менять не с такую охотою и радением, как те, которые сами тое соболиную и иную рухлядь ценили¹⁴¹.

5 декабря¹⁴² состоялся указ о взимании пошлин за китайские товары золотом и серебром. При этом установлено: взимая вместо $\frac{1}{10}$ части товаров по цене золотом и серебром, считать «золото самое доброе без всякой примеси, золотник по рублю, а серебро чистое же без всякой примеси золотник 8 копеек», указано предварять купцов, чтоб, отправляясь в Китай за приобретением товаров, они приобретали серебро и золото для уплаты пошлины. Отменена пошлина товарами, потому что воеводы китайские всякие «локотные товары в прошлых годах десятую имали вместо добрых худые; да и ныне камки за множеством в Москве учили быть дешевы, а держать их в казне долгое время не

прочно». Каменья драгоценные приказано не расценивая, за нерчинскую печатью, присылать в Сибирский приказ; все китайские товары, оплаченные пошлиною, в Нерчинске клеймить и те товары, которые должны направляться в Москву, затюковывать и запечатывать нерчинскою печатью, прописав на ярлыке, что пошлина уплачена сполна. За сим под опасением строжайших взысканий возбранено как нерчинскому, так и попутным воеводам делать притеснения купцам. Золото и серебро, которое будет собираться в Нерчинске пошлиною, «ни на какие расходы и служилым людям на жалованье не раздавать, а присылать вместе с соболиною казною в Москву».

В этом же году¹⁴³ состоялся именной указ о взятии у торговых людей сказок о количестве отпускаемых ими в Китай товаров.

Очевидно, все меры правительства, клонившиеся к увеличению пошлинного дохода путем сокращения злоупотреблений воевод и таможенных голов при взимании таковых, были бесплодны. Правительство просит гостей гостинной сотни и приказчиков их и разных московских и поморских городов торговых людей — заявить без утайки и без опасения правду: кто из них сколько, в котором году, кому именно, как платил пошлину товаром или деньгами за время с 201 по 206, то есть с 1693 по 1698 год. В указе разъяснено, что сведение это собирается потому, что Правительству известно, что многие, отправляясь в Китай и возвращаясь оттуда, платили не полную пошлину или вовсе не платили таковой, так как воеводы брали себе большие взятки; за сим, несмотря на то, что за указанные годы в Китай ходило много торговых караванов московских купцов, и в Москву и в другие города прибыло много китайских товаров, «в пошлину собирали в Нерчинску самое малое число»; наконец,

и потому еще, что от многих гостей и торговых людей поступило челобитье на воеводские нападки и прижимки.

Как крепко Сибирь озабочивала правительство в этот период, явствует из того, что в числе 79 указов и грамот, помещенных в полном собрании законов за время с 29 января 1696 года по 23 января 1698-го, 25 касаются исключительно Сибири, и это в такое время, когда внимание Петра было отвлечено Азовским походом и разбирательством и казнью заговорщиков Стрелецкого бунта, и при этом указы сибирским воеводам, указы, касающиеся разных сторон сибирской жизни, и, главным образом, установка таможенных правил, составлены гораздо полнее и точнее, чем указы, относящиеся до других мест государства.

Из дальнейших указов, приводимых в полном собрании законов, не видно, достигло ли правительство цели, которою оно задалось, издавая указы 23 января 1696 года и указ, показанный последним за 1697 год в полн. собр. законов. Основываясь на том, что в последнем указе требуются сведения за время с 1693 года, надо думать, что гости и торговые люди ничего или очень мало показали. Объясняется это, вероятно, тем страхом, который испытывали в данное время русские люди, находившиеся под впечатлением недавних жестоких казней заговорщиков, и вообще не умевшие прийти в себя от крутых мер, практиковавшихся Петром. Боязнь ответственности за соучастие сковала языки, а что боязнь эта была небезосновательная, служит указ от 8 декабря 1697 года, которым торговцы, ценовщики соболиной казны, сделаны ответственны на 10 000 р.

Не щадя угроз и наказаний для воевод недобросовестных, Петр умел награждать хороших, честных, воевод. В XIV томе «Истории России» Соловьева на с. 282 приведена грамота на имя иркутского воеводы Ивана Николае-

ва, в нижеследующем тексте: «По нашему указу отпущен в Сибирь, в Нерчинск, воеводою брат твой стольник наш Самойло Николаев, и будучи в Нерчинске, нам служил со всякою верностью, и радетельною своею правою службою перед нижними (вероятно прежними) нерчинскими воеводами собрал в нашу казну многую прибыль с тамошних жителей русских и сибирских городов, различных торговых людей свидетелями своего христианского благочестия учинил, и никакие жалобы ни от кого на себя не оставил, и тамошней нашей дальней стране, для таких своих добрых плодов, Нам Великому Государю зело был надобен и прибыточен. И в нынешнем году явился в Сибирском приказе брата твоего Самойлы человек и сказал: в прошлом году брат твой Самойло Николаевич в Нерчинске умер, а после него остались дети стольники Иван да Михайло. И Мы Великий Государь, пожаловали наместника твоего Ивана Самойлова сына Николаева, за службу отца его, не взирая на его несовершеннолетие, велели ему быть на месте отца своего в Нерчинском воеводою; а для его молодых лет с ним быть с приписью подъячим нерчинскому сыну боярскому, Луке Кочмареву, для того что брат твой об нем Луке, что он человек добрый и радетельный свительствовал»¹⁴⁴.

ГЛАВА X (1698—1700)

Указ от 17 февраля 1697 года о построении в Нерчинском воеводстве винокуренного завода. Таможенный устав 12 ноября 1698 года. Установление гербовой бумаги. Учреждение бурмистерских палат. Отмена бурмистерских палат в сибирских городах. Указ 10 декабря 1699 года о ведении летоисчисления от Рождества Христова.

Многолетние попытки добиться увеличения дохода от пошлин с китайских товаров путем угроз и кары за злоупотребления, а также усиленным и стеснительным дозором и мелочными подробными указаниями убедили, наконец, правительство в несовершенстве этого способа действий, и в указе от 17 февраля 1698 года¹⁴⁵ о пропуске в Китайское государство торговых людей с русскими и сибирскими незаповедными товарами без проезжих грамот проявился уже новый взгляд на дело. Приняв во внимание, что торговцам разных городов, кроме Москвы, желающим ехать для торгу в Китай, затруднительно проезжать в Москву для получения проезжей грамоты из Сибирского приказа, разрешили пропускать их без проезжих грамот, довольствуясь проверкой товаров по выписям, данным в города, откуда торговцы выехали, и взиманием с них печатных пошлин по рублю с человека.

7 ноября 1698 года¹⁴⁶ состоялся указ о построении в Сибири винокуренных заводов казенных и о закрытии частных. В грамотах, отосланных к воеводам енисейскому, иркутскому, илимскому, красноярскому, нерчинскому и томскому, предложено им построить «в пристойных ме-

стах, где бы от пожарных случаев было безопасно», заводы и начать курить вино, закупив хлеб соответственно потребности в вине. Деньгами с винных доходов выплачивать денежное жалованье и удовлетворять всем местным надобностям; первоначально произвести пробы, купив только по 10 четвертей хлеба для курения вина, а если окажется, что местная гонка вина будет дешевле вина привозного с Верхотурья, по цене в 20 алтын с полугривною, да провоз, да утечка, — то курить. Заводы предложено построить в Енисейске и Иркутске (на 1000 или на 2000 ведр) для надобностей кроме своих воеводских еще и для якутского, илимского и мангазейского; в Нерчинске — для нерчинского; в Томске для своего, кузнецкого, нарымского, кетского, сургутского и березовского.

12 ноября¹⁴⁷ состоялся указ о том, чтобы с торговцев, уплативших за товар русский или сибирский по гривне с рубля, по привозе товара из Сибири в Россию и из России в Сибирь, новой пошлыны уже не взимать; между прочим, в этом указе изложено: когда по челобитью торговых людей, поморских городов и сибирских, о снятии лишних пошлын справились с таможенными книгами прошлых лет с 200 года по 205-й, «десятым зверем не только на купцов, но и продавцов за промысл тех двадцатых со всей Сибири было всего в год малое число, по 2000 рублей с небольшим, а в иных годах больше и меньше, мягкою рухлядью во всех сибирских городах в год сбору не было; а для чего во всех городах малые пошлыны по таким тягостным статьям сбираны потому, что со всякого рубля в Сибири с торгового человека входило больше 10 алтын, знатно, что головы воровали, сами корыстовались и с воеводами низовых городов делились...» предписывалось пошлыну с торговых людей за их товары «имать по порубежным городам, где торгово-

му человеку без явки проехать не мочно, на Верхотурье, и в Нерчинску и на Ирбите, где проезду на Русу и с Руси в Сибирь им бывает», указывалось все прежние статьи и распоряжения о взимании пошлин в разных городах возвратить в Сибирский приказ. Новые статьи о пошлинах приказано разослать в города, из коих, как известно, торговые люди ездили с торговыми целями в Китай; таких городов, как оказывается, по указу, было достаточно; памяти были разосланы: в Ярославль, в Кострому, в Нижний, «на Двину, в Кевроль, и на Мезень, на Устюг и Соль-Вычегодской и Камской, в Яренской, на Чаринду, в Устьянские волости, на Кунгур, на Вятку, в Каргополь, на Вологду, на Вагу, в Казань, на Уфу и в тех городех торговым людям сказать, чтоб лишняя пошлина в Сибири с товаров их снята... и таких против сибирских городов торговых людей, по указу Его Великого Государя велено, взяв с него по уставу печатную рублевую пошлину, через год в караваны пропускать... также исторговався с китайскими товары, взять по уставу в Нерчинском десятую, через всю Сибирь с теми товарами пропускать в русские города беспошлинно»...

Принимая во внимание, что *статьи о сборе пошлин в сибирских городах*, объявленные при указе от 12 ноября, действовали до 1761 года, даже по устройстве впоследствии Троицкосавской таможни, полагаю, будет не лишним ознакомиться короче с этим положением.

После объяснения поводов, вызвавших необходимость отмены прежде действовавших таможенных правил, новые таможенные правила изложены в ниже указанной последовательности.

1-е. Торговцам, едущим из России, предъявлять в Верхотурской таможне опись товарам и оплачивать пошлины в размере 10-й части товарами или деньгами. С тех торгов-

цев, которые, предъявляя роспись товарам, не показали таковых на 100 и на 200 руб., взыскивать только нормальную пошлину, потому что это может быть только упущением; с тех же, которые утаят товары на 200, 300 руб. или на большую сумму, или же захотят провести товар беспошлинно мимо Верхотурья, — взыскивать с них пошлину вдвое, чтоб их не разорять; тех же, которые утаят товары в другой раз, «да его же батожем бить нещадно» и все утаенные товары отбирать на Великого Государя, и в Сибирь больше не отпускать. По осмотре и поверке описей товаров верхотурский голова записывает все в свою книгу и дает выпись торговцу. После весенней отправки торговцев из Верхотурья голова должен высылать почтою в Нерчинск роспись товаров, пришедших в Сибирь с торговцами и оплаченных пошлиной; по этой росписи нерчинский таможенный голова должен сверять товары, прибывшие с торговцами; о том, сколько товару, какого, куда послано и сколько денег выручено в пошлину, верхотурский, тобольский и нерчинский головы обязаны были писать в Москву «неотложно, в году по дважды и по трижды, как почта пойдет».

2-е. Предписывается блюсти, чтоб никакие товары мимо Верхотурья не проезжали без оплаты пошлины, и установлен сбор по 2 деньги с воза с товарами, для раздачи за труд служащим.

3-е. Установлен порядок досмотра товара в Тобольске и в Нерчинске, когда количество и род их изменяется от продажи и купли товаров по пути между названными городами.

4-е. Подтверждается брать 10-ю часть товарами каждого сорта, с тех товаров, которые пойдут прямо в Китай, и товары эти в тюках, коробках, кипах и т.п. должны доходить до Нерчинска, где не должны быть раскупориваемы; с каждого из людей, которые пойдут в Китай с караванами,

брать по полтине и этим деньгам вести особый счет. С тех же товаров, которые подойдут к Нерчинску из сибирских городов без оплаты пошлиной, брать 10-ю часть товарами, а не с полных десятков брать деньгами по 3 алтына и по 2 деньги с рубля; «тех торговцев, которые будут замечены в воровстве уже по отбытии их в Китай, буде приедет впредь тот же вор в сибирские города и его для торгов в китайское государство не пускать и выбить его из Сибири вон». В видах облегчения купечества, которое по приезде в Нерчинск случайно не будет иметь денег для уплаты пошлины, разрешено верить «до ста и 200 и больше 300 рублей сроку никому не давать и такие статьи записывать в казну особо».

Затем после наказа вести дело чисто, не допуская беспошлинного провоза мимо Верхотурья и Нерчинска, сказано: «А в нерчинских записных пошлинных книгах всякому торговому человеку велеть под своею статьею впредь для спору прикладывать руку».

Обращаю внимание на эту выдержку потому, что о верхотурской таможене этого указания не дано; отсюда легко прийти к заключению, что в Нерчинске дело велось менее честно, чем в Верхотурье.

5-е. Воспрещается вывозить в Китай соболей и черных лисиц, а также золото и ефимки; у тех, кто явится с таковою рухлядью, оную отбирать «и отдать с роспискою Государеву купчине для продажи», и сообщить в Сибирский приказ. Предлагается воеводам оказывать содействие купцам и не торговых людей с товарами в Китай не пускать. У торговых и служилых людей, которые поедут в Китай с товарами, осматривать оружие и записывать, и если по возвращении такового не окажется — допрашивать, куда дели, а в случае утраты или показания, что пищаль украдена, — «взять пени за всякую пищаль по 30 рублей или больше».

6-е. Караваны в Китай пропускать не каждый год, из опасения удешевить товар, в случае если на торговом рынке его будет сразу много. «И отпускать с Москвы и из Нерчинска через год с купчинами и с казною Великого Государя вместе». В случае если в год движения казенного каравана не подойдут караваны московских купцов — мелкое купечество с караваном не пускать, чтобы «Великого Государя казне и всего Российского народа прибыли и впредь в целости не нарушимо соблюсти». Такое сопоставление интересов казны и народа впервые приведено в официальном указе, касающемся таможенных дел.

При отправлении караванов из Нерчинска предписано начальника и провожатых выбирать осмотрительно, людей разумных и не беспутных, — чтоб не давать повода другим народам хулить российский.

7-е. По прибытии караванов из Китая в Нерчинск складывать все товары в гостинном дворе и сообщить о них в таможенную для взимания пошлины. У тех же купцов, которые пожелают что утаить, в случае розыска такого товара, он весь конфискуется в пользу казны «для того, что им в казну Великого Государя уставную пошлину платить с своих товаров не убыток», — да кроме того «высечь нещадно батогами, да сказать ему буде впредь он там сворует, и ему в Сибири и в Китае, как явному вору, пропуску не будет».

За оплаченные товары выдавать в Нерчинске выпись именную, за нерчинскую печатью. Все привозимое золото приказано отбирать на Государя по цене «за доброе — золотник по рублю по 5 алтын, а за среднее — по рублю по 10 денег; камни оценивать в Нерчинске и брать товарами, если по высылке камней в Сибирский приказ оценка признается правильною, камни будут выданы, — если мала — добрать в приказе».

8-е. При возвращении в Россию воевод досматривать их «накрепко» и не делать никаких поблажек, отбирая с них пошлину согласно уставу. С тех же воевод, которые предъявят Великого Государя грамоту, пошлин не брать, потому что грамота выдается лицам, достойным того по своей честности, дельности и по той пользе, которую они принесли Государевой казне раденьем об ее барышах; товары, которые у них могут быть, образовались из государевых пожалований, «и проезжие и тамошние люди в почесть, а не в неволю им давали... чтоб на то смотря, иные злые воеводы и приказные люди не на скорые, кражею и грабежом похищенные слезные себе нажитки надеялись; но старались и того смотрели, как бы его Великого Государя казне учинить во всем пополнение».

Служилым людям, едущим в Китай, разрешено провозить с собой товаров рублей на 10, с 20 и по 30 на человека, «для того что им в таких посылках бывают великие нужды и издержки», а кто в Нерчинск привезет шар (табак) и объявит «взять десятую, а за остальной доплатить товарами, применяясь к нерчинской и китайской цене, за фунт по два алтына или по 2 алтына и 2 деньги, а на сторону торговым людям шар никому не продавать»...

«Из Государевой казны тот шар держать по прежним указам на иноземские расходы и менять на соболи, на верблюды и лошади».

9-е. Предписывается: в случае выезда из Нерчинска торговых людей чрез Обскую заставу и Камень к Вычегде, при нежелании их оплатить товары пошлиной в Нерчинске, — товар клеймить в Нерчинске сургучом или какою краскою и прикладывать печати, чтоб была возможность отличить этот товар от неоплаченного. За провоз таких товаров брать только на служилых заставных людей по рублю с судна.

10-е. По предъявлении на таможеню заповедных товаров сибиряками, русскими и иноземцами, выдавать им за оный деньгами или товарами по указным ценам. За продажу заповедного товара на сторону и при желании проехать в Китай или в Россию через Камень объезжими дорогами, безъявочно, отбирать все товары и бить батогами нещадно. А для того, чтоб объезжими дорогами никто не проезжал, запрещено прокладывать таковые «уездным людям и ямщикам и извощикам и дороги эти засекать и заваливать», а при надобности ставить крепкие заставы; в случае, если в желании провести товар мимо таможни замечен приказчик — отвечает хозяин, «для того что всякий хозяин держи прикащиков добрых».

11-е. Рекомендуются досматривать, чтоб торговцы по новокупленным товарам не предъявляли прежде выданных выписей.

12-е. Посланцев калмыцких и мунгальских, если они скажутся отправляющимися в Москву или к воеводам в разные города, для дел, — пропускать и брать с провозимого ими товара 10-ю часть и дать им выпись; точно так же взять с них, по прямой оценке, деньгами, на 10-ю часть русского товара, который они повезут из России в улусы, — не делая им никаких прижимок, «чтоб тех иноземцев калмыцких тайшей и бухарцев от Государевой милости не отогнать и не озлобить»; не позволять им вывозить из Сибири: золото, серебро, порох, свинец, пушки, ядра, фитиль, пищали, ружья и вообще никакое оружие. «Буде у тех бухарцев явится ремень, и тот ремень имать в казну Великого Государя ценною пуд по 4 рубля, и по 5 и по 6 рублей». А буде по обыску явится у них шар¹⁴⁸ и тот шар безденежно у них не отнимать, а давать им малою ценою деньги, по 2 алтына или по 2 алтына по 2 деньги за фунт, «и предварить, что на сторону

продавать ремень и шар воспрещено и в случае, если это будет замечено, то и то, и другое будет отбираться безденежно в казну, потому что те товары из давних лет заповедные».

13-е. У кого останутся в амбарах и лавках товары к концу года, то объявлять таможенному голове для проверки и записи в явочную книгу и вновь пошлиной с нового года не оплачивать.

14-е. При отправке ясачных сборщиков для сбора ясача разрешить им брать с собой товары: в ближние волости и города на 10 р., а в дальние на 30 р. (в Якутском); «для того что они в тех посылках бывают многое время, и всякую нужду и страх живота и голов своих имеют». Далее подтверждается, чтоб воеводы не требовали посулов с этих сборщиков, потому что вследствие этих требований сборщики обижали ясачных, «а иные иноземцы в Якутске, не стерпя мучения, сами себя смерти предавали и врознь на китайскую сторону разбежались, да остальные к Великому Государю присылали челобитчиков с тем, буде не будет воеводам и тем ясачным сборщикам возмездья и унятья, они де сами пропадут, а русских людей везде учнут побивать».

15-е. Разрешено служилым людям, которые поедут с Государевой казной в Москву, не добирать пошлин по 2 рубля с тех, которые едут из дальних городов, и по полтора рубля с тех, которые едут из ближних городов. То же правило распространяется и на товары, вывозимые из Москвы в Сибирь.

16-е. Установлено взимать с продажного хлеба по 10 денег по цене с рубля; а с перекупщиков хлеба, если продавцовый выписи не положит, взимать по 3 алтына по 2 деньги с рубля, потому что он перенял на себя пошлину за продавца. В случае, если перекупщик повезет хлеб «за рубеж в русские города к Соли-Камской», брать ту же пошлину, да

еще 2 деньги с воза; в случае же голоденок пошлина уменьшается только до 10 денег с рубля на месте отправки, для того чтобы избежать дороговизны хлеба.

17-е. Установлена пошлина с разного рода живности. «А буде такие явятся купцы, рыбники или мясники, а пошлину нынешнюю малую не заплатя учнут таить», брать со всякого рубля по 2 гривны; если попадетя в другой раз, «взять в трое, по 10 алтын с рубля и бить батоги», а если засим будет замечен, «бить кнутом и все животы взять на Великого Государя и сослать в дальние города, в Нерчинской или Иркутской, на пашню, с женами и детьми». С соляных варниц брать пятый пуд, а с продажной соли по расчету 10 денег с рубля.

18-е. Утверждено «по прежним древним обыкновениям иметь поголовщины в таможене, оброку на год по полтине с каждого прикащика».

19-е. Воспрещено всем торговым людям и сибирских городов жителям, а также иноземцам, проезжающим куда-либо с товарами, складывать таковые где-либо вне гостиных дворов. За отступление от этого правила брать тройную пошлину «и бить батоги или кнутьем, по вине смотря»; головам приказано посылать нарочных и целовальников в остроги, слободы и многолюдные волости производить до-смотри.

20-е. Таможенным головам смотреть, чтоб не только воеводы, дьяки и разного рода служилые люди, но чтоб также и духовного разного чина люди не торговали и никого из своих для торгу никуда не посылали.

21-е. Повелено строить на счет казны каменные амбары в Верхотурье и Нерчинске, чтоб торговые люди могли хранить свои товары безопасно от пожара. За право хранения товара в амбарах установлено взимать «амбарщину» — за

хранение в деревянных амбарах по 10 денег на неделю с человека, а за хранение в каменных — по 3 алтына по две деньги с человека в неделю.

22-е. Ради нужд торговых людей, чтоб они могли «о себе в дома и к родителям своим о нуждах своих писать; а по указу Великого Государя для Его Великого Государя скорых и нужных дел установлена с Москвы во все сибирские города, до Якутска и Нерчинска и назад до Москвы, нарочная почта, в летние месяцы трижды, а из Сибири потому ж и будет им торговым людям... грамотки... писать свободно». Плата за пересылку грамоток установлена в приложенной к указу росписи и назначено от Москвы до Нерчинска по 13 алтын по 2 деньги с золотника.

В заключение подтверждается головам быть честными и справедливыми; никого не отягощать; срок в уплате пошлин давать людям верным и взыскивать в случае смерти лиц, которым доверено, с их поручителей; выписи делать по уплате пошлин; если воевода желал заставить поступать в чем-либо против статей — головам их не слушать, а писать к Великому Государю, в Сибирский приказ «самою правдою без всякия затейки»; ни на какие воротные печати, кроме Сибирского приказа, внимания не обращать; ни от кого из служащих подарков не брать. «А нерчинскому и верхотурскому головам велеть, oprичь... прислать за рукою росписи, сколько весною с Верхотурья на низ, а зимою в Москве, а из Нерчинска в китайское государство и из Китая с караваном в сибирские города и на Русь и чьих и каких товаров... что в отпуску будет, доносить в Москву, сколько денег и каких собрано; и вообще давать ежегодно полный и обстоятельный отчет, заканчивая оный к 1 сентября».

Этот указ еще более, чем февральский, проникнут желанием облегчить стеснения, сопровождавшие торговлю;

правительство смотрит теперь на это дело гораздо более широким взглядом; поняло, что преследуя ближайшую цель: «наживу» путем сбора денег с торговцев — оно потеряет больше, чем затратив кое-что на развитие торговли, и тотчас же приводит свое намерение в исполнение: устраивает на свой счет гостиные дворы; разрешает доверие купцам в уплате пошлины на 100, на 200 и на 300 р.; сокращает размер пошлин; дозволяет вывоз товаров с мест отправки без оплаты пошлиной, если это неудобно для торговца, с тем, чтоб он уплатил таковые, где ему удобнее; дозволяет служилым людям провоз товаров с целью продажи при дальних командировках на определенную сумму; понижает пошлину с хлеба при неурожаях, и т.д. Из этого же наказа видно, что к началу XVIII столетия торговля с Китаем так развилась, что в ней принимали участие торговцы большей части городов северо-восточной и восточной части России, считая от Москвы; а раз она достигла таких размеров, то, надо полагать, и Нерчинск стал городом большим, в котором должно было группироваться все купечество с своими приказчиками, ко времени отправки и прибытия караванов, а это, в свою очередь, указывает на то, что он был уже настолько заселен и обработан, что временный наплыв людей не мог вызвать опасения в недостатке продовольствия.

Именным указом от 22 ноября¹⁴⁹ предписано кабаки изъять из ведения воевод и передать в ведение таможенных голов. Передача эта мотивирована тем, что кабацкое дело при воеводском заправлении было выгоднее для воевод и убыточно для казны. Мера эта доказывает, что наделенные властью лица необразованные, неразвитые умственно, каковыми в то время оказывалось большинство воевод, менее пригодны для ведения в то же время какого-либо дела на совесть. Таможенные головы, подвластные в администра-

тивном смысле воеводам, состоя в постоянной и ближайшей ответственности перед ними, должны были честнее вести дело и были вполне пригодны для роли контролера, когда получали некоторую самостоятельность и право непосредственной отписки к Государю. Головы должны были получать хлеб на винокурение от воевод, но хранить вино и деньги, вырученные за продажу оногo, до сдачи их ежемесячно воеводам. Предписывалось вино продавать чистое, без подмесей; воспрещалось от служилых людей брать за пропой ружья и рухлядь, а от торговцев, если запьянствуют — товары.

20 декабря¹⁵⁰ состоялся именной указ о клеймении товаров в Сибири и об отобрании не клейменных в казну. Оказалось, что многие воеводы и торговые люди, имевшие не клейменные, стало быть, не оплаченные пошлиной товары, заявляли, что они получили эти товары из Сибирского приказа в жалованье. В отстранение этой плутни приказано сделать клейма в Сибирском приказе, выслать таковые «во вся годы гостю, которой в службе будет», и выслать в Верхотурье и в Нерчинск для печатания товаров российских и китайских, проходящих через таможи с кем бы то ни было.

Забота правительства о возможно большем стеснении плутней по поводу взимания пошлин с товаров, оплачивавшихся в Нерчинске, вполне понятна; торговля с Китаем, через Нерчинск, приняла уже обширные размеры, и купцы охотно снаряжали свои караваны в Китай. Так, из указа от 22 января 1699 года¹⁵¹, на имя нерчинского воеводы стольника Ивана Николева и подьячего Луки Кочмарова, указывается добрать пошлину с товаров купца Спиридона Лянгусова, закупившего свои товары в сибирских городах «на китайскую руку». Далее говорится: «и чтоб торговым

людем, которые ныне с товарами в Китай для торгу поедут, перед их братьею, кои в караване купчины Спиридона Лянгусова пошлин учинилось равенство, в том их поверстать».

В этом же году указом от 23 января¹⁵² введена гербовая бумага для совершения сделок на сумму в 50 р. и выше, с платою за лист по 3 алтына, по 2 деньги. Это обстоятельство тоже дает основание думать, что торговля вообще развилась уже достаточно, а как упомянутый указ явился вслед за указом о сборе пошлин с товаров, отправляемых в Китай, то надо предполагать, что именно торговля с Китаем приняла уже столь обширные размеры, что явилась надобность в частных сделках между купцами, и что властям приходилось часто разбирать возникавшие при этом недоразумения. Явствует это из того указания, которым поясняется необходимость издания этого указа, «для укрепления во всяких делах крепостей, и чтоб впредь во всяких крепостных делах между всяких чинов людьми споров, а от ябедников и составщиков воровских никаких составов и продаж и волокит никому не было».

Указом от 30 января 1699¹⁵³ года учреждены бурмистерские палаты во всех городах империи для разбора дел между гостями и посадскими людьми и с целью изъятия купцов и посадских людей из ведомства воевод. В этом указе, между прочим, изложено: «и милосердуя, он Великий Государь об них гостях и гостинные сотни и всех господских и купецких и промышленных людях и чернослободцах, чтоб им в разных приказах волокиты и от приказных и разных чинов людей нападков и убытков и разорения не было, и от тех их нужд быть им всегда свободным... ныне и впредь в тех приказах не ведать; и указал он Великий Государь их гостей в гостинные сотни и всех сотен и слобод всего Московского Государства... ведать бурмистрам их... в бурмистерскую

управу приказано выбирать добрых и правдивых людей на год и из них каждому быть президентом поочередно в течение месяца».

В указе по тому же поводу, объявленном из разряда того же 30 января, выражено... «а за то Его Великого Государя к ним милость и признание, что они от воевод и от приказных людей в обидах и в налогах и в поборах и во взятках будут свобожены, они посадские и купецкие и промышленные и уездные люди, всякие Его Великого Государя окладные повсягодные сборы, которые с них были наперед сего, в Его Великого Государя казну платили против прежнего вдвое».

Учреждение бурмистерских палат во всех городах, а следовательно, и в сибирских, в связи с установлением гербовой бумаги, дает основание предположить, что торговый класс был силен численностью в эту пору и состоятелен в денежном смысле не только в России, но и в Сибири, следовательно, и в Забайкалье.

Подтверждается этот вывод также указом от 11 июля 1699 года¹⁵⁴, которым установлено взимать по 2 деньги с рубля в пользу стрельцов и служилых людей, захвативших товары, не оплаченные пошлиной в Верхотурской таможене, при провозе их из Сибири в Россию. Этим же указом воспрещено по всей Сибири производить торг соболями и предписано собирать их «в ясак в одну Его Великого Государя казну». Грамота об этом распоряжении, в силу указа, должна была быть отправлена и в Нерчинск.

Усилия правительства устранить плутни в сибирской торговле и избавить торговцев от прижимок воевод и приказных людей не могли привести к желаемым результатам потому, что в то время в среде местного населения Сибири не было людей, на которых можно было положиться. Знаменательным фактом в подтверждение этого вывода

служит указ от 27 октября 1699 года¹⁵⁵, которым в Сибири уничтожены бурмистры и сбор пошлин по-прежнему возложен на голов и целовальников под надзором воевод. В полном собрании законов указ этот изложен так: «В сибирских городах бурмистрам не быть, а быть по-прежнему у всяких сборов из русских и из сибирских городов таможенных и кабацким головам и целовальникам добрым людям и над ними надзирать сибирских городов воеводам со всяким крайним раденьем; а буде что, те головы недозиранием воевод своруют или заодно с воеводами учнут Государевою казною корыстоваться, и им за то быть в таком наказании, как в наказах и статьях таможенных им написано; а бурмистрам не быть для того, что в сибирских некоторых городах посадских людей нет, а в которых есть и те людишки худые, скудные и ссыльные, и затем в бурмистры выбрать некого; а в которых городах торговые люди есть, и тем в сборе денежной казны ясачной и ни в каких сборах верить некому, для того, что они люди скудные и для того посылаются к большим сборам в сибирские города в таможенные и кабацкие головы московских городов люди добрые, кому в том верить можно...»

В 1699 году в Нерчинском округе открыты следы серебряных и золотых руд, на которые навели норы сурков, при выкапывании ямок выбрасывавших и самую руду¹⁵⁶.

В этом же году косвенным образом касались Забайкалья указ: от 6 ноября 1699 года¹⁵⁷, коим установлено ссылать в Сибирь на поселение за торгование табаком и корчемным питьем.

Указ 19 декабря 1699 года¹⁵⁸, установивший счет годов не от Сотворения мира, а от Рождества Христова, и коим предписано с 1 января 7208 года считать 1700 год.

ГЛАВА XI (1700—1702)

Печатание карт и книг, в том числе касающихся Сибири, в Голландии. Устройство гостиного двора в Нерчинске. Установление новой формы переписки сибирских воевод с Сибирским приказом. Наказы нерчинскому воеводе от 5 января и 1 февраля 1701 года. Разрешение Ивану Николеву вернуться в Россию, не ожидая нового воеводы.

Голландцу Ивану Тесенгу в феврале 1700 года дозволено печатать карты и книги для продажи в Россию, в том числе «и таблиц с написанием в чертежах и в книгах, сибирскому нашему царствию и китайскому владению городам и землям и рекам, под нашим, Великого Государя Нашего Царского Величества именованьем, на славянском и голландском языках...»

Торговля с Китаем к этой поре развилась уже настолько, что правительство заботится об устройстве в пограничном тракте, где пристойно, больших помещений для склада товаров. Кроме сего, для целей торговли оно привлекает духовенство. Так, в указе от 18 июня 1700 года¹⁵⁹ Государь предложил святейшему патриарху выбрать из иноков Малороссийской области двух или трех человек «добрых и ученых, не престарелых иноков, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться» и возложить на них обращение в православие китайцев и монголов и «чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу, и к Российскому народу людям, которые по вся годы

с караваны для торгова и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных».

В этом же указе приказано послать «в Нерчинской к воеводе Государеву грамоту: велеть всяким старанием радеть, чтоб... где на пристойном месте сделать двор гостинной, для поклажи Великого Государя казны, и торговых людей товаров амбары...» принять меры безопасности от пожара, «и буде возможно, чтоб близь того двора деревянного строения не было, чтоб такие великие казны, которые с караваны в Китай проходят и назад возвращаются, от таких всегубительных пожарных случаев, и торговые люди от крайнего разорения спастись могли».

Распоряжение Петра о посылке в Китай иноков добрых вызвано было донесением Виниуса, заведовавшего Сибирским приказом, в 1698 году, о том, что в Сибирской уkraine со стороны Китая покойно и что в Пекине построена русская церковь и что многие китайцы крестились¹⁶⁰. На это Петр отписал Виниусу из-за границы, чтоб вести эти дела осторожно, «дабы китайских начальников не привести в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют»... Исполняя приказание Петра, Виниус распорядился, чтоб в Нерчинске отбирали сведения от всех торговых людей, которые придут из Китая: какова новопостроенная часовня, стоит в ряду прочих домов или особо; бывают ли в оной китайцы; хвалят ли ее; к какому закону склоннее китайцы — к греческому или иезуитскому, каковы попы и причетники в нашей церкви; сколько их, а также русского народа проживает в Китае; богата ли церковь украшениями и книгами; где погребают умерших христиан и явно или с опасением; крестился ли кто из китайцев?

Непорядки управления в сибирских делах, при настойчивом стремлении правительства устранить таковые, вызывали усиленную переписку в Сибирском приказе, которая была для него особенно тяжела потому, что все письмоводство велось в сибирских городах не обычным ныне порядком, а столбцами, на одной странице, и листы склеивались. Указом от 11 декабря 1700 года приказано писать на обеих сторонах листа и самые листы сшивать в тетради. Мотивировано это распоряжение тем, «что в Сибирском приказе и во всех сибирских городах наших Великого Государя дел случается по вся годы много... хранить сибирские дела неудобно, потому что листы расклеиваются; большие столбцы легко раздираются, вследствие этого теряются и является затруднение в производстве справок в старых делах.

О том, как сильно занимали правительство в первые годы царствования Петра Великого дела Забайкалья, можно судить по наказам нерчинским воеводам. Первый наказ, как упомянуто выше, дан в 1696 году, вслед за указом о выступлении в поход под Азов; другой наказ дан 5 января 1701 года¹⁶¹, то есть в начале войны с Швецией, объявленной в августе 1700 года. Очевидно, последний наказ составлялся уже во время войны. Наказ этот значительно дополнен против первого и включает в себя 62 статьи, размещенные в нижеуказанном порядке:

1) По приезде новому воеводе взять в приказной избе печать Нерчинского острога и острожные книги; взяв с собой городничих и нерчинских детей и боярских и казаков, проверить наличность по росписям; хлебные запасы перемерять, зелье (порох), свинец, соль — перевесить, деньги пересчитать; ясачную и поминочную казну, мягкую рухлядь и локотные товары принять «и что на ком донять», — взять

от прежнего воеводы книги за рукою; все отчетные книги и тетради принять и расписаться «по ним» обоим воеводам и точные копии с оных, слово в слово, снять и, тоже расписавшись обоим воеводам, отослать в Сибирский приказ.

2) По принятии печати, ключей и царской казны потребовать к себе нерчинских детей боярских, атаманов, пятидесятников, казаков, пушкарей, затинщиков и всех жилецких людей и сказать им Великого Государя милостивое слово и спросить претензии.

3) Проверить служащих по списку; оружие, снаряды и снаряжение по росписям. Проверить караулы и место хранения боевых принадлежностей.

4) Служить царю верой и правдой, докончить то, что недоделано предместником; в случае недоразумения запрашивать Сибирский приказ. «В Нерчинску и в острогах жить с великим береженьем неоплошно» и посылать разъезды проводывать, «чтоб никакие воинские или воровские люди к острогам и на уезды войной безвестно не пришли».

5) По окончании приема людей, оружия, казны и зданий пригласить к себе казаков и лучших улусных людей из инородцев; принять их торжественно, с почетом; обнадеть государевою милостью; разобрать их претензии; напомнить о верной службе и аккуратном взносе ясака и, уготив хорошо, отпустить по домам.

6) Если явятся не ясачные люди — то принять их ласково «и проводить их к прямой шерти, разыскав, какая у них вера и на чем они шертуют, чтоб у них в том лукавств и обману не было».

7) Выдавать жалованье хлебом или деньгами, но не соболями и мягкой рухлядью, притом только наличным людям, а не подставным.

Жалованье выдавать «из тамошних нерчинских и таможенных и кабацких доходов деньгами или хлебом вместо денег»... Упоминается, «что нерчинские служилые люди не токмо за настоящие, но и за прошлые года сполна пожалованы, а из служилых людей перед прежними годами прибыло гораздо много в городских и в отъезжих караулах и в отсылках, за тем многочислом стало быть им легче и отраднее»... китайские товары сбора нерчинской таможни высылать в Москву, а если и придется их выдавать, при неимении денег, в счет жалованья, то выдавать по установленной цене. При высылке служилых людей с караванами в Китай выдавать жалованье не на 2 года, как делал Иван Николев, а на один. Хлебное жалованье выдавать хлебом, «а не товарами, для того что в Нерчинску крестьян и пахоты ныне прибыло много»... Приглашать служилых людей за хлебное жалованье пашни на себя пахать, и на те земли обещать им по ссыльному мужику, которые будут на них пахать и всякую работу делать... употребить меры к тому, чтоб своею пахотою для выдачи хлебного жалованья, а если б хлеба не хватало, то высылать таковой из Иркутского в Удинской, куда высылать приемщиков из Нерчинска. Воспрещается воеводам и приказчикам по разным острогам покупать на себя хлеб: у ружников, обротчиков и служилых людей. Предписано нерчинскому воеводе хлеб закупать по расчету 4-х четвертей в год на человека, «сколько с ним по указу Великого Государя и по росписи отпущено людей с Москвы».

8) Воспрещается зачислять в службу лишних людей, «а без грамот Сибирского приказа в дети боярские и в атаманы и в пятидесятники и в конную казачью службу никого не верстать»... взамен убылых зачислять казачьих детей и вообще их родственников и «ссыльных людей», «которые

присланы будут в службу». К существующим окладам жалования никаких надбавок не делать, из малых окладов в большие не переводить.

Наблюдать, чтоб служащие люди и никто «разбоя и душегубства не делали. Не допускать никакого воровства нигде шатостей и бунтов и измены в русских во всяких людях и в иноземцах». Предписывается чинить суд и расправу, руководствуясь уложением, — справедливо. Судебные пошлины взимать по новоуказным статьям.

Предписывается отчет по всем статьям представлять ежегодно почтой.

9) Списки деньгам, товарам, хлебу, мягкой рухляди, копии с приходных и расходных книг, именные списки служащим и ясашным людям, ружникам и обротчикам составлять отчетливо, «чтоб против прежних сметных списков учинить вразумительнее, с ценою и с перечнями и никаких глухих статей не отставливать».

10) За сбором ясака посылать служилых людей самых добрых, чтоб не делать обид и разорений ясачным людям. Предписано заносить в ясак лиц, достигших 18-летнего возраста, и исключить тех, которые «стары и увечны и налешие свои промысла не ходят». Разрешено давать льготу в уплате ясака людям, которых постигло какое-либо несчастье — но все же предписано собирать ясак «с великим радением», чтоб «пред прежним окладам учинить Великому Государю прибыль, а убыли бы... против сбору прежнего воеводы Самойлы Николева никакой не учинить». Вместо мягкой рухляди отнюдь не брать с ясачных денег.

11) При возвращении в Нерчинск служилых людей, которые были командированы в ясачные волости для сбора ясака, — высылать к ним навстречу целовальников, кого пригоже, для проверки мягкой рухляди. За притеснения

при взимании ясака и за торговлю с ясачными при сборе ясака предписано строго наказывать.

12) Тех соболей, что ясачные будут привозить в Нерчинск для поманок, воеводам записывать тоже в царскую казну. Предписывается подтверждать ясачным, чтоб они «соболей и соболиной рухляди и лисиц черных и чернобурых и бурых и песцов черных и голубых торговым и промышленным и никаким людям никакими мерами не продавали», а приносили бы в Нерчинск в ясак, и воеводе разрешено песцов и лисиц принимать по расчету за соболей.

13) Если промышленные люди сами будут ловить соболей, лисиц и песцов, то и им не позволять продавать их на сторону, а требовать уступки в Государеву казну по установленной цене, от 8 до 50 рублей и больше.

14) Лисиц, песцов и соболей, у кого таковые объявятся из обывателей Нерчинска, забрать в Государеву казну по оценке и никому вообще не позволять ни покупать, ни продавать таковых на сторону.

15) Перед отправкой в Москву ясачной казны присылать сведущих людей для сортировки меха и оценки оного. По оценке запечатать. Оценочные росписи хранить воеводам у себя, чтоб была возможность проверить оценку мехов по привозе их в Москву. С казною лишних людей не посылать, «чтоб в подводах в дороге и на Москве в кормах лишних расходов не было».

16) Наблюдать, чтоб в Нерчинске и в острогах приказные люди и их родственники, толмачи и служилые не делали обид ясачным и не торговали бы с ними.

17) Собирать ясак ласково; жен и детей у ясачных не покупать и не отбирать силой, неволей не крестить, из Сибири в другие города с собой не вывозить, «чтоб сибирская страна пространялась, а не пустела».

18) Предписано обложить ясаком «не великие землицы, по близку Нерчинска», которые еще не платят такового.

19) Если при обложении ясаком новых землиц «люди учнут чиниться непослушны, то воеводе, посоветовавшись с лучшими людьми, посылать служилых людей от себя... и тех не послушных людей велеть смирить слегка и забрать аманатов, которых содержать в острогах, для того чтоб показывать их тем людям, которые будут приносить ясак».

20) В случае если «князцы и улусные люди учнут Великому Государю изменять и ясаку платить не учнут» — то выслать против них ратных людей «и над теми изменники и непослушники, прося у Господа Бога милости, велеть промышлять всякими обычаи, сколько той же Всемилосердый Господь Бог помощи подаст». Забрать аманатов, «а пущих воров заводчиков» — посадить в тюрьму и отписать в Москву Государю.

21) Когда взбунтовавшиеся землицы будут усмирены и начнут платить ясак, то всех пленников освобождать и отнюдь не оставлять у себя полонянок, жен и детей иноземцев, не крестить их и не высылать в Москву и другие города, «чтоб сибирская даурская земля пространялась и не пустела».

22) Дозволено принимать в службу и убылые места иноземцев, которые пожелают креститься. «Женок и девок», которые пожелают креститься, выдавать замуж за служилых людей.

23) Опять подтверждается, чтоб приказные не покупали соболей и мягкую рухлядь, и воспрещается давать деньги взаймы проезжим, а также кабалы и крепости за неплатеж денег.

24) Воспрещается продавать бухарцам соболей, лисиц и песцов.

25) Если у воеводы объявятся кабалы на кого-нибудь, то их отдать безденежно тем людям, на кого они взяты.

26) Воспрещено провозить в Китай соболей и черных лисиц, кроме тех, на пропуск которых будут грамоты из Сибирского приказа.

27) Предписано воеводам не делать помехи таможенному голове и целовальникам в сборе пошлин, и наблюдать, чтоб купцы привозили свои товары в гостинный двор, отнюдь не продавая таковой по пути в волостях. Ясачным и всем людям велеть покупать товары только в гостинном дворе и на торге, чтоб купцы не могли продавать товар, не оплаченный пошлиной.

28) Самому воеводе и никому из его родственников и никому из приказных ничем не торговать «и с Руси и в Сибирь никаких товаров с собою не возить, и ни с кем не посылать. Ослушным людям чинить наказанье, смотря по людям и по вине, кто чего доведется».

29) Торговых и промышленных людей не задерживать «и насильства и помешки, для своих прихотей и корысти, не чинить»... Таможенному голове и целовальникам оказывать всякое содействие и ни в чем не мешать, не вмешиваясь ни в чем в их дело. Наблюдать, чтоб никакие товары мимо Нерчинска не проезжали без оплаты пошлины.

30) Наблюдать, чтоб таможенные головы и целовальники, а также родственники их «никакими товарами не торговали, и деньгами своими за товары ни с кем не складывались... никому ни с каких товаров таможенных пошлин не отдавали и сами не корыстовались»... без пошлин никого не пропускали... в проезжих выписях ценили бы товары правильно, «и искати ему воеводе во всем Великому Государю прибыли... чтоб всякая Великого Государя сборная казна, против Самойлова бытия Николева, в недоборе не была,

и ни в чем не терялась». Наблюдать, чтоб таможенные головы и целовальники взимали пошлину, установленную без поборов, и заносили бы оную в книги справедливо; отчитываться в пошлинах ежемесячно; недочеты на головах «править безо всякия пощады». Если голова не удовлетворяет своему назначению — писать в Москву тотчас.

31) Допускать на торг в Нерчинск калмыков и монголов, которые будут приводить лошадей.

32) Указано, что таможенный голова Петр Худяков за лишний китайский товар, найденный у торговцев, взял только десятую часть, а не так поступил, как определено в наказе от 12 ноября 1698 года. Предписано не допускать этого впредь.

33) Установлена плата китайскому золоту по рублю и десяти денег за золотник, и золото покупать непременно на деньги или обменивать на товары.

34) Разъяснено, что с китайского золота пошлину надо было взимать, как и с товаров, в размере десятой части.

35) Установлена цена, по которой надлежит оценивать китайские товары, для взимания с них пошрины.

36) Указывает, что тем служилым людям, которые ездили в Китай с караваном Спиридона Лянгусова, дозволено было привести с собой разного товара, и в том числе «шара» (табаку), — в счет 30 руб., применяясь к таможенному наказу 1698 года. Разъяснено, что с табаку следует взимать десятую часть и покупать его надлежит только в Государеву казну.

37) Упомянуто, что между караванами Спиридона Лянгусова и Григория Быкова пропущен в Китай из Нерчинска караван торговых людей. Это сделано в противность наказа 1698 года, по которому караваны торговых людей должны пропускаться в Китай через год и через два.

38) Подтверждается наблюдать за тем, чтоб таможенный голова и целовальники не делали злоупотреблений; предписано ежемесячно проверять деньги и книги, требуя таковые в приказную избу; «а за кражу и воровство и за иную всякую хитрость целовальникам чинить наказанье, за малые вины бить батоги, а за большие кнутом»; об упущениях голов отписывать в Москву.

39) Предписано наблюдать за недопуском злоупотреблений по продаже вина; деньги проверять ежемесячно; всякий начет «править без всякия пощады»... «не списываться к Великому Государю ничем».

40) Не допускать корчемной продажи вина и безъявочной варки пива и меда, которые разрешать варить только для себя, с уплатою за четверть пива по 4 деньги, а с пуда меду по 6 денег; воеводе, приказным и служилым людям курить пиво воспрещается, с тех же из них, которые будут замечены в этом, взимать штраф в размере 25 р. с человека в первый раз; во второй раз брать 50 р. и бить кнутом, а в третий раз — взыскивать 100 рублей и сослать в ссылку в другой город.

41) Подтверждается, чтоб сами воеводы лишнего вина с собою не привозили, и если у них «в Нерчинском, сверх указа Великого Государя, лишнего ж вина и меду и иного чего объявится и взято будет на Великого Государя, да на нем же доправлено будет иска по рублю за ведро».

42) Предписано озаботиться прибавкой оброчного хлеба на пашенных нерчинских крестьян; призывать на пашню «из гулящих и охочих вольных людей; садить на пашню ссыльных людей. Размер десятины указан длиною по восьмидесяти, а попереk по сорока сажень». О том, сколько прибудет пашенных крестьян, сколько и каких кому будет дано льгот и хлеба на посев, присылать донесения в Мо-

скву. Для наблюдения за поселенными крестьянами предписано выбирать из них же лучших людей в целовальники, старосты и десятские; приказчиков назначать из нерчинских детей, боярских и из лучших казаков по очереди.

43) Предписано оброчный хлеб с государевой пашни брать также и от духовных лиц: «из доброго хлеба четвертый, а из среднего пятый, а из худого шестой сноп», — и все это записывать в книги.

44) Хлеб десятинный и выдельный принимать и выдавать четвертями, в казенную осьмину, под гребло, а не пудами. Радеть, «чтоб в нерчинских острогах и уездах хлеба напахать на Нерчинский и иных острожков расходы со удовольствием, которым бы и служилых тамошних людей довольствовать, без присыльного и покупного и без подрядного хлеба»...

45) Предложено стараться пересадить на пашню тех ссыльных, которые поверстаны на службу за денежное или хлебное жалованье. Рекомендуются вообще устраивать ссыльных на пашню и ни в какие другие города их не отпускать.

46) Упомянуто, что в сибирских городах тем служилым людям из боярских детей, литвы, черкас, немцев и казаков, которые имеют достаточное количество пашенной земли, хлебное жалованье не выдавать и оставить за ними только денежное.

47) Так же приказано поступать и с нерчинскими служилыми людьми, добавив пашни тем, у кого их мало. У кого же пашни больше их окладов, приказано взимать с лишней пахоты десятый сноп.

48) Определяет размер пашни, отведенной служилым людям в разных сибирских городах. Так, по справкам в Сибирском приказе «в столпу 168 года» (1660 год) установле-

но: тобольским служилым людям зачитать хлебное жалование за пашни «по две чети без полутора четверика ржи, по две чети без третника овса» — за пашенную десятину. Тюменским — за десятину доброй земли — «по четыре чети ржи, по две чети без четверика овса». Туринским с десятины — «по две чети с осьминою без полутора четверика ржи, по чети без полуосьмины овса». В городах Тюмени, Туринске, Пелыме и в слободах тобольского и туринского уездов распоряжением воеводы князя Юрия Аншеевича Сулешева установлено пашенным крестьянам пахать государеву десятинную пашню по следующему расчету: «кто распахивает государевой пашни две десятины с четвертью в поле, и в дву потому ж всего в трех полях $6\frac{3}{4}$ десят. — тем распахивать за себя десять десятин в поле, а в дву потому ж, т.е. в трех полях 30 десятин, кто пашет десятину с получетвертью и по стольку же в двух других полях — тем цахать за себя пять десятин в поле, а в дву потому ж». Вообще надел землю пашенных крестьян установлен по указанному расчету.

В Верхотурском уезде установлен другой расчет: для подгородных крестьян, кто пашет на Государя две десятины и по стольку же в других двух полях, т.е. всего 6 десятин, тем пахать на себя 45 десятин в трех полях; кто пашет государевой пашни десятину, тем отводить на себя $22\frac{1}{2}$ десят. в трех полях.

Верхотурского уезда Тагильском и иных сел и слобод крестьянам определено за 6 десятин государевой пашни в трех полях обрабатывать на себя $37\frac{1}{2}$ десятин, кто разделяет на себя в трех полях — $18\frac{3}{4}$ десятин, а кто распахивает больше или меньше этого — то по расчету.

В 1679 году установлено для енисейских, илимских и верхоленских служилых людей, кто начнет распахивать

пашни, то хлебное жалованье давать под пашню за полные их оклады: служилым людям по десяти десятин, а подьячим — по пяти. Верховенским конным казакам по 6 $\frac{1}{2}$ десятин, а пешим казакам: енисейским по 10 десятин, а илимским по 5 $\frac{1}{2}$. Пашенным крестьянам, кто обрабатывает государевой пашни 2 десятины, в поле в Илимском и Енисейском уездах — давать 24 десятины по три поля, а кто больше или меньше против того, то по расчету.

Нерчинскому воеводе предписано руководствоваться приведенными указаниями «о пашне учинить свое прилежное радение, как бы Государеве казне было прибыльнее, а людям бы не в тягость и не в большую льготу», и с тех пашенных крестьян, у кого земли окажется больше против установленного, или добавлять государеву пашню по расчету, или же добрать с их лишней пашни пятый сноп.

49) Предписано хранить в исправности как караулы, так оружие и снаряды, обнести посад рвом и валом земляным, «чтоб всегда в целости тот город и жители были в остерегании, потому что тот край самой дальний и облегли его со всех стран разные народы; а буде где какие крепости городовые попортились или развалились и погнили, и то велеть починить».

50) Калмыков, монголов и киргизов не задевать, а если народы эти станут обижать инородцев, платящих ясак, то выслать из Нерчинска служилых людей для защиты ясачных. «А давать тем посланным служилым людям промышленников добрых, которые б к воинскому делу имел искусство доброе, чтоб государевых людей не теряли напрасно». Подтверждается, чтоб людей, взятых в плен при замирении инородцев, не задерживать и отнюдь не брать себе ясачных людей, жен и детей и не крестить их насильно.

51) Указывается о всякой необходимости в добавке ратных людей, снарядов и ручных пищалей, денег, хлебных и пушечных запасов обращаться в Сибирский приказ. В случае необходимости ускорить доставку всего перечисленного выше, «писать в Тобольск, и в Томской, и в Илимской, и в Иркутской, и в Енисейск к воеводам, чтоб от изменников и от воинских людей некоторой поруки, и Великого Государя казне и людям потери не было».

52) Подтверждено соблюдать договор с Китайской империей, заключенный Головиным в 1689 году.

53) Наблюдать, чтоб промышленники и охотники не переходили за границу для промыслов «войны и кровопролития для таких причин и за самые пограничных людей проступки не вчинать». О тех людях, которые будут уходить за границу, писать «в китайское государство, в порубежные города к воеводам и к приказным людям, о сыску и присылке их»... а китайских перебежчиков в сторону царского величества отнюдь не принимать... а которые объявятся — «отсылать в сторону китайского государства, в пограничные города, и к воеводам об них писать».

54) Предписано послов калмыцких и мунгальских в Москву не пропускать и в Нерчинске подолгу не держать, «чтобы в кормах Великого Государя казне лишних расходов не было». Отбирать от них листы и с переводом высылать таковые Великому Государю. Ответные посольства с нашей стороны формировать из служилых людей.

55) Если посланники привезут подарки, то, приняв таковые, записать их на приход в Государеву казну — оценить, и по оценке отдаривать посланников «сукнами и иными товарами, какими пристойно» — в полтора; подарки же высылать в Москву с ясачною казною.

56) Посланников, которые придут от богдыхана, и привезут грамоты на имя Великого Государя и будут посланы для переговоров о важных Государственных делах — пропускать в Москву, выдавая им корм и подводы.

57) Предписывается точно убеждаться, действительно ли привезенные посланниками листы суть грамоты на Царское имя. Рекомендуются обращаться «с посланниками хорошо, чтоб даурской стране не навесить какой тягости и Великого Государя людям, которые в Китай с торгами ездят трудностей».

58) Тех зайсанов и улусных начальников, которые будут просить о принятии их в русское подданство, — принимать и не крестить их насильно, облагая их умеренным ясаком.

59) Проверить тюремных сидельцев и на опросе их составить статейный список, который прислать в Сибирский приказ «незамотчав».

60) Предписано посадским людям принимать меры против пожаров и воспретить топить «избы и бани в городе летом, а для великих нужд или родин велеть избы и бани топить в ненастные дни с великим береженьем, с водою, когда большого ветру не будет». Порох же и всякую царскую казну хранить в местах, безопасных от пожара.

61) Резюмирует все обязанности воеводы, изложенные в наказе.

62) Угрожает взысканием за несоблюдение указаний, данных в наказе, и в конце указывается, чтоб нерчинский воевода стольник Иван Самойлович Николев сдал должность воеводы стольнику Юрию Богданову сыну Бибикову, отправленному на воеводство в 1701 году, и сам бы приехал в Москву для дачи отчета председателю Сибирско-

го приказа, думному дьяку Андрею Андреевичу Вивиусу с товарищи.

Вслед за приведенным указом 1 февраля 1701 года состоялся другой указ, касающийся управления Даурской землей, данный на имя того же воеводы Юрия Бибикова¹⁶², который дает более полное понятие о тогдашнем положении Нерчинского края.

В начале указа говорится: «и ведать ему в Нерчинску острожки те же, которые ведали прежние воеводы он и Иван Николев — Иргенский, Теленбинский, Еравинский, Аргунский».

В 1-й статье указано, по принятии царского имущества, согласно прежде данного наказа, проверить по книгам приход и расход с привоза в Нерчинск Самойлы Николева и буде окажется какой начет, то добрать начетное с Ивана Николева.

2) Обращаться внимательно с новокрещенным князем Павлом Гантимуровым, не давать в обиду ни его самого, ни его родственников и смотреть за ними накрепко, «чтоб не подумали какого худа, не ушли бы в Китай», и Даурской земле скопы какой не учинили.

3) Досмотреть, не объявится ли где слюда, а буде найдется таковая, то самую лучшую отправить в Китай на продажу с купчиной, «которой с Москвы послан будет в Китай или с торговыми людьми»... если же проку от этого не будет, то не расходовать на добычу слюды.

4) Предписано накопать ремень, или купить таковой, пудов 50, с платою по 2 или по 3 рубля пуд, уплатив деньги из нерчинских доходов, и выслать таковой в Москву.

5) Указывается, что в 1697 году казаки Аргунского острога 41 человек подали воеводе Самойле Николеву челобитную, в которой изложено: в 1695 году (203-м) Иркут-

ский сын боярский Сидор Шестаков, проезжая в Китай с листом, взял в провожатые ясачного тунгуса, которого избил, ограбил и хотел сжечь. Это обстоятельство возмутило прочих тунгусов, и они задумали откочевать в Китай; казаки, впрочем, успели их отговорить, но две юрты все же таки ушли, вследствие чего пропал и ясак. По возвращении Сидора из Китая казаки стали выговаривать ему, что проказничать не годится, за что он их начал бранить, называя ворами, бунтовщиками и изменниками. Казаки не стерпели и убили его. Имущество Сидора Шестакова поделили между собой, и на каждого пришлось по 30 рублей; сделали это потому, что не получали жалованье за (204) 1696 год. Хлебное же и соляное жалованье до них никогда не доходит, совсем обнищали.

В 1697 году (206) Самойле Николеву было приказано разобрать это дело; зачинщиков двух или трех человек, наказав жестоко, сослать в Якутск. Розыск приказано производить не очень жестокий, чтоб не смутить и не разогнать казаков.

В 1697 году Самойло Николев умер, а сын его боится произвести розыск из опасения вызвать смуту. В силу изложенного обстоятельства, аргунские казаки остались не наказанными до сего времени, и потому Бибикову предписано было этот розыск довести до конца, с тем чтоб виновных не оставить без наказания.

6) Предписывалось разузнать обстоятельно, почему именно с 1691 года ясачные люди разных родов бегут из-под Нерчинска? Кто их разогнал? Принять меры к тому, чтоб возвратить в русское подданство из них кого возможно.

7) Дознать, почему именно при князе Матвее Гагарине в 1695 году и при Иване Николеве в 1699 году оказался недобор в ясачной казне?

8) Если Иван Николев не производил розыски об измене Никитки Мара и Васьки Пешкова — то разузнать, почему именно они с товарищами затеяли ограбить царскую казну, убить Ивана Николева и таможенного голову Петра Худякова, забрать пушки и оружие и спуститься к морю по р. Амуру.

9) Подтверждается не допускать производить торговлю ни себе, ни родственникам, ни приказным и никому из служилого люда; родственникам своим не давать никаких служилых мест.

10) Дознать, почему из 624 душ, отправленных из Тобольска в 1697 году, к 1700 году дошло в Нерчинск только 460. Разведать о злоупотреблениях тобольского сына Петра Мелешкина, которому доверено было отвести этих крестьян в Нерчинск на поселение.

11) Не допускать зачета ржи за овес и наоборот при выдаче хлебного жалованья в ущерб Царской казне, и ту передачу ржи, которая произведена при Иване Николеве, донять с служилых людей не далее как в два года при выдаче хлебного жалованья.

12) Предписано побудить Николева составить сметные списки жалованья хлебного с 1694 г. и ясачные с 1695 года и денежного с 1699 года, скрепить их своим подписом и выслать в Москву; а ему, Бибикову, списки эти высылать ежегодно.

13) Завести писцовые книги, в которые занести всех людей, владеющих землями, с показанием количества десятин всей земли, пахоты удобной и неудобной; с отметками кто, как владеет землей, по каким документам, на каких условиях. Если окажется у кого много непахотной земли в пусте — то обложить таковую денежным оброком или де-

сятым снопом, или же выделять оную из дач для раздачи нуждающимся в пахотной земле.

14) Предложено произвести опыты посева ячменя.

15) Указано принять меры к укреплению берегов речки Нерчи, так как из донесения Ивана Николева от 1700 года видно, что одну угловую городовую башню подмыло на пол-сажня. Предписано начать делать кирпич и разыскать известь для постройки каменных кладовых, гостиного двора, таможни и приказной избы.

16) Предписано возвратить в Москву прежние наказные статьи, выданные Самойле Николеву, потому что новые во многом изменяют и дополняют старые. Предлагается заботиться о доставлении прибыли Государевой казне, за что обещано пожалование, а за нерадетельное отношение к делу, за злоупотребление и неправду «ему Юрию от Великого Государя быть в опале во всесовершенном разорении».

Наказные статьи списать и копию держать в съезжей избе, а подлинный наказ хранить за печатью «до перемены своей, и новому воеводе и те статьи отдать с распискою».

17) Повторяется, что если он, Юрий, будет нерадетелен и несправедлив и станет делать злоупотребления — то быть ему «в опале ж и в наказанье и в разоренье без всякия пощады».

18) Упомянуто, что вместе с ним, с Юрием, приказано быть в Нерчинске и сыну его, стольнику Алексею Бибикову — и в отписках с другими воеводами сибирских городов «писаться вместе; а те отписки и всякие дела и книги закреплять ему Юрию своею рукою».

Вслед за сим от 15 февраля состоялся указ на имя товарища нерчинского воеводы Ивана Николева¹⁶³, в котором

приказано Ивану Николеву ехать в Москву, не ожидая прибытия Бибикова, передав все Луке Кочмареву. При этом за честную и радетельную службу Самойлы Николева, а также и за добросовестную службу Ивана, ему разрешено вывезти все товары китайские, подаренные его отцу. Все имущество Николева приказано запечатать в тюки с приложением нерчинской печати и в проезде письме приказано оговорить не вещи, а число тюков и связок, за печатью и попутным таможенным головам приказано не досматривать вещей Николева — «для того что в таможенных статьях 207 году написано: которые воеводы люди добрые жили в тех городах, где они воеводами были, боясь Бога и нашего Великого Государя гнева... в нашей Великого Государя казне никаким доходам не коснулись... и торговых и таможенных людей никого ничем не обижали... и те воеводы вывезут из Сибири с собою каких товаров... которые им за их верные службы по нашей Великого Государя милости и жалованью даны, и проезжие и тамошние люди в почесть, а не в неволю им давали: и таких смотря по делу и пожиткам пропускать свободно без задержания... чтоб, смотря на то, корыстные воеводы и приказные люди не надеялись на добро, нажитое неправдою, а старалась бы подражать людям честным». Далее говорится, что и отец Самойлы и он, сын, доставили прибыль Государевой казне и жалоб на них ни от кого ни в чем не поступало. Николеву предписывалось выехать из Нерчинска в таком только случае, если он признает это возможным без вреда для Государева дела.

Из последних двух наказов легко усмотреть, что Нерчинское воеводство в 1700 году включало в себя земли, лежащие по рекам Шилке, Аргуни, низовьям Онона, Ингоде и верховьям р. Хилка. Густо заселенные места, с

большими распашками земель под пахоту, группировались около Нерчинска. В городе и подчиненных ему острогах было достаточно посадских и служилых людей. Народилось значительное число гулящего люда, так как сделались возможны заговоры, вроде того, который учинил Никитка Мара с товарищами. Власть администрации слаба на дальних окраинах, вследствие чего возможны самоуправства аргунских казаков.

Воеводство уже не нуждается в привозном хлебе. Торговля с Китаем развилась значительно, вследствие чего Нерчинск делается важным городом; караваны направляются в Пекин через Маньчжурию. Нерчинские доходы покрывают расходы по администрации края и войска и дают остатки для отсылки в Москву. Злоупотребления и корчемство не прекращаются.

Западная половина нынешней Забайкальской области составляла часть Енисейского воеводства и была в ведении селенгинского воеводы, назначавшегося из Енисейска. В состав этого района входили остроги Верхнеудинский, Итанцынский, Верхнеангарский, Баргузинский и Баунтовский, да несколько заимок, из коих важнейшие: Кабанья и Ильинская. Следовательно, Селенгинский округ заключался в пространстве между озером Байкалом и р. Удой, Яблоновым хребтом и Селенгой, протянувшись вверх по р. Селенге до кударинских бурят, до р. Джиды¹⁶⁴. Обе эти половины нынешней области резко отличались одна от другой по роду жизни обывателей: восточная — Нерчинская — пашенная и торговая. Западная — Селенгинская — преимущественно звероловная и ясачная, в которой, по Словцову (с. 303, кн. 1-я), были ярмарки на Селенге и Оке.

14 марта 1701 года состоялся указ¹⁶⁵ о продаже в сибирских городах вина дешевле против прежних цен, в тех видах, чтоб прекратить корчемство. Цены установлены следующие:

вино простое в Тюмени	по 1 руб. 15 алт. ведро
Томске	по 2 руб. 6 денег.
Верхотунье	
Туринске	по 1 руб. 10 алт.
Красноярске	
Илимске	по 2 руб. 26 алт. 4 ден.
Мангазее	.
Кузнецком	
Иркутском	по 3 руб.
Якутском	
Нерчинске	по 4 руб.
Енисейском	по 3 руб. 30 алт. и 2 д.
Таре	по 2 руб.
Сургуте	по 2 руб. 6 алт. и 4 д.
Березове	по 1 руб. 26 алт. и 4 д.
Пелыме	по 1 руб. 13 алт. и 2 д.

Из этих цен видно, что и в то время некоторые предметы потребления в Забайкалье были дороже, чем в прочих частях Сибири, за исключением только Якутского воеводства. А как географическое положение области не изменилось и как тогда, так и в настоящее время промышленность в крае не развита, то нечего удивляться, что теперь все предметы потребления, не производимые на месте, в Забайкалье должны быть дороже, чем во всех прочих местах Сибири, за исключением Якутской области.

ГЛАВА XII

Административное деление Забайкалья в начале XVIII столетия. Численность населения. Торговое значение края. Псылка в Китай казенных караванов. Участие сибирского купечества в китайской торговле. Возникновение несогласий с китайцами.

В силу указа от 18 декабря 1708 года, коим вся Россия разделена на 8 губерний, Нерчинское воеводство, точно так же, как и Енисейское, в ведении которого находилась западная часть нынешнего Забайкалья, вошло в состав Сибирской губернии и поступило в непосредственную зависимость от губернатора, который проживал в Тобольске.

Таковая административная зависимость длилась до 1719 года, когда вследствие представления сибирского губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского Сибирская губерния, для удобства управления одного, подразделилась на 5 провинций¹⁶⁶: Вятскую, Соликамскую, Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. При разделении Сибири на провинции Нерчинское воеводство вошло в состав Иркутской и до назначения вице-губернаторов в Иркутск зависело от иркутских воевод. С 1719 же года в состав Иркутской провинции вошло и Селенгинское комендантство, зависевшее прежде от енисейских воевод; в разменном письме от 27 октября 1727 года¹⁶⁷, определяющем южную границу в силу Буринского трактата, — о пограничных караулах, выставляемых от селенгинских служилых людей, — сообщается «в иркутскую правительственную канцелярию, промеморьею (промемория — памятная записка, просьба, прошение. — *Примеч. ред.*) от 28 сентября

1727 года». Следовательно, Селенгинск уже составлял часть Иркутской провинции.

Таким образом, административное сгруппирование Забайкалья в его настоящем объеме состоялось со времени разделения Сибири на провинции, то есть с 1719 года, в силу указа от 29 мая.

В составе Иркутской провинции, до назначения в Селенгинск в 1727 году коменданта, Забайкалье составляло два воеводства — Нерчинское и Селенгинское — и при отсутствии воевод округами этими управляли ландраты. Каждый из ландратов, по указу от 28 января 1715 года¹⁶⁸, получал 120 руб. жалованья и 120 руб. хлебом; при каждом из ландратов «для управления всяких сборов и земских дел» был комиссар, получавший и жалованья и хлеба наполовину против ландратов.

Ландраты заменяли воевод, чинили суд и расправу до 1722 года¹⁶⁹, когда указом от 4 апреля повелено: во всех провинциях, в которых нет надворных судов, судить и всякие расправы чинить губернаторам, вице-губернаторам и воеводам, для чего в каждую провинцию назначить по асессору, «а которые города от всех провинций отстоят расстоянием на 200 верст и в тех городах учинить для суда по особому судебному комиссару, которым судить челобитчиковы дела до 50 руб. и быть тем судебным комиссарам под командою тех воевод провинций... а выше 50 рублей бить челом воеводе». А как в Сибири надворный суд был только в Тобольске, а Нерчинск отстоял от Иркутска на 989 верст, а Селенгинск на 426¹⁷⁰, то забайкальские обыватели с 1722 года по делам свыше 50 руб. судились у иркутских воевод, а затем у иркутских вице-губернаторов.

Русское поселение в крае к началу XVIII столетия было очень невелико численностью и группировалось по горо-

дам и острогам. Приняв во внимание, что наказом нерчинским воеводам от 5 января 1701 года¹⁷¹ воспрещено верстать в казачью службу, надо прийти к заключению, что количество военной силы в крае сократилось против того, что было при заключении Нерчинского договора; а как женщин было мало, то и естественный прирост населения не мог быть большим и не мог возмещать убыль. В силу изложенного, несмотря на прибытие в Нерчинск в 1700 году 960 душ поселенцев¹⁷², русского населения в крае не могло быть более того, что насчитывалось в оном вслед за Нерчинским договором, то есть около 6 или 7 душ мужских. Предположение это подтверждается до некоторой степени следующим соображением. В росписании сибирских городов, объявленном при указе от 29 мая 1719 года¹⁷³, значится в Нерчинске 781 двор податных сословий, что по расчету 4 душ на двор даст 3124, а по расчету 5,86, средней цифре на двор, для всей азиатской Сибири¹⁷⁴ — 4577; добавляя к этим числам служилый состав войска, а также привилегированные сословия всего хотя бы в количестве 2500 человек, получим: в первом случае — 5624, а во втором — 7077; считая женщин в половинном числе, найдем, что всего русского населения в крае могло быть от 8400 до 10 600 душ.

При такой малочисленности населения, край, разумеется, не мог быть самостоятельным в экономическом смысле и в действительности он имел для русского правительства значение — слабое в смысле сбора ясака и более солидное — в смысле торговой конторы. Забайкалье оказалось единственным краем на всем протяжении южной границы России, из коего правительство могло вести караванную торговлю с Китаем, развившуюся уже настолько, что пошлины с китайских товаров и продажи мягкой рухляди составляли существенный доход казне.

Посольство Избрандта способствовало установлению казенного торго, и Сибирский приказ в начале XVIII столетия отправил в Пекин несколько караванов «с соболиною казною и иною мягкою рухлядью для продажи, мены и покупки про государев обиход китайских всяких товаров»¹⁷⁵. Российские купцы, коим вверялись казенные караваны, получали из Посольского приказа проезжие грамоты и рекомендательные листы к монгольским владельцам, к кутухте и к контайше, о пропуске и о сопровождении караванов для их охраны.

Караваны эти водили:

В 1698 году — Спиридон Лянгусов, при котором было два целовальника: Иван Глухих и Кузьма Нечаевский.

В 1699 году — Григорий Боков, а с ним в товарищах: Григорий Осколков и два целовальника: Михаил Гусятников и Григорий Пивоваров.

В 1702 году — Иван Саватеев. В этом же году повелено купить для придворной аптеки лекарственных растений, мускуса, каменного масла и прочих аптекарских припасов¹⁷⁶.

В 1704 году — Григорий Осколков, а с ним в товарищах Михаил Гусятников и два целовальника: Илья Жилин и Епифан Чукичев.

Указом от 4 февраля этого года¹⁷⁷ повелено иркутскому воеводе стольнику Лариону Синявину купить 300 пудов ревеню для отсылки в Москву.

В 1706 году — Петр Худяков, а с ним в товарищах дети боярские: нерчинский — Лука Кочмарев и иркутский — Григорий Таракановский и купец Гаврило Куржомов.

В 1708 году — Иван Саватеев с товарищами.

В 1710 году — в звании комиссара над купечеством — Петр Худяков.

В 1711 году — купец Григорий Осколков¹⁷⁸.

Все перечисленные караваны ходили в Китай через Нерчински и Аргунский острог, в Наунский город (Цицикар) деревянный, который в бытность Избранда, в 1694 году, китайцы обсыпали землей, «укрепили пушками, ружьями и стрелами и поделали лавки для торгового с россиянами промысла, с запрещением однако выпускать оттуда в Россию купцов китайских»¹⁷⁹.

Но с 1705 года русские купцы стали попадать в Китай другим путем, из Селенгинска, так, по крайней мере, надлежит думать на основании изложенного в указе от 27 января 1706 года¹⁸⁰. Этим указом предписано енисейскому воеводе стольнику Глебову не пропускать в Китай торговых и всякого чина людей без грамот Сибирского приказа. А как Селенгинск до 1719 года состоял в ведении енисейских воевод, то очевидно, что приведенный указ касается торговцев, пробиравшихся в Пекин из Селенгинска. Появление этих торговцев вызвало недоразумения с китайцами, о чем ясно изложено в указе: «Многие из русских людей ходили в Китай для торгу, чем портят торг с Китаем и многую чинят ссору».

Другим фактом, подтверждающим открытие новых путей для торговли с Китаем, служит указ от 16 марта 1712 года, коим приказано Сенату исследовать донесение Устюжина Никиты Панкратьева о том, что ему известен другой путь в Китай, более короткий, чем установленный для торговых сношений, через Нерчинск. Государь повелел снестись с китайским ханом о дозволении ездить этим путем.

Несмотря, однако, на доходность казенного китайского торгова, Петр I признавал, однако, более удобным заменить его частным и выразил это вполне точно в указе от 2 марта 1711 года¹⁸¹, доклад на имя Сената перед отъездом в Прутский поход. В 8-м пункте этого указа выражено: «Торг ки-

тайский, сделав кампанию добрую, отдать». Исполняя это высочайшее повеление, Сенат в том же году¹⁸² затребовал от нерчинского воеводы сведения по следующим пунктам:

а) когда торг начался;

б) кто из купцов в котором году, с какими товарами и на какую сумму ходил в Китай до 1706 года;

в) кто из купцов посылался в Китай после 1705 года, с какими товарами, на скольких подводах в оба пути, сколько у этих купцов, за всеми расходами, осталось барыша, порознь за каждый год;

г) взять в ратуше выписку из сведений за прошлые годы, сколько именно пошлин поступало с торговых людей от китайского торга.

Переписка по этому поводу затормозила снаряжение казенных караванов в Москве, и указом от 20 августа 1711 года¹⁸³ предписано снарядить таковой сибирскому губернатору. Из этого же указа видно, что московское купечество не особенно рвалось к участию в караване, так что «для пополнения того китайского торга и подновления всякого чина людей листы на Москве по воротам прибить...» Неизвестно, был ли отправлен казенный караван из Тобольска, но по дипломатическим актам, хранящимся в Московском архиве, видно, что ближайший караван снаряжен в начале 1717 года¹⁸⁴ под начальством комиссара купца Василия Ифина «с тридцатью человеками для купеческого промысла». Ифин товаров не распродал в Пекине и через некоторый срок был выслан на границу.

Вслед за сим китайский трибунал отнесся к сибирскому губернатору князю Гагарину с предложением посылать караваны в Пекин не часто, а через несколько лет, а купечеству «для облегчения взаимной коммерции продавать свои товары в пограничных городах, имея притом письменный

вид от него, губернатора»¹⁸⁵. С этой поры завязался постоянный пограничный торг с Китаем в Урге.

Но еще до получения упомянутого листа китайского трибунала Гагариным, в 1718 году отправлен в Китай, на распоряжение иркутского воеводы Ракитина, купеческий караван под начальством комиссара Федора Истоппникова. В дополнение к этому каравану отправлен из Тобольска целовальник Петр Лобитков с указами, с небольшим числом товаров и с 5 рабочими людьми. Этот караван подвергся самому бдительному надзору со стороны китайских властей, и результат этого шпионичества составил книгу в целую десть, которая, по отъезде каравана, поднесена богдыхану¹⁸⁶. По высылке упомянутого каравана в Россию, в апреле 1719 года, китайский трибунал отписал сибирскому губернатору, что он недоволен непосредственным отношением к нему иркутского воеводы Ракитина; что хотя трибунал и принял караван, «почитая его быти с Государя товарами», — но им, китайцам, никакой нет надобности в мягкой рухляди; что купечество умышленно продает товары людям, которые не могут расплатиться, и потом жалуются, а богдыхан, «милосердуя за подлых перекупщиков, долг повелел уплатить деньгами из государевой казны... Ныне же в нашем государстве время военное, то достоин ли, за ваших российских, ради купечества сюда приезжающих всегда деньги государственные держати?» В заключение трибунал сообщает, что впредь купцов в Пекин пропускать не будет, а если кто из них хочет торговать с пограничными жителями, то пусть торгует в Селенгинске, — что же касается казенных караванов, «то великие купцы старою дорогою через город Нерчинск доходят на границах торг отправлять и прочая, сим подобная, чинить».

Изложенное доказывает, что с 1705 года, кроме казенного торга и торга московского и вообще российского купечества, производившегося через Нерчинск, — в Забайкалье открылся торг из Селенгинска при участии сибирского купечества и этот новый элемент дурно повлиял вообще на ход китайской торговли, заставив китайцев убедиться в склонности сибирского купечества к обманам. К 1711 году участие сибирского купечества в китайском торге развилось настолько, что Сенат, усмотрев нежелание российских купцов ввязываться в этот торг, предписал сибирскому губернатору снарядить караван в Сибири, а в 1718 году в Пекин выслан караван, снаряженный только в одном Иркутске, и комиссар этого каравана уже настолько был ознакомлен с особенностями китайского торга, что придумал остроумный способ выгодно продать товары, повлекший, впрочем, за собой негодование богдыхана, воспретившего торг в пределах Китая всем русским, кроме «великих купцов», то есть прибывающих из России с казенными караванами.

Склонность сибирского купечества к мошенничеству должна была расстраивать добрые отношения пограничных властей, и недоразумения по торговым делам росли с каждым годом, а с этим вместе всякий малейший посторонний повод способствовал осложнению и росту неладов и между властями и между пограничными обывателями.

К числу фактов, нарушавших мирное согласие китайцев и русских, надо отнести долгое задержание в Селенгинске китайских посланцев, отправленных к хану Аюке.

В бытность в Пекине, в 1710 году, комиссара казенного каравана Худякова прибыли туда, с разрешения Императора Петра I, с унтер-офицером Суровцевым послы от Аюка к богдыхану с просьбой отпустить домой Арабджура, двою-

родного дядю Аюка, проживавшего в Пекине со времени проезда его к Далай-ламе в 1698 году¹⁸⁷. В ответ на это посольство богдыхан выслал к Аюке своих послов, по заявлению Худякова, с целью подбить его воевать против контайши. Послы выехали из Пекина 15 июня 1712 года и, прибыв в Селенгинск, проживали в оном около 6 месяцев, в ожидании сенатского указа о пропуске. Ожидание это очень не нравилось послам, да кроме того их очень долго везли по Сибири, так что прибыли они к Аюке, в кочевье близ Царицына, 1 июля 1714 года. Аюка принял послов с должным почтением, но не изъявил согласия на войну с контайшей, действуя в этом случае по совету и настояниям казанского губернатора Петра Матвеевича Апраксина.

Неудача упомянутого посольства была неприятна китайскому трибуналу и приписана им влиянию русских властей.

Возвращаясь назад, послы взяли с собой в Тобольске архимандрита Иллариона, священника Лаврентия и дьякона Филимона с 7 причетниками и служителями для устройства русской церкви в Пекине, так как там для исправления духовных треб находился всего только один престарелый священник Димитрий, взятый в плен в Албазине в 1685 году. Послы прибыли в Пекин 20 апреля 1715 года.

В числе этих послов был некто Тулишин (Ту-Ли-Чэнь. — *Примеч. ред.*), представивший богдыхану по возвращении отчет о Сибири, в котором он указывал на слабость края вследствие редкости в оном городов, крепостей и населения¹⁸⁸.

Несколько раньше, при отпуске из Пекина в 1711 году комиссара казенного каравана Григория Осколкова, трибунал отправил с ним лист к сибирскому губернатору, в

котором заявлял, «что некто нерчинский житель Кучка, собравши сволок людей, переходил за китайскую границу, рубил лес и промышлял зверей; но быв все они пойманы от объезжих китайцев, по указу ханскому прощены и освобождены от наказания; а потому и донес бы он, князь Гагарин, о сем своему Государю».

Это доказывает, что администрация за Байкалом действовала еще слабо и в крае не замер беспокойный бродячий элемент, который породил в будущем контрабандистов, столкновения пограничных властей и вызвал недоумения между соседними державами.

ГЛАВА XIII

Посольство Измайлова в Китай. Причины неудачи этого посольства. Перебежчики монголы. Прекращение торговли с Китаем. Отправление казенного каравана. Перебежчики джунгары. Посылка в Ургу боярского сына Изумнова для разбора жалоб купцов. Учреждение пограничной комиссии для разбора недоразумений между китайскими и русскими властями. Численность населения в крае к концу царствования Петра I. Общий вывод о значении Забайкалья в первой четверти XVIII столетия.

Для улажения возникших недоразумений и для восстановления правильного и спокойного вида пограничной торговли с китайцами Петр I признал необходимым отправить к богдыхану посольство, причем в грамоте приказал прописать сперва богдыхана с титулом императора и с прибавлением слова величества вместо прежнего высочества, и грамоту эту, не выписывая своего титула, подписал собственноручно. Послом, в чине чрезвычайного посланника, указом от 30 марта 1719 года назначен Преображенского полка капитан Лев Измайлов, свиту которого составили: два секретаря — Лоренц Ланг и Иван Глазунов, переводчик, подьячий, лекарь Бель, два геометра — Валуев и Игнатьев, гвардии унтер-офицер князь Засекин с тремя солдатами и священник¹⁸⁹.

В числе других поручений на Измайлова возложено просить о пропуске караванов.

Из Иркутска Измайлов выехал 25 мая 1720 года, взяв с собой архимандрита Воскресенского монастыря Антония Платковского, назначенного в Пекин на место умершего

там в конце 1719 года архимандрита Иллариона Лежайского. Прибыв в Селенгинск 27 числа, он 4 июня отправил к монгольскому Тушету-хану унтер-офицера Засекина с письмом о своем посольстве и об устройстве ему подобающего приема. В Селенгинске Измайлов прожил 14 недель в ожидании ответа из Пекина, и затем получил разрешение на проезд только со свитой в 90 человек и без каравана, который был заготовлен под начальством Истоппникова. 16 сентября он выехал из Селенгинска и 20 прибыл на китайскую границу в Сорочины, в 50 верстах от Селенгинска; из Сорочин перешел границу 23 сентября и прибыл к Пекину в начале ноября. Вступление в Пекин совершено «с великою церемониею, при игрании на трубах, с боем литаврным и с обнаженными палашами» и состоялось 18 ноября¹⁹⁰.

В общем посольство Измайлова надо признать неудавшимся, хотя оно имело успех в некоторых делах: так, секретарь Ланг оставлен агентом в Пекине, дозволено пройти в Пекин каравану, оставленному в Селенгинске, и постановлено учинить договор о пропуске казенных караванов через несколько лет.

Между прочим, из дел этого посольства видно, что китайцы заявили, что русские де после мирных договоров построили вновь города: Амукан, Селенгинск, Удинск и Нерчинск. Надо полагать, что городом Амуканом назван Дороканск, построенный по р. Ингоде, в верхнем ее течении. Предположение это основано на том факте, что из всех местностей Забайкалья только окрестные к Дороканску поселения по верхнему течению Ингоды оканчиваются на «чан» и «кан», как, например: Шехолчан, Абуктуйскан, Шушлан, реки: Барвасан и Хилонсан, впадающие в р. Хиллок. Таких окончаний не встречается вовсе в прочих местностях Забайкалья.

Измайлов выехал из Пекина 2 марта 1722 года, забрав с собой и архимандрита Антония Татковсвого, так как вместо него назначен иеромонах Александро-Невского монастыря Иннокентий Кульчицкий с посвящением в епископа Переяславльского. Прибыв в Селенгинск 8 апреля, он выехал 13-го и прибыл в Москву 13 января 1722 года¹⁹¹.

Главным поводом к неудаче посольства Измайлова было то обстоятельство, что русские пограничные власти не возвратили в Китай перебежчиков монголов Табунуцкого рода, которые в числе более 700 человек, разбив пограничный китайский караул в конце 1720 года, бежали в Россию. Китайский трибунал очень добивался их выдачи, что видно из того обстоятельства, что кроме настояния о посылке Измайловым нарочного к иркутскому воеводе о скорейшем возвращении этих людей, трибунал посылал, для той же цели, в Селенгинск: в апреле 1721 года заргучей Чанчу с свитой в 60 человек; 9 января 1722 года к селенгинскому приказчику Никифору Турчанинову прибыл заргучей (чиновник, совмещающий судебные и административные функции. — *Примеч. ред.*) Люшембо с 34 человеками; 25 августа отправлен из Пекина заргучей Тулишин с 38 человеками; в декабре присылался заргучей Норой с 40 человеками; в сентябре 1723 года прибыли мандарины Чемфобо и Ноин, а в феврале 1724 года — мандарин Понсук. Все эти лица привозили листы трибунала, в которых высказывалось настойчивое требование возврата перебежчиков под угрозой разрыва мира¹⁹².

Упомянутое требование китайского трибунала, как не вполне основательное, не могло быть выполнено в полном объеме. По переписке выяснилось, что 727 человек из числа перебежчиков были приписаны раньше к Селенгинску и состояли в ясачном платеже Табунуцкого рода и что в чис-

ле перебежчиков, не русских подданных, оказалось только 11 мужчин и 5 женщин. По получении указанных сведений Сенат указом от 21 июля 1722 года приказал:

1-е. Тех перебежчиков, которые прибыли в русские владения после Нерчинского договора -- отправить в Китай, и впредь таковых возвращать.

2-е. Для скорейшего разбора этих дел отправить из Тобольска в Селенгинск нарочного.

3-е. Написать агенту Лангу в Пекин, чтоб он разъяснил трибуналу, что России нет надобности в пришлых людях, но возвращать тех, которые считались ее подданными — нельзя, «дабы тем мирным договором, которые с обеих сторон свято содержать надлежит, не учинить повреждения».

В силу упомянутого указа послан в Селенгинск из Тобольска «первостатейный из дворян» Степан Фефилов с тем, чтобы по исследовании дела он дал знать о результате Лангу в Пекин. Но Ланга в Пекине не было, его выслали оттуда под предлогом неустановления еще границы, а также и потому, что китайский трибунал был недоволен тем, что император Петр I принял послов от контайши джунгарского, бывшего врагом Китая. 8 мая 1722 года мандарин объявил Лангу, чтоб он готовился выехать из Пекина 12 июля вместе с караваном Федора Истопникова. Ланг с караваном прибыл в Селенгинск 26 августа и остался здесь в ожидании дальнейших распоряжений¹⁹³.

Недовольство китайского трибунала выразилось еще и в другой форме; пограничные китайские власти получили приказание не допускать на границе торговлю русских людей. Усердные исполнители поняли это запрещение широко, и «бывшие на тот случай в Урге из Селенгинска и других городов купцы — ограблены, биты и с бесчестьем выгнаны, так что не успели товаров своих продать и дол-

гов на мунгольцах собрать». Дворянину Василию Фирсову, посланному из Селенгинска в Ургу для узнания оснований произведенных насилий, объявлено, что это делается в отместку за неотдачу 700 перебежчиков из монголов; сказано также, что по той же причине не пропущен в Пекин Иннокентий, и в силу той же причины воспрещена торговля по всей границе. Содействуя видам своего начальства, многие монголы появились под Селенгинском и по реке Чикою и стали захватывать земли, ссылаясь на то, что они исполняют приказание богдыхана¹⁹⁴.

Между тем по распоряжению Сената снаряжен второй казенный караван, который 7 марта 1722 года поручен комиссару Степану Третьякову, коему придано 10 целовальников. Караван выступил из Москвы 20 июля 1723 года, 1 февраля 1724 года он прибыл в Иркутск, откуда тамошний воевода Полуехтов отправил в Пекин нарочного с письмом о пропуске каравана. Письмо это в июне доставлено гонцом обратно нераспечатанным, причем им передан словесный ответ монгольского Тушету-хана, что караван в Пекин пропускать не велено, так как дело о беглецах еще не кончено¹⁹⁵.

Таким образом, очевидно, что недоразумения с Китаем к концу царствования Петра I не только не ослабли, но достигли большего напряжения. Объясняется это тем, что вдобавок к обычным — кражам, угону скота, переходам монголов — присоединились еще новые поводы к недоразумениям: побеги в Россию пленных джунгаров. В последние годы царствования богдыхана Каисия Китай вел войну с джунгарами; в августе 1722 года, то есть за три месяца до смерти Каисия, 14 пленных джунгаров успели бежать из Китая и пробирались к контайше через Забайкалье, но около озера Байкала задержаны тунгусами и сданы в Иркутск.

Китайские власти, узнав об этом, в феврале 1723 года требовали их выдачи, но воевода Полуехтов отказал, ссылаясь на неимение на то приказания; 14 июля того же года приезжал в Селенгинск заргучей Нереке-хан с свитой в 17 человек с тем же требованием, но «ответ и на сие учинен подобный вышесказанному»¹⁹⁶.

Для разбора жалоб китайских властей на купцов «в монгольскую землю непорядочно приезжающих» — указом из Тобольска от 15 февраля 1723 года предписано иркутскому воеводе: отпуская в монгольскую землю торговых людей по 30 человек с билетами за печатью, назначать с ними «из иркутских детей боярских добрых и правдивых людей, за присягою, по одному человеку» для того, чтоб наблюдать за поведением купцов и, в случае если они будут «чинить какие обиды» и на них будут поступать жалобы, то дворяне эти должны наказывать купцов при монголах. Для сказанной цели выслан в Ургу боярский сын Никифор Игумнов, умерший в 1727 году; за его смертью пост этот более не замещался.

Чтоб покончить с вопросом о перебежчиках и с разными пограничными дрязгами, Сенат приказал¹⁹⁷ (20 января 1724 года) образовать пограничную комиссию для разбора спорных меж и дел. В комиссию эту в качестве секретарей назначены Ланг и Глазунов. Для охранения пограничных мест предписано отправить в Забайкалье подполковника Бухгольца с 1000 пеших и 1000 конных солдат.

В феврале 1727 года дворянин Фефилов окончил разбор дел о перебежчиках и сообщил агенту Лангу, что из всего числа перебежчиков, которых требуют китайцы, только 26 монголов и 58 лам тунгусских не значились русскими подданными. А как в это время прибыл в Селенгинск мандарин Понсук с требованием о возврате перебежчи-

ков, то Ланг и сообщил ему, что возврату подлежат только 84 человека. Этот оборот дела очень порадовал китайцев, и трибунал поспешил выслать двух министров для участия в пограничной комиссии; но как Ланг не имел полномочия решать пограничные дела, то министры эти, из коих один, Гунн-Олокдай, был двоюродным братом богдыхана, вскоре возвратились в Пекин, оставив у Ланга лист к Сенату, в коем перечислены вопросы, подлежащие решению, и подтверждается о желании «возобновить и более прежнего умножить» старую дружбу.

Исполняя просьбу китайских министров о недозволении российским купцам ездить в Монголию неположеными путями, к тому же без паспортов, «по большей части занимающихся пьянством и ругательствами», Ланг просит распоряжений по сему предмету от Тобольской губернской канцелярии. Просьба Ланга вызвала указ губернской канцелярии о немедленной высылке из Урги в Селенгинск всех русских купцов, проживавших в Монголии без паспортов¹⁹⁸, что и было приведено в исполнение 12 июля 1725 года. Между тем, пока шла переписка об этом предмете, в октябре 1724 года прибыла в Забайкалье партия купцов, в общем 58 человек, при 40 повозках, которая, встретив на границе сопротивление со стороны китайского караула в пропуске через оную, пыталась прорваться силой. Завязавшийся по этому поводу бой окончился, впрочем, благополучно, потому что убитых не было, но раненых оказалось много.

При такой-то неурядице на границе умер Император Петр I, не успев выслать в пограничную комиссию полномочного представителя, и дело это закончено Императрицей Екатериной I, которая, вскоре по восшествии на престол, рескриптом на имя Ланга от 3 марта 1725 года по-

велела ему отписать немедленно в Китай о кончине Императора Петра I и о своем восшествии на престол и сообщить также, что вслед за сим для «взявшего засвидетельствования взаимной между обоими государствами приязни, для разграничения земель» и для улажения всех пограничных недоразумений будет отправлен в Пекин полномочный посол. Таковым послом назначен и отправлен в силу указа от 5 июля 1725 года¹⁹⁹ граф Иллирийский, Савва Владиславич (Савва Лукич Рагузинский-Владиславич. — *Примеч. ред.*).

Пограничное пространство в Забайкалье в Петровское время не было обследовано вовсе, в подтверждение сему можно сослаться на инструкцию инспектору сибирских таможен, объявленную при указе от 24 октября 1722 года²⁰⁰. В инструкции этой с особенной заботливостью рекомендуется обследовать летние и зимние пути к таможням на китайской границе. «Особливо ему надлежит ясно описать зимнюю и летнюю дорогу, которою обыкновенно ездят в Китай и мунгалы». Из этой же инструкции усматривается, что Государя не покидала мысль о прекращении казенного торгового дела, потому что на инспектора возлагается сообразить: будет ли убыточно прекратить царский торговый оборот, и если убыточно, то каким образом пополнить убыток.

Населенность края за Байкалом была незначительна, судя по тем немногим данным, которые имеются по сему поводу. К 1709 году, как указывает Словцов на с. 315 книги I «Исторического очерка Сибири», по писцовым книгам на Нерчинское воеводство причиталось 600 дворов, что по расчету 4 душ на двор дает 2400 душ, а по расчету 5,86²⁰¹ — 3516. Добавляя к сему числу душ 2600 чел. служилого и привилегированного сословий, должны считать население Забайкалья в 1709 году в 5 или 6 тысяч душ. В 1719 году²⁰² в Нерчинском воеводстве по таблице, имеющейся в полном

собрании законов, значится 781 двор, что дает, по расчету 4 душ на двор, 3124 души, по расчету 5,86 — 4577 душ, добавляя к насчитанному числу те же 2600 душ служилого и привилегированного сословий, которые добавлены выше, получим возможную цифру населения Забайкалья от 5700 до 7000 душ. Но есть основание предположить, что эта цифра населения должна быть несколько повышена, так как Селенгинское воеводство только с 1719 года вошло в состав Иркутской провинции, а до того времени, с самого основания города, Селенгинск состоял в ведении енисейских воевод, а очень вероятно, что в обоих приведенных указаниях числа дворов Нерчинского воеводства не приняты в расчет дворы селенгинского ведомства, как значившиеся в районе Енисейского воеводства. Допустив населенность Селенгинского района равной половине Нерчинского, получим в общем численность русского населения за Байкалом от 6500 до 10 000 человек.

Но на каком бы предположении мы ни остановились, надлежит признать, что русское население в крае было еще очень невелико. Сознавая важность заселения края, Император Петр I тотчас по окончании войны со шведами, вслед за Ништадским миром, обратил внимание на заселение Даурии и указом от 10 апреля 1722 года²⁰³ повелел отправить в Даурию, на серебряные заводы, тех каторжных, которые освобождены по манифесту от смерти и определены к ссылке в дальние города; с этими каторжными приказано отправить их жен и детей. Кроме сего, сибирскому губернатору приказано набрать в Западной Сибири, из пашенных слобод, 300 семейств, которых также переселить в Даурию на пашни, со всеми членами семей.

Могли также попадать в Забайкалье бородачи, взятые не в указанном платье и не могшие уплатить штрафов; этих

лиц по указу от 28 июля 1722 года²⁰⁴ приказано ссылатъ в Рогервик. «А буде таковыя явятся в Сибири, тех в Рогервик, за дальностью, не посылать, а ссылатъ на разные тамошние заводы». Но лиц этих, разумеется, не могло быть много.

Из сделанного очерка очевидно, что в Петровское время Даурия, то есть нынешнее Забайкалье, не играла существенной роли в смысле экономическом, а была важна как пограничное место, из которого всего удобнее было вести торг с Китаем. Горнозаводское дело еще только зарождалось и вследствие недостатка в крае рабочих рук не представляло соблазнов для частных лиц и естественным путем стало исключительно казенной рентой, гораздо менее доходной, чем в Уральских горах, но подававшей надежды на лучшее будущее, что и побудило, главным образом, Петра I заботиться о поселении в крае пашенных крестьян. Район Селенгинского ведомства соблазнял только удобством кратчайшего пути в Монголию и потому привлекал поселенцев, склонных к торговому делу более, чем земледельческое население; как следствие такого положения дел здесь стали нарождаться контрабандисты и по течению р. Селенги, от Байкала до границы, устроилось несколько торговых пунктов, в небольшом, сравнительно, расстоянии один от другого.

ГЛАВА XIV (1719—1729)

Административное устройство. Комиссия по разбору спорных мест. Посольство графа Саввы Владиславича. Донесение посла с р. Буры от 31 августа 1726 года. Приезд в Пекин. Съезд послов на р. Буре и Буринский трактат. Приведение к присяге братских на верность службы Императору Петру II. Донесение посла из Селенгинска о разных пограничных делах. Строение Селенгинской крепости. Размен трактатов. Выбор мест для торговых слобод на реках Кяхте и Аргуни. Наблюдение за границей. Отъезд посла. Отправка в Пекин второго каравана. Китайское посольство к Российскому двору и к калмыкам.

По разделении, в 1719 году, Сибирской губернии на 3 провинции, во всех городах, кроме провинциальных, воевод заменили ландраты и комиссары, а с 1722 года суд возложен на судебных комиссаров. Стало быть, указанный порядок установился и в Забайкалье.

По вступлении на престол Императрицы Екатерины I, в силу указа от 15 июля 1726 года²⁰⁵, воеводы снова введены во всех тех городах, в которых они были прежде, значит, появились они в Забайкалье со всеми прежними их полномочиями, которые, впрочем, несколько урегулированы и сокращены наказом, объявленным 2 сентября 1728 года²⁰⁶. В лице воевод соединялись и административная и исполнительная власти; от них зависели присутственные места, суд и расправа производились ими хотя на основании указов, но по своему личному пониманию. Жалобы на притеснения воевод и неправильные вершения ими дел должны

были приноситься в провинциальные канцелярии, а затем в губернские. Губернаторы имели право вытребовать воевод из мест их пребывания только на две недели. Из сказанного легко усмотреть, что чем далее находился воевода от губернской и провинциальной властей, тем самостоятельнее должен был себя он чувствовать и тем тягостнее могла быть его власть для опекаемого им населения; а как в Сибири наиболее удаленными воеводствами были Якутское, Нерчинское и Камчатское, то понятно, что забайкальскому населению приходилось подвергаться очень чувствительному произволу со стороны своих воевод.

Первой заботой Императрицы Екатерины I по отношению к Забайкалью было стремление скорее окончить пограничные недоразумения с Китаем, вследствие чего она спешила организовать пограничную комиссию, и указом от 5 июля 1725 года²⁰⁷ назначила в Китай полномочного посла Савву Владиславича, графа Рагузинского. Ему даны обширные инструкции от Сената и от Коммерц-коллегии; даны деньги для поднесения подарков богдыхану; составлена внушительная свита и придано войско как веское доказательство готовности настойчиво вести дело. Свиту его составляли²⁰⁸: секретарь Иван Глазунов, переводчик Иван Крушали, дьяк Никифор Кондратьев, подьячие: Иван Соловьев и Степан Писарев; для обучения китайскому и маньчжурскому языкам: Лука Воейков и Степан Яблонцев — студенты московской Славяно-греко-латинской академии; лекарь Георг; священник, «да для чести посольства гвардии подпоручик Иван Павлов и капральство гренадер (т.е. часть гренадерской роты. — *Примеч. ред.*)». Кроме сего, для оставления в Пекине он должен был взять с собой агента Лоренца Ланга. С ним же отправлены для разграничения земель: стольник Степан Кольчев, который прибыл

в Селенгинск 8 января 1727 года, стольник Власов, умерший еще до выезда из Москвы, и секретарь Семен Кареев; из военной же коллегии приданы: кондуктор (помощник военного инженера. — *Примеч. ред.*) князь Голыгин (умер, не доехав до места) и геодезисты Михайло Зиновьев и Иван Валуев.

Для строения крепостей и охранения пограничных городов и мест отправлен полковник Бухгольц, который должен был принять в Сибирской губернии один гарнизонный полк и роту драгун. Он прибыл в Тобольск 26 января 1726 года, 15 мая отправился из города водой и прибыл в Селенгинск 18 марта 1727 года²⁰⁹, а 16 мая приступил к постройке Петропавловской крепости на стрелке при впадении р. Чикоя в Селенгу.

Савва Владиславич по прибытии в Иркутск 5 апреля 1726 года узнал, что комиссар казенного каравана Третьяков умер, и что каравану дозволено идти только в Ургу в количестве 300 телег; вручив заведование караваном целовальнику Молокову, он оставался в Иркутске, выжидая прибытия китайских послов на границу; 9 июня он узнал о том, что в российские пределы перешло до 1000 душ пленных джунгаров и что многие из монголов готовы также принять русское подданство. Ободренный этим известием, он прибыл в Селенгинск в августе и 21-го числа отправил по р. Буре к китайским министрам капитана Миклашевского с подарками, просив министров приготовить для него подводы. Свидание произошло 24 августа, и результат оно не нельзя признать вполне удачным: епископ Иннокентий и караван не пропущены в Пекин²¹⁰.

В донесении с р. Буры, от 31 августа 1726 года, объявленном при указе от 30 декабря 1726 года²¹¹, Савва Владиславич, между прочим, сообщая о Сибири, заявляет, что

страна эта изобильна и богата во всяком смысле, но чрезвычайно мало населена, «наипаче... от глупости прежних управителей и от непорядков пограничных, что от нерачения ни одного в Сибири крепкого города ниже крепости нет, что Селенгинск ни город, ни село, ни деревня, также в оном только 250 дворов и стоит на месте, как чему годном».

Вследствие упомянутого донесения, по определению Верховного тайного совета приказано: Молокову быть комиссаром каравана, вместо епископа Иннокентия Кульчицкого отправить в Пекин Антония Платковского и крепость Селенгинскую строить вновь на месте, приисканном графом Владиславичем — военными людьми.

2 сентября посол выехал с р. Буры в Пекин, где был принят с большим почетом. Для выражения вопросов, им возбужденных, богдыхан назначил в конференцию трех министров из приказов Разрядного, Посольского и Военного. Соповещения длились 7 месяцев; рассмотрено 20 проектов, составленных нашим послом, и все они забракованы. На требования китайских уполномоченных об установлении границей р. Ангары посол не мог согласиться и остался непреклонен, несмотря на угрозы и даже на лишения, которым его подвергали; ему и свите давали пить соленую воду²¹².

Прощальная аудиенция состоялась 2 апреля 1727 года, а в этот день он был обнадежен обещанием богдыхана пропустить караван, как только вырешился вопрос о границе.

Из Пекина посол выехал 23 апреля и с дороги выслал вперед секретаря Глазунова, чтоб распорядиться относительно устройства встречи ему на границе. Встреча эта состоялась на р. Буре, в 100 верстах от Селенгинска. Кроме пограничного комиссара Колычева и секретаря Глазунова

он был встречен ротой драгун, 400 братских и многими русскими служилыми людьми, всего в общем 795 человеками. Благодаря этому обстоятельству, посланник, несмотря на нежелание китайских уполномоченных, располагавших стать на русской земле, устроился лагерем на р. Буре, отправив свой багаж в Селенгинск.

Конференция собиралась 23 и 27 июня, 6 и 10 июля и 4, 6, 11 и 16 августа. Все эти совещания были очень бурны, и едва не дошло до разрыва вследствие несообразных требований одного из членов комиссии, дяди богдыхана, графа Лонготу, который, впрочем, в жалобе прочих членов, а также пограничных монголов был вытребован в Пекин, куда и отвезен под стражей 8 августа²¹³. Оставшиеся три китайских уполномоченных сделались уступчивее, и перемещение Тобольского гарнизонного полка на самую границу поспособствовало окончанию совещаний.

Буринский договор состоялся 20 августа 1727 года²¹⁴.

Для точного определения границы назначены: стольник Колычев и Дариамба Бесыга — в правую сторону, то есть к западу от места совещаний, а секретарь Глазунов с мандаринами Хубиту и Нагитаем — в левую, то есть к востоку.

Разменные письма об установлении границы состоялись относительно западной части границы — 27 октября 1727 года²¹⁵, а относительно восточной части — 12 октября того же года²¹⁶.

В разменном письме, определяющем границу Забайкалья, изложено: Запись эта составлена между секретарем посольства Иваном Глазуновым и верховными стольниками Срединной империи Хубиту и Херохован Наситаем, вследствие мирного договора, заключенного уполномоченными министрами обоих государств на р. Буре 20 авгу-

ста 1727 года. Граница определена: от Бургутейской крайней южной сопки, мимо китайских караулов: Керанского, Чиктая, Ара-Кудюры до Архадаип-Усу, по р. Чикою. Всего на этом протяжении 10 маяков. Затем от пограничного маяка на р. Чикое на Убур-Хадаин-Усу и далее до Цаган-ола поставлено 48 маяков. От Цаган-ола до р. Аргуни поставлено 5 маяков.

В каждом маяке зарыто в землю описание оного на русском и монгольском языках.

Всего на протяжении границы Забайкалья, в районе нынешнего Первого военного отдела Забайкальского казачьего войска, поставлено 18 маяков, а по границе района 2-го военного отдела приходится 45 маяков²¹⁷.

Против учрежденных маяков назначены караулы: до р. Чикоя — от бурятских родов: Цонголова, Ашехабасцкого и Табунуцкого, с добавком в 5-й маяк трех служивых из деревни на правом берегу Чикоя, населенной кузнецами.

Против маяков от среднего течения р. Чикоя до Баляджикинского маяка — караул возложен на 11 родов Хоринских бурят.

Против маяков от Баляджикинского до стоящего на р. Гирбили — караул возложен на тунгусов Сардульского рода.

Далее при пяти маяках содержать караул должны были тунгусы Сортельского рода.

Караул на 30-й маяк назначен от Цамцагинского рода тунгусов.

На следующие пять маяков должны были выставлять караул тунгусы Почегатского рода.

Затем наблюдение за пятью маяками возложено на тунгусов Ульзукского рода.

На последующие пять маяков караул выставлялся от Огунова рода.

Караулы к маякам в степи назначены от Балакагорского, Уляцкого, Номяцкого, Челигирского, Долоцкого и Кокурского родов тунгусов; последние роды должны были наблюдать р. Аргунь вниз по течению до перевоза против сопки Хаулесту; тут же учрежден караул от нерчинских служилых людей с пятидесятником Мыльниковым в том месте, которое назначено для пограничного купечества.

Вслед за подписанием Буринского трактата Савва Владиславич отправился ко вновь построенной на стрелке Чикоя Петропавловской крепости, где стоял казенный караван, и, осмотрев, отпустил оный в Пекин с агентом Лангом и комиссаром Молоковым, отправив с ними трех учеников: Воейкова, Пухорта и Третьякова.

На следующий день по отправке каравана Савва Владиславич получил от иркутского коменданта Измайлова уведомление о вступлении на престол Императора Петра II и стал приводить «к присяге верности Его Величеству тамошних разных народов и своей свиты», на что употребил целый месяц²¹⁸.

По окончании привода населения к присяге Савва Владиславич доносил из Селенгинска 23 сентября и 6 октября о разных пограничных делах. а) Относительно коммерции — признавал необходимым воспретить частным лицам торговлю мягкой рухлядью, с тем, чтобы поднять этим путем ценность оной, а следовательно, и прибыль казенной торговли. Для возможности ведения постоянного торга с Китаем на границе признавал необходимым построение торговых слобод: на р. Кяхте и в Нерчинском уезде. б) Относительно посылки в Китай архимандрита Антония Платковского писал, что дозволил ему остаться временно в Иркутске, чтоб оправдаться в взводимом на него обвинении растраты монастырского имущества на сумму в

300 руб. в) О печатях — Владиславич признавал необходимым иметь в Селенгинске и Нерчинске небольшие печати с российским государственным гербом. г) Относительно братских — писал, что в бытность в Нерчинске посла Головина их было очень-очень мало, «а ныне умножаются, служат верою России, не уступая природным россиянам; своим оружием и кочеванием границу распространили... прикрытием границ и разъездами служили без жалованья с добрым сердцем и учтивостью... представлял, что в Селенгинском и Нерчинском уездах братских иноземцев тунгусов и прочих имеется 18 родов, а во всех тех родах один тайша, то есть князец, еще от Головина определенный, именем Лужак... который, за размножением братских ими владеть не может и просил назначить еще двух тайшей»²¹⁹. д) Относительно строения Селенгинской крепости писал, что лучшего места против им выбранного и найти нельзя, и признавал необходимым по окончании оной начать постройку Нерчинской крепости.

Вследствие упомянутых представлений состоялись указы: от 30 декабря 1726 года²²⁰ — о торге с Китаем всякими товарами, кроме мягкой рухляди. Из этого указа видно, что пошлин на границе не собирается и 20 т. р. Указом от 29 марта 1728 года²²¹ повелено: для проезда в Китай выдавать паспорта за особой печатью. Печати приказано сделать небольшие и хранить одну в Селенгинске, другую — в Нерчинске; на печатях должен быть герб Российской империи и с надписью вокруг для Селенгинской — «Его Императорского Величества печать Иркутской провинции», а для Нерчинской — «Его Императорского Величества печать Нерчинской провинции». Указом от 29 же марта того же года²²² приказано выдать знамена 18 родам братских Селенгинского и Нерчинского доброхотов «за их прилеж-

ность», проявившуюся при установлении границы. Для строения Селенгинской крепости на новом месте был прислан из Петербурга гвардии бомбардир поручик Абрам Петров Ганнибал²²³, который приехал в Селенгинск 15 января 1728 года и, увидев неудобство избранного места, не только не приступил к строению крепости, но отказался даже составить чертеж, ссылаясь на неимение инструментов, и уехал назад. В силу указа от 17 июля 1728 года²²⁴, в коем изложено: «посланного поручика Аврама Петрова для строения на китайской границе по чертежу крепости, ежели он в Тобольск прибудет, то послать по-прежнему в то место, где он был, и велеть ему по прежде определенному чертежу крепость строить»; он был возвращен в Селенгинск и так как выполнить поручения не хотел, то по указу от 22 декабря 1729 года взят под стражу и отправлен в Томск. На смену Петрова назначен инженер прапорщик Бабарыкин, который за разные продерзости в 1731 году попал под военный суд, и крепость осталась недостроенной²²⁵.

Между тем утверждение договора богдыханом замедлилось, и одобренный им трактат был прислан в Кяхту только в июне 1728 года, и обмен трактатов произведен на границе 15 июня.

Для обмена трактатами Савва Владиславич со свитой и войсками прибыл за р. Кяхту 12 июня и тогда же согласился с китайскими уполномоченными о совершении обмена на 14-е число в русском лагере. Обмен происходил следующим образом. Вставшим со своих мест трем китайским министрам посланник, стоя, вручил трактат на русском и латинском языках, передавая оный старшему из них Цыреп-Ввау, а сей последний в то же время вручил посланнику трактаты на маньчжурском, латинском и русском языках, присланные из Пекина за ханскою печатью и

министерскою прописью. Потом они кланялись друг другу и, обнимаясь, говорили: «Даруй, Боже, обоим Императорам здравие и благополучие, подданным радость и вечный мир». Слова эти повторялись всеми присутствующими начальниками и офицерами обеих сторон. Затем шло потчеванье вином и обеды²²⁶.

Генеральный трактат между Россией и Китаем объявлен 14 июля 1728 года²²⁷. В силу этого трактата граница установлена, как выше указано; введена свободная торговля, с допуском в Китай одного каравана в три года раз, в составе не свыше 200 купцов; положено учредить на границе два торговых пункта: в Нинкове (Нерчинске) и на Кяхте. Учреждено консульство в Пекине; там же договорено построить русскую церковь и при ней открыть школу для 4-х учеников китайского и маньчжурского языков. Для беспрепятственного проезда в Китай утверждены паспорта за печатью Сената или тобольского губернатора. Утверждены правила о выдаче перебежчиков, о наказании людей в чужой стороне за провинности и определены правила относительно пропуска послов.

На другой день после размена трактатов Савва Владиславич и китайские уполномоченные условились относительно выбора места для постройки кяхтинской торговой слободы; условились относительно порядка осмотра пограничных маяков и определили: русских купцов, находящихся в городах Урге и Науме, перевести в Кяхту и Цурухайту.

Выбор места для торговой слободы в Нерчинском округе был возложен на комиссара нерчинских серебряных заводов Бурцова и мандарина Хубиту. В указе от 17 мая 1728 года²²⁸ о выборе этого пункта изложено так: «Российской Империи Аргунских серебряных заводов комиссар

Тимофей Бурцев, да толмач Алексей Третьяков и Срединного государства главного чина стольник Хубиту. Российской Империи тайного советника и кавалера и чрезвычайного посланника и полномочного министра Иллирийского графа Саввы Владиславича. Срединного государства хана и министров, с согласия их положенного приказа: обеих империй купецким людям быть для купечества месту, обще усмотрели Гана реки и Аргуни реки в стрелке на полуденной стороне Куку дабы назначили место Срединного государства купецким людям строиться, положили и установили: у Аргуни реки на правом берегу на Цурухайтуйском на нижнем мысу положено место Российской Империи купецким людям строиться, положили и установили; и для того сие уверительное письмо дали за своими руками».

Выбрав место для постройки Кяхтинской слободы, китайские министры 18 июля выехали в Ургу, а Савва Владиславич еще остался на р. Кяхте для осмотра работ в Новотроицкой крепости, заложенной в Троицын день 1727 года на месте прежде бывшего Барсуковского зимовья, в которой он, уступая просьбе пограничных жителей, основал деревянную церковь во имя Св. Троицы с приделом св. Саввы Сербского; в эту церковь он передал всю утварь походной своей церкви и назначил священника с причетниками из посольского монастыря, а 29 января 1729 года, по возвращении в Москву, выслал в помянутую церковь 5 колоколов²²⁹.

В 4-х верстах от Новотроицкой крепости (ныне Троицкосавск), на самой границе, на Кяхте же, он заложил торговую слободу, возложив построение оной на 350 солдат Тобольского гарнизонного полка. И для разбора мелких ссор между пограничными купцами назначил капитана Княшинкина с дворянином Алексеем Третьяковым, про-

дав ему капральство солдат. Для построения Цурухайтуевской слободы назначил капитана Шнадера и с ним капральство солдат.

Наблюдение за границей возложил: к востоку от Кяхты — на селенгинского дворянина Григория Фирсова, а к западу — на иркутского боярского сына Анисима Михеева. Общее же заведование всеми пограничными делами поручено полковнику Ивану Дмитриевичу Бухгольцу. О всех этих распоряжениях он сообщил пограничным китайским властям.

Засим 20 июня Савва Владиславич прибыл в Селенгинск, где успел посодействовать составлению ландкарты пограничной местности, и, раздав 20 бурятским родам знамена, тем укрепил их верность в службе государю; 3 июля он отбыл в Иркутск, куда прибыв 14-го, отправил оттуда в Пекин Антония Платковского с священником Иваном Филимоновым и иеродиаконном Иосафом и с ними, вдобавок к отправленным, еще 3 учеников: Шульгина, Пономарева и Россохина.

Тем временем казенный караван, отправленный в Пекин с агентом Лангом и комиссаром Молоковым, вел свои дела крайне неудачно. 750 человек китайской стражи, расставленной вокруг торгового российского двора под предлогом охраны, отводили солидных покупателей, и ко двору стали являться только бедняки, а власти неотступно требовали скорейшего выезда купцов из Пекина. Видя невозможность продать товары своей ценой, Ланг, по совету с купцами, решил выехать с непроданными товарами 1 августа, о чем и сообщил в монгольский приказ. Известие это очень порадовало китайцев, и 7 июля Ланг был потребован на прощальную аудиенцию к богдыхану и 4 октября 1728 года прибыл во вновь построенную на

р. Чикое Петропавловскую крепостцу, где оставил караван, а сам отправился в Селенгинск ожидать дальнейших приказаний²³⁰.

Торговля с Китаем замерла, хотя указом от 26 июня 1727 года²³¹ дозволена в Сибири свободная торговля мехами, с запрещением только вывоза их в Китай; всеми же прочими товарами торговля дозволена. Указом от 4 августа того же года²³² по приказанию Сената затребованы в Коммерц-коллегию копии со всех наказов и инструкций, касающихся ведения торговых дел сверх Торгового устава, а также сведений о пограничных заставах, «а в Сибири в городах, лежащих ко владениям контайши и мунгольским и китайским, даже до Нерчинска и Аргуни». Кроме сего затребовано мнение магистратов о средствах к сокращению тайного провоза товаров.

В 1729 году Бухгольц доносил в Коллегию иностранных дел, что торг с китайцами на Кяхте, в Троицкой слободе, уже открыт, «а в Цурухайтуйской слободе, для трудной и дальней поставки лесу, почти еще не начато строение, кроме поставленных 7 изб; ибо китайцы за неспособностью места, не токмо не помышляют там строиться, но и не желают производить купечество».

С возвращения из Пекина казенного каравана на строение пограничных селенгинских монголов круто изменилось — вместо прежней дружбы они стали проявлять враждебные чувства и начали сильно обижать пограничное население, русских и братских людей, угоня скот и звероловствуя в русских владениях. Представления полковника Бухгольца о прекращении этих беспорядков оставались без внимания. Но официальные отношения между обеими державами были хороши, и китайский богдыхан вознамерился поздравить Императора Петра II с восшествием на

престол; с предварительным извещением об этом был прислан в Селенгинск в 1729 году заргучей Соном, который передал Бухгольцу лист от китайского трибунала к российскому Сенату; в листе этом трибунал уведомлял о получении печатей, высланных Саввою Владиславичем; об отправлении посольства к российскому Двору и к торгоутским калмыкам и о мирном производстве торговли на Кяхте²³³.

Ответ Сената на этот лист последовал от 23 октября этого же года, в котором сообщалось трибуналу, что посольство будет принято по получении сведения о численности свиты оного. 31-го числа того же месяца назначен к отправлению в Селенгинск для встречи посольства титулярный советник Глазунов с приказанием проводить послов с подобающей честью и пушечной пальбой в городах: Селенгинске, Иркутске и Тобольске и по прибытии в сей последний город задержать посольство к калмыкам.

Хотя Глазунов и спешил, но китайским послам пришлось долго ожидать его в Кяхте, куда они прибыли 11 августа; ожидание их так тяготило, что они собирались уже ехать обратно в Пекин, когда получено известие о выезде пристава, назначенного для их сопровождения. 7 февраля 1730 года они были приняты в Селенгинске с большой почестью, при 10 пушечных выстрелах. 3 марта прибыл в Селенгинск Глазунов, выехавший из Москвы 16 декабря. Из Селенгинска посольство это отправилось 31 мая водой на 6 дощаниках и прибыло в Москву в январе 1731 года. Во время переезда послов по р. Селенге они узнали частно о смерти Императора и передали Глазунову, что если он не сообщит им об этом официально, то они могут продолжать путь; а как Глазунов получил приказание скрыть от послов о смерти Петра II, то он, разумеется, был рад такой развязке, и посольство продолжало свое путешествие.

ГЛАВА XV (1730—1740)

Китайское посольство с поздравлением о восшествии на престол Анны Иоанновны. Непринятие трибуналом грамот от Коллегии иностранных дел. Перекочевка монголов в Забайкалье и высылка их обратно в Монголию. Комиссия для разбора жалоб по угону скота на границе. Отправка 2-го казенного каравана в Пекин. Неудобства слободы Шурухайту. Отправка 3-го казенного каравана. Торговое значение Кяхты. Назначение в Иркутскую провинцию вице-губернаторов. Злоупотребления иркутских вице-губернаторов по отношению к Забайкалью.

Для уведомления трибунала о смерти Петра II и о принятии самодержавия Императрицей Анной Иоанновной отправлен курьер солдат Афанасий Соловьев и толмач Семен Кряжев²³⁴, коим вручены две грамоты, подписанные 14 августа 1731 года; в одной сообщалось о смерти Государя 18 января и о совершившейся перемене, а в другой представлялось о нарушении договора преждевременной высылкой каравана из Пекина. Соловьев прибыл в Кяхту 27 ноября, а 24 декабря был уже в Пекине. Ответную грамоту китайского трибунала он привез в Селенгинск 21 февраля 1731 года, а в Москву доставил ее 17 июня. По сообщении о восшествии на престол Анны Иоанновны трибунал уведомлял, что в скором времени будет отправлено посольство для принесения поздравления Ее Величеству, а относительно каравана оправдывал себя тем, что мягкая рухлядь была плоха и ожидать, что найдутся покупщики на оную, было бы излишне.

Посольство для поздравления Императрицы с восшествием на престол, из двух особ, секретаря и 20 человек свиты прибыло в Селенгинск 21 апреля 1731 года²³⁵ и ожидало пристава Бакунина, назначенного для сопровождения оногo; вследствие этого обстоятельства оно прибыло в Иркутск только 8 октября.

Вслед за сим к полковнику Бухгольцу присланы от уругинских владельцев пять листов от трибунала к Сенату и просьба о пропуске посольства к калмыкам. Листы эти получены в Петербурге 4 января 1732 года. В первом из них упомянуто о высылке подарков на 100 т. лан (130 т. руб.) в награду трудившимся о принятии и сопровождении первого посольства; подарки эти действительно прибыли на Кяхту 2 октября 1731 года, где и оставались до получения Бухгольцем приказаania принять их и отправить в Москву. 15 июля 1732 года они доставлены в Селенгинск, откуда препровождены в Иркутск, и прибыли в Москву на 116 подводх 12 февраля 1733 года. Все эти подарки розданы: Бирону, Левенвольду, Остерману, Ягужинскому и Черкасскому; остатки подарены в Коллегию иностранных дел²³⁶.

Посольство к Императорскому двору, вследствие указаний, данных иркутскому вице-губернатору Жолобову, было отправлено из Иркутска с почетом в сопровождении полковника Сухарева и секретаря Бакунина и прибыло в Петербург 27 апреля 1732 года²³⁷; посольство же к калмыкам задержано в Селенгинске, причем Жолобов отписал в трибунал, что он не может пропустить послов к калмыкам, которые состоят в подданстве Ее Величеству, и что если трибуналу угодно добиться разрешения, то пусть спишется с Сенатом. Задержка эта очень огорчила китайское прави-

тельство и вызвала жалобу трибунала в Сенат на действия Жолобова.

Поздравительное посольство на возвратном пути прибыло в Селенгинск 20 января 1733 года, вынеся очень приятное впечатление о своем путешествии, но с этого времени сношения трибунала стали обостряться. Трибунал не принял грамоты, написанной от Коллегии иностранных дел, а не от Сената, и возвратил таковую, заявив, что если впредь это случится, то грамоту не примут даже на границе. Затем трибунал был недоволен отказом в пропуске посольства к калмыкам, о чем ему сообщено в грамоте Сената от 31 декабря 1732 года, доставленной в Пекин курьером Петровым в 1733 году, а третьим поводом были перебежчики монголы.

С 1729 года у китайцев завязалась война с джунгарами, владетель которых, Галдан Герен, действовал очень удачно и разбил китайские войска, чем принудил их искать спасения по крепостям и выгнал из своих владений. Неудача китайских войск тяжело отразилась на монголах, с которых войска выжимали всякие поборы, а это побудило их искать спасения в уходе на русскую землю. Из донесений Бухгольца в Коллегию иностранных дел в 1730 году²³⁸ видно, что через Цурухайтуйский пост 2 февраля пришло с китайской стороны 5 юрт, пожелавших принять русское подданство и платить ясак; 15 марта с Онона прикочевало 150 юрт, объявивших, что они прежде были в русском подданстве; потом перешло еще 100 юрт; наконец, в первых числах июля и 28 июля прибыло еще множество монголов. Всего в течение года перешло 2132 юрты, в коих годных к военному делу 2261 челов.; при них 5210 верблюдов, 68 465 лошадей, 14 962 штук рогатого скота и 131 610 голов баранов и овец. Все эти пришельцы, согласно договору, были воз-

вращены в Монголию; в 1730 году отправлено 1443 юрты, а остальные переселены позже. Иркутский вице-губернатор Жолобов от 16 октября 1731 года²³⁹ донес, что если бы не выселять монголов обратно, то по сие время перешло бы их уже 10 т. человек; заявлял также, что если кантайша потеснит китайцев, то к нам перейдет такая масса монголов, что удержать их не будет возможности, так как на границе регулярного войска только один пехотный полк и одна драгунская рота, «военных же тунгусов и братских мужиков, которые хотя и верно служат», — всего будет около 5 т. человек. От 30 мая 1732 года²⁴⁰ он же доносил, что в апреле из Монголии ворвались в пределы России более 1500 юрт вооруженных монголов с женами, детьми и скотом, и расположились улусами на р. Альтане, Агуце, Кыре, Борзе и Онону, и что он не имеет средств их прогнать и считает даже опасным употребить против них вооруженную силу.

Из числа 2132 юрт монголов, перешедших в Забайкалье в 1730 году, 1443 юрты были возвращены в том же году, а остальные 680 прогнаны в Монголию в 1731 году; но монголы не переставали перекочевывать к нам, и хотя их выселяли усердно, все же таки в 1733 году пришлось выселить за границу еще 754 юрты²⁴¹. В 1734 году в Нерчинский уезд под предводительством двух монгольских тайшей перешло 235 юрт, в коих оказалось пригодных для военного дела 2150 челов. Для выселения этих монголов отправлен из Селенгинска комиссар Григорий Фирсов, которому было приказано употребить в случае нужды вооруженную силу. Перебежчики заявили, что они обратно не пойдут, хотя бы их казнили смертью; это обстоятельство побудило селенгинского коменданта Бухгольца приказать Фирсову собрать до 3 т. челов. вооруженных людей. Всего же в это время насчитывалось в Забайкалье войска²⁴²:

в Якутском полку, стоявшем в Нерчинске
и Селенгинске .....639 чел.
нерегулярных войск:
дворян и детей боярских и служилых .....882 чел.
ясачных питомцев .....4803 чел.

Итого 6324 чел.

Примечание: Тобольский гарнизонный полк, стоявший в Забайкалье, указом от 6 ноября 1727 года²⁴³ переименован в Якутский.

Фирсов собрал 1700 человек, имея при них артиллерию, и пригласил князей Алексея и Галдымбу Гантимуровых, которые привели 550 ясачных тунгусов. С этими силами он легко принудил перебежчиков удалиться за границу, но вследствие бездействия монгольских властей часть этих перебежчиков, а именно 540 юрт, снова пробрались в Россию 11 и 18 октября, а во вторичном изгнании они вновь перебрались в Забайкалье в числе 227 юрт и осели в Ононских вершинах, откуда их нельзя было выбить.

В 1733 году стали переходить на русскую сторону монголы и в Селенгинском воеводстве и селиться вверх по рр. Джиде и Чикою; их с трудом удалось возвратить обратно при участии вооруженной силы, выставленной братскими.

Когда в Коллегию иностранных дел дошло сведение об этом стремлении монголов селиться в Забайкалье, то она 5 мая 1735 года²⁴⁴ послала приказание тобольскому губернатору — перебежчиков отправить за границу; в Нерчинск и Селенгинск командировать дельного офицера как для высылки перебежчиков, так и для разбора жалоб за угон скота, причем справедливые удовлетворить. В силу этого распоряжения в Забайкалье отправлен капитан Порецкий.

В 1735 и 1736 годах Порецкий выдал китайским властям 341 юрту монгольских перебежчиков, в числе 1680 человек обоих полов, с 343 верблюдами, 2033 лошадьми, 638 штуками рогатого скота и 3037 баранами, а по разбору 190 жалоб китайских властей признал справедливым 40, которые и удовлетворил, возвратив китайцам 2127 штук всякого скота; из числа жалоб, предъявленных русскими властями, китайцы дали удовлетворение только на 37, возвратив разного скота 3665 штук и оставив без удовлетворения 149 жалоб²⁴⁵.

В 1739 году, по смерти капитана Порецкого, на его место назначен секунд-майор якутского полка Налабардин, а затем, вслед за его смертью, того же полка капитан Греченинов, который и закончил эту комиссию 2 ноября 1743 года, составив постановление, что заседания комиссии бесполезны, так как китайские власти не желают удовлетворять претензий русских людей, и из 57 пунктов решено только 15 за три месяца.

Между тем 2-й казенный караван, высланный из Пекина, стоял в Петропавловской крепостце в ожидании распоряжений. Для узнания о состоянии каравана агента Ланга вытребовали из Селенгинска в Петербург с книгами по приходу и расходу товаров, куда он выехал 23 октября 1729 года, а указом от 17 июля 1730 года²⁴⁶ повелено отправить в Пекин караван с товаром на сумму в 100 т. рублей, предоставив выбор товаров агенту Лангу и комиссару Молокову; да на покупку золота приказано отправить с караваном 50 пудов серебра, зачтя их в общую на караван сумму.

Засим 3 января 1731 года²⁴⁷ состоялся сенатский указ о правилах, которые надлежит соблюдать при китайском казенном караване.

С уведомлением об отправке каравана послан курьер сержант Соловьев, который, обогнав караван, прибыл в Пекин 13 февраля 1732 года. С этим курьером от трибунала на имя Сената даны три листа, а также уведомление о том, что каравану дозволено возвратиться в Россию через Сифункау, через монгольские станицы Потуны (вероятно, бедунэ) и Чисигары (вероятно, Цицикар) в Нинков (Нерчинск). Соловьев проследовал через Кяхту 21 мая²⁴⁸.

Караван этот пробыл в Пекине 5 месяцев и 17 дней; торговал не вполне удачно и, выехав из Пекина 8 сентября 1732 года, прибыл в Цурухайту 27 апреля 1733 года. По прибытии в названный пункт Ланг был вынужден сложить товары в поле открыто, потому что слобода не была отстроена, имелось всего только 4 рыбачьих шалаша. Из донесения Ланга видно, что Цурухайту стоит на месте совершенно открытом, безлесном и отстоит от Нерчинска на 300 верст, от Аргунского острога — на 140 и что ближайшие деревни находятся: по нерчинской дороге в 200 верстах, а по аргунской в 100 и что «на содержание человеческой жизни, кроме воды и воздуха, ничего там получить невозможно».

Ланг также доносил, что китайцы жалуются на грабежи тунгусов, отнимающих у них скотину, и что пограничный капитан (Шкадер) не хочет разбирать их жалоб, не взыскивает по ним и до сего времени им не возвращено, с 1729 года, 35 верблюдов, 1879 лошадей и 173 штуки рогатого скота.

Третий казенный караван снаряжен в 1739 году и отправлен в Пекин под начальством Ланга. Караван этот, в начале октября 1735 года, прибыл на Чикойскую стрелку и расположился в Петропавловской крепостце, куда 1 декабря приехал заргучей Идам, назначенный для сопровождения каравана. Вследствие неудобства двигаться в хо-

лодное время решено было выступить весной, и караван тронулся в путь 15 мая 1736 года, к началу июля дошел до Цурухайтуевского поста и, перейдя границу 9 июля, 24 числа того же месяца прибыл в Хайларь, где, задержанный дождями, оставался до 11 августа и только 10 ноября вступил в Пекин. Дела каравана в Пекине шли плохо вследствие разных притеснений от китайских властей и жалобы на оные оставались без удовлетворения. Караван выступил из Пекина обратно 9 мая 1737 года и 23 августа пришел в Кяхту²⁴⁹.

Из Селенгинска Ланг донес в Коллегию иностранных дел, что в Кяхте, как прежде, так и теперь, купечество довольно и товаров навезено ими много, но торгу нет, потому что китайских торговцев очень мало, да и те без товаров, «вследствие сего и в торговле застой и запускается недоимка в таможенном сборе».

К этой поре торговое значение Кяхты пересилило значение Нерчинска, чему немало способствовало заведение постоянного торгового пункта на Кяхте ревенем, привозившимся из Монголии. В силу указа от 8 апреля 1731 года²⁵⁰ торговля ревенем сделана правительственной монополией и всем частным лицам, имевшим ремень, приказано продать таковой в казну по существующей цене. Октябрьским указом 1734 года²⁵¹ повелено заготавливать на границе ежегодно копытчатого ревеня до 1000 пуд. и высылать таковой в Сибирский приказ.

Как только ремень сделался казенной монополией, началась контрабандная торговля оным и указами 15 и 22 июня 1735 года²⁵² подтверждено о невывозе оного из Сибири под страхом конфискации всего имущества.

Засим, когда при отправке ревеня за море, через посредство купцов Шифнера и Вульфа, оказалось в оном

много негодного для аптек, состоялся указ от 16 сентября 1736 года²⁵³, коим повелено: подыскать купца, торговавшего ревенем, и командировать его в Иркутск для закупки и сортировки ревеня; выстроить в Иркутске амбары для хранения оногo; лучший из заготовленного ревеня, в количестве 800 пудов, высылать в Москву, а дурной сжигать.

11 ноября того же года²⁵⁴ для бракования ревеня назначен аптекарь с жалованьем в 500 руб. (очень большим для того времени), а 28 ноября²⁵⁵ объявлена инструкция для хранения, бракования и отправки ревеня в Москву.

В феврале 1737 года отправлен в Кяхту для покупки ревеня в качестве караванного комиссара купец Свиньин и с ним, в звании канцеляриста, Ошурков из Устюга²⁵⁶. Купец этот повел дело успешно, потому что к июлю месяцу выменял ревеня в Кяхте на товары в количестве 1091 пуда 29 фунтов²⁵⁷ и получил приказание стараться побудить иноземцев заключить контракт.

В январе же 1738 года²⁵⁸ разъяснено Сибирскому приказу, что до установления на твердых основаниях вымена ревеня на товары, дозволить купцу Свиньину выменивать оные и на мягкую рухлядь; относительно же дальнейшего промысла приказано составить соображение, снесясь предварительно с советником Лангом, и представить на Высочайшее утверждение. Подобная уступка Свиньину объясняется тем, что в 1738 году²⁵⁹ на него было возложено заключить контракт с бухарцем Мурат-Багиманом, поставившим ремень, о секретном провозе золота в количестве 10—20 пудов на деньги или на товары; золото должно было поставляться по цене 1 р. 80 к. за золотник, по весу, оказавшемуся в слитках; сливать же должны были мастера, высылаемые из Москвы, для отвоза этого золота на денежный двор.

Хотя при разделении Сибирской губернии на провинции в 1719 году было постановлено иметь в провинциях вице-губернаторов, но, вероятно, за трудностью выбора лиц на эти места их заменяли воеводы, зависевшие от тобольского вице-губернатора, как на это наводит указ от 8 ноября 1729 года²⁶⁰, данный от Коллегии иностранных дел сибирскому вице-губернатору Болтину, в коем коллегия требует, чтоб он подтвердил иркутскому воеводе Измайлову соблюдать трактаты в пограничных городах. Такой порядок дел с развитием пограничной торговли и вообще при развитии дипломатических сношений между Россией и Китаем оказался неудобным, и 31 января 1731 года Сенат представил Государыне доклад такого содержания: «Понеже Иркутская провинция пограничная, и как для управления тамошних дел и сборов, так и для содержания учиненного с китайским двором трактата границ и порядочной корреспонденции вице-губернатору быть нужно. Того ради в Сенате определен в ту провинцию вице-губернатором статский советник Алексей Жолобов»²⁶¹.

14 декабря 1731 года на место Жолобова, уличенного во взятках, назначен бригадир Арсеньев, но как он оказался дряхлым, то в марте 1732 года отправлен Кирило Сытин, который прибыл в Иркутск 5 января 1733 года, где расхворался и умер, возложив исполнение обязанностей на полковника Бухгольца. Бухголец же, не имея сенатского приказания, не решился ехать, чем воспользовался Жолобов и, составив себе партию в среде купечества, успел выхлопотать дозволение исполнять обязанность вице-губернатора, каковую и выполнял до ареста его бригадиром Сухаревым в 1734 году²⁶².

Затем, в именном указе от 28 января 1736 года²⁶³ выражено: «Понеже Сибирская губерния весьма обширна и одно-

му губернатору за дальним расстоянием городов и слобод в правлении великая неспособность, то для лучшего в делах исправления оную губернию разделить на двое, а в Тобольск, на место тайного советника Плещеева, определить губернатором бригадира Бутурлина; а в Иркутской провинции на место полковника Андрея Плещеева, который, быв изобличен во взятках, находится под следствием, быть вице-губернатором статскому советнику Алексею Бибикову и быть ему в особой команде сибирского приказа, а от ведения тобольского губернатора отрешить». В помощь Бибикову придан товарищ (заместитель. — *Примеч. ред.*).

Указанное изменение в административной подчиненности Забайкальских воеводств никакой существенной пользы Забайкалью, на первое время, не принесло и, пожалуй, даже ухудшило положение населения. Иркутские воеводы, сознавая свое зависимое положение от сибирского губернатора, брали взятки с опасением; иркутские же вице-губернаторы стали брать взятки с сознанием своей безнаказанности. В указе от 8 ноября 1729 года²⁶⁴ Иностранная коллегия предложила сибирскому вице-губернатору Болтину подтвердить иркутскому воеводе, лейб-гвардии капитан-поручику Измайлову, чтоб «в пограничных городах с китайскою стороною» поступать во всем по силе трактатов — чтоб земские комиссары и пограничные коменданты иноземцев не притесняли, не грабили и разорения не чинили, «чтоб инако тех земцев не озлобить и за границу не отогнать». В городские суды приказано направлять инородцев только в криминальных делах, а по всем прочим предоставить им вестись по своему обычаю, по родам. Приказать также Измайлову непременно уплачивать жалованье толмачам и пограничным дозорщикам, которое им положено Саввой Владиславичем. Очевидно, что злоупотребления со

стороны воевод были (например, невыдача жалованья служащим), но они вызывали только внушения, — назначение же самостоятельных вице-губернаторов вызвало к жизни злоупотребления, потребовавшие назначения следствий и даже казни.

Из указа от 9 июля 1736 года²⁶⁵, в коем изложены вины иркутского вице-губернатора Жолобова и объявлено о предании его смертной казни, видно, что Забайкалье играло существенную роль в доставлении ему возможности брать взятки и проявлять свой произвол. Так, первым пунктом указано, что: «с нерчинских обывателей, казака Максима Белокопытова и посадского Алексея Судейкина, обвинявшихся в важном преступлении, взяв с обоих 792 р., косяк бархату, 27 тюкей китайки, да парчу соломенку, и за это решив дело своим судом, подверг их только легкому взысканию и освободил. От этих же лиц пользовался и бывший при Жолобове протоколист Матвей Подрезов. Далее — многие товары привозил к себе тайно и отпускал их в Москву, запечатывая установленной для казенных товаров печатью. С китайских перебежчиков взял не малое число верблюдов и лошадей, которых променял на товары в сумме на 4603 р. и перебежчиков, вопреки договоров, не передал китайским властям. С нерчинского комиссара Лоншакова, не уплатившего в казну пошлин с товаров, а также и с других лиц, виновных в этом, брал взятки и освобождал от преследования. Описанное в казну имущество сборщика Шестакова, в сумме на 605 рублей, обвиненного в вымогательстве, — возвратил ему за взятку. Забирал тунгусских зайсанов и шуленг в Нерчинск, отбирал от них указы, выданные им в нерчинской канцелярии и, взяв с них взятки, давал указы от себя; брал также взятки с тунгусских шаманов, которых пытал».

Из сделанного перечня явствует, что иркутский вице-губернатор, почувствовав себя самостоятельным, от простых видов взяточничества (задержка в выдаче жалованья служащим) шагнул сразу к вымогательствам, самоуправству и пыткам.

Подтверждением тому, что иркутский вице-губернатор сильно рассчитывал на безнаказанность по своему званию, служит пример вице-губернатора Андрея Плещеева, который, сменив Жолобова, устраненного за взятки и содержавшегося под судом, пошел по его стопам и через год с небольшим устранен за взятки же.

Что в Сибири вообще воеводы назначались неразборчиво, доказывает указ от 12 января 1739 года, в коем изложено: «Известно нам учинилось, что во многих городах Сибирской губернии определены воеводами из тамошних обывателей, а именно: из купечества, и казаков и прочих тому подобных, которые браны в рекруты, а дослужились офицерских рангов, в том числе и не умеющие грамоте, а иные, не служа, вернее написаны из казаков в дворяне и воеводы, також и бывшие у некоторых персон в холопстве, да и такие, которые бывали в розысках и показаниях», — и приказано выбрать кандидатов. Из указа же от 1 февраля 1740 года²⁶⁶, в коем объявлена Высочайшая резолюция на докладные пункты иркутского вице-губернатора Ланга, сменившего Бибикова, видно, что из 28 воевод, выбранных Императрицей из числа представленных ей кандидатов, лучших приказано определить в Якутск и Нерчинск, потому что, по донесению Ланга: «для лучшей пользы потребно быть, чтоб в Якутске и в Нерчинске такие воеводы определены были, которые б были доброй совести... особливо, что в сих двух уездах наилучшая мягкая рухлядь».

ГЛАВА XVI (1700—1740)

Устройство почты в Забайкалье. Как подспорье к ямским, выставка городских и уездных подвод. Проезд по Забайкалью Гмелина, Миллера и Фишера. Горнозаводское дело. Меры правительства к поднятию горнозаводского промысла. Добывание соли. Распределение населения в крае. Способы к заселению Забайкалья. Приблизительный расчет численности населения в Забайкалье к началу царствования Елизаветы Петровны.

Развитие торговых и дипломатических сношений с Китаем делало настоятельным устройство почтового сообщения в Забайкалье. Первую заботу об этом проявил Савва Владиславич, по представлению которого указом от 29 марта 1728 года²⁶⁷, между прочими распоряжениями, приказано: для переезда через Байкал устроить «два или три бота, надежных, с такелажем, чтоб во время ветра могли идти парусами, а в тихую погоду на веслах, специально для провоза купеческих товаров, кто пожелает, в указанные дни, как в С.-Петербурге домшкауты в Кронштадт отпускаются», — за установленную плату, по усмотрению Саввы Владиславича.

Установление прочной администрации в крае и требование ежемесячной отчетности по многим предметам обязывало учредить правильное хождение почт, и указом от 16 июня 1731 года²⁶⁸ Правительствующий Сенат приказал: «Для государственных посылок и для посылок же партикулярных писем, учредить почту на таком порядке, как наперед сего в прошлых годах — такая почта была учреждена».

Затем из указа от 16 марта 1733 года²⁶⁹, при котором объявлена дополнительная инструкция капитану Берингу и подтверждено об устройстве почты наподобие того, как она была устроена в начале этого столетия при думном дьяке Андрее Винусе, усматривается, что на губернатора и вице-губернатора было возложено заселить пустые местности, по которым пройдет почта, чтоб устроить станы. Приказано расписать станы и определить время отхода и прихода почт в оба пути. Определено за возку почт назначить прогоны, а ясачным, если таковые где будут возить, выдавать товары, коли сами того пожелают. Ссылаясь на то, что при Винусе за провоз писем взималось с золотника, предложено установить таковую же плату и теперь, и не только по тракту на Охотск, «но и от китайской границы, где купечество не малое обращается, — то особливо губернатору в письме писано об учреждении почты до Иркутска, до Селенгинска и Нерчинска и новых пограничных купеческих слобод».

Но почта ходила неаккуратно, и из указа от 21 апреля 1733 года видно, что письма из Камчатской экспедиции доходили до Москвы в полгода и более, а потому повелено:

1) Учредить почту до Тобольска — два раза в месяц, уплачивая прогоны вольным ямщикам.

2) От Тобольска до Енисейска и Якутска по одному разу в месяц, а от Якутска до Охотска в два месяца раз.

3) Иркутскому вице-губернатору учредить почту от Енисейско-Якутского тракта до пограничных слобод на китайской границе, по разу в месяц, а во время ярмарок по два раза.

4) За провоз писем брать плату и составить таксу в Сибирском приказе.

5) Еще в бытность в Забайкалье графа Саввы Владиславича, по предложению комиссара Нерчинских заводов Бурцева устроена почта на следующих основаниях: из государева табуна дано по 5 лошадей на сганцию и посажены добропорядочные и зажиточные семьи, которым дано право «варить пиво без откупа, ради проезжих» и приказано возить только почту, с платою двойных прогонов, «а иным де порядком с трудностью будет станции держать и охотников не сыщется, а невольники разбегутся». Этот порядок приказано применить на глухих, ненаселенных местах.

Но учрежденные станы не могли быть хорошо обставлены на первое же время, и для перевозки Государевой казны «денежной, товарной и мягкой рухляди», собиравшейся в Иркутске, ямских подвод доставало, и потому указом от 10 октября 1732 года²⁷⁰ повелено: там, где недостает ямских подвод, «давать городские и уездные подводы, без излишества, с платежем за ямские прогонных, а за городские и уездные подводы по плакату денег, без замедления». Это распоряжение отразилось на местном населении чрезвычайно тяжело, подвергнув его новой, крайне разорительной, повинности. Словцов говорит²⁷¹: «Какие изнурения, какие уроны в лошадях терпели якуты от перевозки тяжестей, начиная с открытия Камчатки, можно узнать из записки якутского головы Аржакова. Но бережливее ли поступали с жителями Сибири профессора немцы? В марте 1735 года Гмелин с Миллером, отправляясь из Иркутска за Байкал, налегке, как сам пишет, не довольствовались 37 лошадьми, провинциальною канцеляриею назначенными, ни прибавленным числом, повелел насильно на базаре отнять, сколько хотел, а в Галаустной станции поехал на 150 лошадях. Что ж подумать о поезде мирских чинов?»

Факт этот характерен в том смысле, что ярко обрисовывает бесправие народа в то время. Частный человек в главном городе провинции, на базаре, забирает чужих лошадей, и ему это сходит с рук, власть не думает даже его остановить, потому что он член экспедиции, снаряженной по высочайшему повелению. Что же должно было испытывать крайне редкое и малочисленное население Забайкалья от разъездов по оному Гмелина с товарищами? А разъезды его были продолжительны. Все лето 1735 года²⁷² он провел в объезде по землям, лежащим за Байкалом и по китайской границе в западной части Забайкалья, затем через Селенгинск возвратился в Удинск, где его уже ожидали товарищи Миллер и Фишер с своими помощниками, с которыми он отправился на восток, к Нерчинску. Из Нерчинска они поехали на р. Аргунь, для осмотра серебряных рудников и заводов, а также для сбора образчиков местной флоры, а осенью поворотили на Удинск, где сели на лодки и по р. Селенге, Байкалу и по р. Ангаре возвратились в Иркутск. Научное исследование Забайкалья, совершенное Гмелиным с товарищами, вызвано главным образом желанием правительства заполучить обстоятельные сведения о местных богатствах края, естественных и горных. Горнозаводское дело родилось одновременно с принятием участия сибирскими купцами в китайской торговле и вначале развивалось весьма туго.

В 1703 году переведен в Нерчинск из Томска грек Левандиан для разработки серебряных руд, найденных при р. Аргуни, и для выплавки из оных серебра. В 1704 году²⁷³ Левандиан заложил Нерчинский сереброплавильный завод, на левом берегу р. Алтачи, впадающей в Серебрянку, левый приток р. Аргуни. Вслед за сим, неподалеку от Нерчинского, он же поставил Калгуканский завод. На этих заводах,

в 1704 году, добыто серебра 1 фунт 34 золотн., а в 1705-м, на речках Алтаче и Грязной, добыто серебра 1 пуд 22 фунта и 36 золотников²⁷⁴.

С этой поры выплавка серебра на Нерчинских заводах постоянно возрастала, а с сим вместе росло и число заводов, на которых оно добывалось. В этом убеждает указ от 11 марта 1710 года²⁷⁵, которым дано разрешение греку Левандиану, за постройку заводов и за розыск серебряной руды в Нерчинске, торговать заповедными товарами на 2010 руб., с оплатою пошлин; эта льгота доказывает, что правительство очень ценило труды Левандиана, потому что сказанной льготой пользовались очень немногие.

Другим фактом, подтверждающим развитие сереброплавильного дела в Нерчинском воеводстве, служит указ от 8 июня 1711 года²⁷⁶, которым упразднен приказ рудных дел, учрежденный в 1700 году²⁷⁷. Дела Рудного приказа велено передать в губернии, а учеников и тех из иноземцев, которые пожелают, послать в Сибирскую губернию, для того, «что той губернии в городах по сыску явились железные и серебряные руды, из которых в 710 и в 711 в привозе было серебра 9 пуд. 33 фунта». Все это серебро, очевидно, доставлено из нерчинских рудников, потому что добыча серебра на р. Каштак прекращена давно, а алтайские рудники еще не были открыты.

Увеличение добычи серебра в Нерчинских заводах совпадает, главным образом, с открытием Первомонастырского рудника в 1709 году, когда во всех Нерчинских заводах было добыто 11 пудов²⁷⁸. В 1739 году открыты рудники Старо-Зелентуйский и Перво-Троицкий. Но все же добыча серебра в общем была невелика в первой четверти XVIII столетия; всего, за время с 1704 по 1720 год включительно, на Нерчинских заводах было добыто серебра

120 пудов 7 фунтов 27 золотников и свинца 14 606 пудов. В 1729 году действие заводов остановилось, за пресечением рудных местонахождений²⁷⁹.

В 1722 году в Нерчинском округе открыто присутствие золота²⁸⁰.

31 августа 1738 года²⁸¹ состоялся указ о невывозе с Нерчинских заводов в Москву свинца, потому что он обошелся дороже заграничного. Из указа видно, что 4 января 1733 года приказано доставить в Москву 1000 пудов нерчинского свинца. Во исполнение этого распоряжения свинец отправлен с транспортом купеческих товаров, стараясь, где возможно, везти его водою. Провоз до Москвы обошелся в 1555 рублей (при этом от Чусовской пристани до Коломны свинец перевозился на казенном судне), — что составляет по 1 руб. 55 коп. на пуд; а как стоимость пуда свинца на месте обошлась в 1 руб. 16 $\frac{3}{4}$ копейки, то пуд нерчинского свинца в Москве стал в 2 руб. 71 $\frac{3}{4}$ коп., тогда как в С.-Петербургской портовой таможене пуд заграничного свинца обходился в 1737 году в 1 руб. 10 и 1 руб. 20 коп. Всего на Нерчинских заводах с 1730 по 1737 год выплавлено 4145 пудов 28 фунтов свинца. Вследствие изложенного обстоятельства повелено прекратить добывание свинца; но если он необходим для выплавки серебра, то продолжать разработку, употребляя свинец на сибирские гарнизонные полки, а также в Оренбург и в тамошние команды.

Малое производство на Нерчинских заводах и дорогая выработка свинца объясняются отчасти недостатком рабочих рук, отчасти беспорядками на заводах, а частью непорядками вообще в крае, как об этом доносил Татищев, что усматривается из указа от 16 декабря 1735 года²⁸², в коем по поводу донесения Татищева, сославшегося на нерчинского управителя Домеса, объявлявшего «о многих сибирских

(значит забайкальских) непорядках по некоторым учреждениям» — приказано сибирскому губернатору расследовать.

В видах развития горнозаводского промысла в Забайкалье состоялся указ от 26 сентября 1727 года²⁸³ о дозволении свободного розыска и обработке руд в отдаленных местах Сибири. Повеление это, как видно из указа, состоялось по представлению комиссии о коммерции, которая доносила «о сибирских отдаленных местах, кои за Тобольском, где имеются одни казенные за Нерчинским на Аргуни серебряные заводы, да вновь при новосысканной медной руде, между Томском и Кузнецком городами, позволено заводить медные заводы, что из тех мест не токмо в Петербург», но и в Екатеринбургский берг-амт (местное отделение Берг-коллегии — Горного управления. — *Примеч. ред.*) ездить далеко и доставлять $1 \frac{1}{10}$ часть металла затруднительно. Повелено — в Сибири за Тобольским и в Иркутской и Енисейской провинциях, в городах и уездах всем и каждому дать позволение «всякие руды сыскивать, металлы плавить и всякие ж минералы производить». Руду разрешалось искать на всех свободных землях и нашедшим таковую разрешалось строить заводы; при отыскании руды на земле, принадлежащей частным лицам, предоставлялось входить в соглашение. Все найденные металлы дозволялось обрабатывать свободно с уплатой в казну пошлин; золото и серебро ни в слитках, ни в работе за границу не отправлять. Воеводам вменяется в обязанность не озлоблять поборами, взятками, придирами тех, кто занимается розыском и добыванием руды. Засим «понеже в сибирских краях многие являются ценные каменя... от которых также могут наши подданные пользоваться, сыскивая и продавая оные» — повелено пошлину с камней не брать, с камней же обработанных брать по особому уставу.

В указе от 30 сентября 1727 года²⁸⁴ о вольном промысле слюдой оговорено, что кроме Архангелогородских промыслов, открыта слюда в Сибири, в Иркутской провинции, но промысел этот не развивается, потому что за промысел берут $\frac{1}{10}$ пуда лучшей слюды. Приказано: слюду оплачивать в таможняк по гривне с рубля и затем, при перепродажах, взимать по 5 коп. с каждого рубля продажной цены. Пашпорты промышленникам предписано выдавать из магистратов и ратуш, а не от воевод, и промышленникам как в пути до городов, так и на промыслах, никакого задержания и препятствий не чинить и слюды отнюдь не отбирать.

Забываясь о поднятии горного дела дозволением свободного искания и разработки руд, правительство Петра II признало нужным объявить и свободную добычу соли. 5 января 1728 года²⁸⁵ объявлен устав о соли и добыче и продаже оной. Из статьи 1-го соляного устава видно, что соляные варницы в Сибири были «в Иркутской и Енисейской провинциях». Затем далее изложено: «А понеже в Российской империи, кроме солеваренных заводов имеется самородная многая соль, а именно... в Сибири, близь Иртыша реки, ямышевская, и между слобод и острогом разные озера». Во всех упомянутых местах с января 1728 года позволено добывать соль вольным людям, уплачивая пошлину «с сибирской соли ямышевского бузуку, и томской и иркутской и нерчинской выварочной, против астраханского отвозного бузуку, по алтыну; а коя в слободы провозится с степных озер, с той по две копейки с пуда». Пошлину уплачивать немедленно при добыче соли, не допуская отсрочек.

Из приведенной выдержки очевидно, что в Нерчинском воеводстве уже добывалась в это время соль с степных озер, то есть с Борзинского, а может быть, с тех, что лежат в Монголии и, значит, во всяком случае, существо-

вал уже караул для взимания пошрины, а потому надлежит допустить, что ближайшая к Борзинскому озеру станица, а именно Старый Чиндант, уже существовала.

Переходя засим к населенности края, надо думать, что он был слабо заселен, и преимущественно по речкам. В западной части, то есть в ведомстве селенгинского коменданта, русское население протянулось по р. Селенге и частью по низовьям рек Чикоя и Хилка; в восточной же части Забайкалья, то есть в Нерчинском воеводстве, поселки разместились по рекам Ингоде и Шилке и по нынешнему почтовому тракту от Нерчинска к нерчинскому заводу, то есть по верховьям рек: Унды, Газимура, Уроли, а также Аргунской Борзы, среднему течению Аргуни, а также по Ононской Борзе и вверх по р. Онону, на небольшое расстояние от впадения р. Борзы. Иностранческое же население осело по рекам Джидде, Чикую, верхнему течению Хилка, по Уде, по Онону, по Аге и на пространстве между Ононом и Аргунью. Сообщение западной части Забайкалья с восточной производилось по Хилку, затем перевал через Яблоновый хребет в долину Ингоды или от улуса Шентая по р. Гарбасан к Дорокинску, или от Шакшинского озера к деревне Притуповки; путь от Верхнеудинска по долине реки Уды заселен позже по распоряжению Императрицы Елизаветы Петровны, в 1761 году, полковником Соймоновым, нарочно для сего командированным.

В начале XVIII столетия заселение Забайкалья шло очень туго и почти исключительно одними беглыми разного рода, а также случайными ссыльными за разного рода преступления.

Первое по времени правительственное распоряжение о заселении Забайкалья в XVIII столетии изложено в наказе от 1 февраля 1701 года²⁸⁶, данном нерчинскому вое-

воде Юрию Бибикову. Из этого наказа видно, что вследствие распоряжения, сделанного в 1697 году, в Нерчинск к 1700 году прибыло 403 души беглых крестьян, отправленных из Верхотурья под начальством боярского сына Петра Меншкина; крестьяне эти посажены на пашни.

В 1701 году²⁸⁷ сосланы в Забайкалье единомышленники типографщика Григория Талицкого, печатавшего «воровские письма», в которых Петр I назывался Антихристом; всего их сослано 7 человек и с ними 5 вдов казненных преступников.

В 1703 году могло попасть в Забайкалье небольшое число астраханских казаков, сосланных за бунт, поднятый ими за русскую старину²⁸⁸.

Засим до 1722 года никаких мер к заселению Забайкалья правительство не принимало и край заселялся бродячим элементом и служащими купцов для производства торговых оборотов. 10 апреля 1722 года²⁸⁹ состоялся указ о ссылке в Дауры, на серебряные рудники, тех каторжных, которые освобождены по манифесту (по поводу заключения Ништадтского мира) от смерти и определены к ссылке в дальние города. Людей этих приказано было отправить с женами и детьми. Кроме сего, этим же указом приказано сибирскому губернатору переселить в Забайкалье 300 семейств пашенных крестьян, набранных в Томском округе. Указом от 28 июня того же года²⁹⁰ приказано ссылать в Рогервик бородачей, которые будут взяты в неуказанном платье. «А буде таковые явятся в Сибири, тех в Рогервик, за дальностью, не посылать, а ссылать на разные тамошние заводы в работы». Указом от 23 октября 1730 года²⁹¹ повелено ссылать на заводы в Сибирь тех рекрутов, которые, уклоняясь от службы, нанесут себе увечья, препятствующие быть в войске. 22 сентября 1732 года²⁹² приказано ссы-

лать в Сибирь, на заводы, тех беглых монахов, которые будут пойманы «не в монашеском одеянии, но в светском».

Из государственных преступников в начале XVIII столетия попал в Забайкалье, в Нерчинские заводы, по указу от 23 декабря 1731 года²⁹³, Столетов, за то, что в числе прочих, сосланных в разные места, осуждал действия правительства и непочтительно отзывался о государыне.

Сослан в Нерчинский монастырь архиерей Георгий Дашков, заподозренный в участии по делу об устранении Анны Иоанновны от престола (затейном Радышевским). От него не велено принимать заявлений о государевом слове и деле²⁹⁴.

В 1740 году сослан в Селенгинск сын Артемия Волинского — Петр²⁹⁵.

Указ от 4 июля 1726 года дает основание думать, что в 1725 году переведено в Нерчинское воеводство 270 душ крестьян из Томского округа. По донесению нерчинского берг-амта, нерчинская городская канцелярия требовала от ононого поставки рекрут по расчету приписанных к заводам: прежних 253 душ крестьян и с новопереведенных томских 570 душ. Заводская канцелярия, ссылаясь на безлюдье в Нерчинском воеводстве и невозможность приискать рабочих, просила дать льготу переведенным крестьянам на три года от уплаты податей и избавить их от выставки рекрут. Сенат приказал: с нерчинских крестьян рекрут не брать, а по расчету таковых брать в заводские рабочие; подушные за них платить из заводских сумм, а крестьянам деньги эти зарабатывать на заводах, при этом повелено: «Новопереведенных крестьян на такую заводскую работу употреблять, определяя время такое, чтобы оные, будучи в том новом поселении, могли и домами построиться и пашнею завесть».

Основываясь на расчете забайкальского населения, указанного в XII главе, надлежит прийти к заключению, что в 1730 году в крае должно было числиться душ мужского пола 10 500 по следующему расчету: в 1719 году предполагалось 9000 душ.

Естественный прирост по 1 % в год, за 10 лет дает	900»
Переведено томских крестьян	570»

Итого 10 470 душ.

А к началу Елизаветинского царствования русское население в крае, предполагая естественный прирост в 1 %, должно было насчитываться в 11 500 мужских душ.

Другой прием для учета населения может быть основан на следующих данных:

В 1719 году в Нерчинске было	781 двор ²⁹⁶ .
В 1734 году в Забайкалье было войск ²⁹⁷ :	
Якутский полк	639 челов.
дворян, детей боярских и служилых.....	882 »
ясачных иноземцев	4803 »
В 1725 году прибыло, в силу указа от 10 апреля 1722 года ²⁹⁸ , кроме ссыльных пашенных томских крестьян	570 »
В 1726 году к Нерчинским заводам было приписано крестьян ²⁹⁹	253 »

Кладя на двор по 4 души, допуская естественный прирост в 1 %, предположив служилый состав в возрасте от 16 до 55 лет и установив, что население Селенгинского воеводства в 1719 году составляло $\frac{2}{3}$ по численности против нерчинского, придем к следующим выводам:

В 1719 году в Забайкалье состояло душ податного сословия:

Нерчинском воев.....3124
Селенгингинском воев.....2082

Итого 5206.

В 1726 году в силу естественного прироста должно было быть:

Нерчинском воев.....3343
Селенгин. воев.....2228

Итого 5571.

В 1726 году приписанных к Нерчинским заводам, вместе с новоприбывшими, состояло ..... 823.

В 1726 году пашенных и заводских крестьян, а также посадских и купечества в Забайкалье должно было состоять ..... 6394.

В 1734 году в силу естественного прироста должно было образоваться..... 6905 м. д.

В 1734 году солдат и служилого сословия числилось..... 1521.

а как в возрасте от 16 до 55 лет в Забайкальском казач. войске ныне числится 50,3 %³⁰⁰ всего мужск. населения в пешем отделе, то на семью служилого сословия причтется ..... 1502 м. д.

В 1734 году в Забайкалье должно было состоять: податного сословия, заводских крестьян и служилого состояния всего ..... 9928 м. д.

да к ним подлежит добавить привилегированных сословий и духовенства приблизительно..... 250.

Всего 10 178.

К 1740 году русское население в Забайкалье можно предположить 10 189

а если считать население Селенгинского ведомства в половину против Нерчинского, то общее число

русского населения в крае будет на 1000 душ

меньше ..... 9712 чел.

В 1734 году ясачные инородцы

выставляли 4803 человека вооруженных,

а как в возрасте от 16 до 55 лет в конных отделах

Забайкальск. казач. войска на этот возраст

придется 51,23 %, то семьи инородцев

причтется ..... 4570.

Итого 3372.

В 1740 году, считая естественный прирост в 1 %, ясачных инородцев должно состоять 9931 м. д.

В 1740 году всего населения в Забайкалье 20 820 м. д. или же 19 643 м. д.

ГЛАВА XVII

Торговое значение Забайкалья. Установление выдачи ямских подвод воеводам, назначаемым на службу. Учреждение Сибирского соляного комиссарства. Штат Кяхтинской таможни. Значение Забайкалья как ссылочного края. Отмена смертной казни. Установление разрядов каторжных работ. Досмотр за колодниками. Пограничные недоразумения: отказ в пропуске калмыцких посланцев к далай-ламе. Посылка в Пекин курьера Шокурова. Разбои монголов. Посылка в Пекин курьера Братищева. Резкость переписки китайского трибунала с Сенатом.

В царствование Елизаветы Петровны правительственная забота о поднятии экономического значения Забайкалья проявилась в очень широких размерах. Можно утвердительно сказать, что не только своим преуспеянием, ростом, но даже существованием своим в качестве отдела или области, Забайкалье обязано правительственным мерам, которые были приняты, по отношению к оному, в Елизаветинский период.

С назначением иркутским вице-губернатором Ланга, бывшего долгое время в Забайкалье и хорошо ознакомившегося с средствами края и его естественными богатствами, так как он водил казенные караваны в Пекин и через Кяхту и через Цурухайтуевский пост, значение этого края в глазах правительства должно было тотчас же разъясниться, что и усматриваем из Высочайшей резолюции на представленные Лангом пункты. Резолюция эта объявлена 1 февраля 1740 года³⁰¹. Из оной усматривается, что из 28 воевод, выбранных Императрицею, лучших приказано назначить

в Якутск и Нерчинск, потому что «для лучшей пользы потребно быть, чтоб в Якутске и Нерчинске такие воеводы определены были, которые б были доброй совести... особливо, что в сих двух уездах наилучшая мягкая рухлядь находится».

Указ этот доказывает, что Ланг, представление которого вызвало указ от 1 февраля 1740 года, в своей провинции придавал наибольшее значение областям, богатым мягкой рухлядью; стало быть, податной налог в Иркутской провинции представлял меньший интерес для правительства, чем торговля пушным товаром и ясак, а это в свою очередь дает основание прийти к тому заключению, что население в Восточной Сибири было еще очень невелико.

Очевидно, что к началу царствования Елизаветы Петровны Нерчинское воеводство, то есть нынешнее Забайкалье, удерживало за собой значение края, важного для правительства только в смысле производства торговли с Китаем; по крайней мере, таковое значение оного преобладало над всеми прочими вплоть до начала второй половины XVIII столетия.

Забота о назначении лучших выборных воевод в Забайкалье послужила поводом к облегчению сибирского населения в поставке бесплатных подвод под своз чиновников, назначаемых в Сибирь. При назначении прапорщика гвардии Пагодьева воеводой в Нерчинск он просил Сибирский приказ оказать ему содействие к проезду через Сибирь, от Верхотурья до Нерчинска. Это обстоятельство побудило Сибирский приказ войти с представлением в Сенат о даче прогонов чиновникам, назначаемым в Сибирь, и 30 июля 1744 года³⁰² состоялся указ о том, чтоб воеводы, назначаемые в Сибирь, до границы сибирской отправлялись «на своих подводах, а от границы до городов, в которые воево-

ды отправлены будут, для дальнего и многотрудного пути, давать по рангу их ямские и уездные подводы, за их одинокие прогоны».

О важном торговом значении Забайкалья можно судить по тому обстоятельству, что из числа четырех таможен, штат которых объявлен при указе от 23 августа 1754 года³⁰³, наибольший состав определен для Кяхтинской. Очевидно, что торговля с Китаем ценилась правительством более чем со всею Сибирью. Штат Кяхтинской таможни учрежден, как показано ниже:

Директор	1.
Цальнер.....	1 выбран из моск. купеч.
Бухгалтер.....	1.
Канцеляристов	2.
Копиистов.....	4.
Переводчик.....	1 в чине прапорщика.
Сторожей	2.

Кроме сего в помощь цальнеру один выборный из местного купечества; лоретов — 4 по выбору от купечества; целовальников — 8, по назначению. Затем 8 марта 1756 года³⁰⁴ в Кяхтинскую таможню добавлен еще один директор, для того чтоб дело не останавливалось и казна не несла убытков в случае заболевания одного из директоров.

В Верхотурской таможне, единственной на грани между Европейской Россией и Сибирью, был один директор таможни, полагался по штату один сторож и назначено 6 целовальников; не было также переводчика, но как наем этого лица вызывался местными условиями, то оно и не должно быть принимаемо в расчет при сравнении штатов.

25 октября 1751 года³⁰⁵ учреждено Сибирское соляное комиссарство. В помощь заведующему оным назначены 3 штаб-офицера из сибирских дворян, из коих на одного

возложено наблюдение за добыванием соли из степных озер Иркутской провинции и ведение отчета по приходу и расходу оной. А как степные соляные озера в Иркутской провинции находятся только в Забайкалье (Борзенское, Дзунь-Торей, Бурун-Торей, Гусиное и т.п.), то значит, отделение соляного комиссарства учреждено в Нерчинске.

Кроме важности значения в смысле торговом, Забайкалье в первую половину царствования Елизаветы Петровны сохраняло значение в смысле ссылочного края, а потому будет не излишне упомянуть об указах, регулировавших это дело. В 1749 году Сенат предложил Юстиц-коллегии записывать речи обеих сторон, чтоб устранить волокиту при обжалованиях одной из сторон решений судов, происходящую от невозможности доискаться правды вследствие того, что речи истцов и ответчиков не записывались. Требование это выполнялось, однако, неаккуратно; ябеда и сутяжничества не прекращались, и Сенат был вынужден издать указ 4 февраля 1761 года³⁰⁶, в коем приказано: к речам, записанным на суде, прикладывать руки давших показания, «дабы впредь никакого спора будто бы в перемене речей показывать не могли», — с теми челобитчиками, которые и после сего будут затевать ябеду, поступать «по точному 1752 года о искоренении ябедников указу неослабно».

В 1742 году³⁰⁷ приказано: боярских и посадских людей, ложно сказывающих за собою «слово и дело», не наказывать кнутом, а бить плетьюми, чтоб доставить возможность помещикам годных из них отдавать в солдаты, в зачет за рекрут, а негодных отсылать в Сибирь, на житье, без вырезания ноздрей.

В том же году указом от 23 августа³⁰⁸ отменены пытки и смертная казнь для малолетних, каковыми признаны лица обоих полов до 17-летнего возраста; впоследствии, именно

после отмены смертной казни в 1744 году, возраст для малолетних установлен до 12 лет³⁰⁹. 7 мая 1744 года³¹⁰ повелено смертную казнь и предание политической смерти чинить не иначе, как с утверждения Сената; первое распоряжение об отмене смертной казни состоялось 2 августа 1743 года, когда указом, данным фельдмаршалу Ласси, повелевалось: за убийство и грабеж шведских подданных вместо смертной казни «отсесть по правой руке и, вырезав ноздри, ссылать в вечную работу».

В Сибири, однако, а следовательно, и в Забайкалье, смертная казнь практиковалась еще долго, и поводом к ее отмене, как надо полагать, послужили раздоры русских и китайских пограничных властей в Забайкалье. В 1750 году³¹¹ селенгинский комендант Якобий в донесении своем от 5 января по делу о тунгусе Мудунге, уличенном в третьем воровстве лошадей у китайцев, предлагал «дабы сему тунгусу и подобным ему вора́м, российским ясачным иноверцам, положенной по трактату с китайцами смертной казни впредь не чинить, для того, что и монгольские начальники не токмо своим вора́м того не делают, но и имена скрывают»... Коллегия иностранных дел одобрила это представление бригадира Якобия и предписала таких воров наказывать кнутом и, не чиня смертной казни, «ожидать от Правительствующего сената подтвердительного на таковую смертную казнь повеления».

Окончательное разъяснение о том, что отмена смертной казни распространяется также и на преступников Сибирской губернии и екатеринбургских заводов, состоялось в указе от 22 августа 1751 года³¹².

Через два года после упомянутого указа, а именно в марте 1753 года³¹³, повелено не отсека́ть рук преступникам, коим смертная казнь заменяется вечной каторгой. Этим же

указом предоставлено женам и детям преступников, по желанию, следовать за ними в ссылку или нет. В тот же день, то есть 29 марта 1753 года³¹⁴, разъяснен порядок учинения политической смерти.

22 января 1757 года³¹⁵ приказано: преступниц женского пола, подлежащих смертной казни, ссылать в Нерчинск, «чиня им при той ссылке одно жестокое кнутом наказание, а ноздрей не вынимать и знаков не ставить, ибо... женского пола колодницы из таких отдаленных в Сибири мест побегов и воровства чинить не могут».

Заменена смертная казнь ссылкой в вечную каторгу с заклеиванием преступника словом «вор» в следующем порядке. На лбу положено ставить *ВО*, на правой щеке *P*, а на левой щеке *Ъ*; указ об этом состоялся 9 января 1746 года³¹⁶. 30 сентября 1754 года³¹⁷ приказано отпустить во все губернии и провинции деньги на заведение одинаковых печатей для клеймения преступников, ссылаемых в вечную каторгу вместо смертной казни, и в этом же указе разъяснены правила распределения по работам преступников, отданных в каторгу. Обреченных на смерть повелено ставить на самые трудные работы и к тому же без отдыха; обреченных на политическую смерть определено ставить на работу менее трудную и тоже без отдыхов; сосланных в вечную каторгу приказано ставить на работу сравнительно легкую, освобождая от оной в праздничные и воскресные дни.

В Елизаветинское же время последовало распоряжение о содержании колодников обоих полов во всех местах заключения отдельно. Указ об этом состоялся 21 февраля 1744 года³¹⁸.

2 сентября 1747 года³¹⁹ установлена ежедневная проверка арестантов начальниками караулов совместно с тюремным начальством.

12 сентября 1748 года повелено: обывателей Сибирской губернии, обвиняемых в тайном провозе ревеня, не высылать в Коммерц-коллегию, а судить в Тобольской губернской, Иркутской провинциальной канцеляриях, причем о важных лицах приговоры посылать на утверждение в Военную коллегию, а о гражданских — в Коммерц-коллегию; при этом указано лиц уже осужденных отправить: сержанта Тобольского полка Ивана Лагунова — в Охотск, солдата того же полка Бориса Трапезникова — в Нерчинские заводы и на те же заводы отправить также солдата Сибирского гарнизона Костыгина.

Недоразумения между нашими и китайскими пограничными властями, возникшие в царствование Анны Иоанновны, в Елизаветинский период возросли до последней степени и хотя не привели к окончательному разрыву, но вызвали не только запрещение посылки казенных караванов в Пекин, но приостановку торговли на всем протяжении нашей южной границы.

Краткий очерк хода этих недоразумений таков:

В конце 1739 года прибыли в гор. Селенгинск посланцы к далай-ламе, отправленные калмыцким ханом Дондуком Омбо, состоявшим в русском подданстве. На требование коменданта Бухгольца, обращенное к монгольскому Тушетухану о пропуске их, получен отказ, мотивированный тем, что по этому поводу Сенат ничего не писал. Но когда, вслед за сим, Сенат обратился к пекинскому трибуналу с грамотой о предоставлении свободного проезда посланцам и о пропуске с ними толмача Савинова и 4 служителей, трибунал отказал и прислал с нашим курьером ответную грамоту, полученную в Селенгинске 6 марта 1741 года³²⁰, в которой изложено: «Понеже китайские послы назад тому несколько лет к калмыкам не были пропущены, и понеже в Китае

теперь только узнали, что калмыки оные точно российские подданные, а в мирном трактате, в 11 пунктах не изображено из подданных российских людей послами к далай-ламе посылать, — того ради подданного Российского государства калмыцкого хана посланцев принять не надлежит и пропустить невозможно».

Причина этого отказа, как узнал наш курьер Савинов, отвозивший в Пекин грамоту Сената и привезший ответ трибунала, состояла в том, что Второе посольство к калмыкам, пробывшее в Селенгинске 3 года (1731—1733) и не получившее разрешения на пропуск через Сибирь, должно было войти в соглашение с калмыцким ханом Черен-Дондуком о поднятии его войск против джунгаров. Невозможность войти в подобное соглашение с Черен-Дондуком вовлекла Китай в непроизводительные расходы, так как часть калмыцких войск была собрана и содержалась на счет китайских сумм, в силу неофициального соглашения. Чтоб резче оттенить свое неудовольствие, вслед за отказом в пропуске к Далай-ламе калмыцким посланцам, китайцы пропустили туда свыше 200 человек посольства от джунгаров, с которыми прекратились в это время враждебные действия.

Затем, через год по восшествии на престол, Императрица Елизавета Петровна решила отправить с уведомлением об этом происшествии особого курьера. Поручение это возложено на командира Тобольского гарнизона Михаила Шокурова, причем ему приказано забрать с собой трех учеников в пекинскую школу на место убылых. Выехав из Москвы 29 декабря 1742 года, Шокуров прибыл в Пекин 12 мая 1743 года³²¹. Богдыхан принял его хорошо и приказал пропустить учеников, задержанных на границе. Перед отпуском Шокурова обратно богдыхан пожелал вручить ему подарки для Императрицы, но курьер, предупрежден-

ный духовенством нашей миссии о том, что подарки посылаются «не в честь, но в презрение», таковых не принял, отговариваясь неимением на то полномочия. Это обстоятельство вызвало задержание его на целый месяц; наконец, богдыхан, разгневанный упорством курьера, не отправил, как прежде желал, поздравительное к Императрице посольство и отпустил Шокурова 9 июля, приказав выдать лично ему 100 лан серебра, 5 коплюк и 2 тюка китайки.

В том же 1743 году закончился, тоже неудовлетворительно, съезд в Кяхте для разбора спорных вопросов о пограничных воровствах и домогательствах, как об этом упомянуто выше.

С этого времени отношения Сената с трибуналом резко обострились. В июле 1744 года³²² получены в Сенате два листа от китайского трибунала, из коих в одном требуется наказать солдата Селивана Уфимцева и дьячка Сажина за убийство двух китайцев в Кяхте в апреле 1742 года, причем выражено, что богдыхан заявил: «Хотя смертоубийцев и должно смертию казнить, однако же за излишнее он, богдыхан, рассуждает, ежели человекоубийце отсечь голову, но довольно ежели и повешен будет».

В 1745 году Иркутская канцелярия доносила в Иностранную коллегию, что монголы беспощадно крадут лошадей и рогатую скотину у русских подданных, а китайские власти не удовлетворяют жалоб по этим поводам³²³.

Затем воровство скота и разбои на границе в Селенгинском и Нерчинском воеводствах не только не прекращались, но постоянно усиливались, по мере обострения отношений между нашим и китайским правительствами, и достигли своего апогея в 1750-х годах, во время войны китайцев с джунгарами, особенно же после бегства в пределы России в 1756 году нескольких джунгарских зайсангов и

затем и Амурсоны и перекочевки на Волгу калмыков под начальством Сереня в числе 10 000 кибиток³²⁴.

Еще до перекочевки в Россию Сереня из Петербурга отправлен курьером в Пекин Василий Братищев, которому поручено: а) домогаться присылки от богдыхана посольства с поздравлением по случаю восшествия на престол; б) испросить дозволение русским судам доставлять по Амуру припасы в крепости и остроги на восточной окраине России, то есть в Охотский порт и в Камчатку, в) стараться уладить пограничные дела и прекратить разбои монголов построением караулов на р. Аргуни, и г) склонить китайцев к приему и содержанию русских учеников в Пекине.

Миссия Братищева не удалась³²⁵. Прибыв в Пекин 26 сентября 1757 года, он выехал 4 октября и вернулся в Селенгинск 13 декабря, откуда и донес в Сенат: а) что богдыхан чрезвычайно разгневан отказом в выдаче джунгаров и, узнав о малом числе русских войск на границе, «повелел многочисленную к границам послать армию и вооруженною рукою принятых в русское подданство зенгорцев (джунгаров) оттуда исторгнуть», б) поздравительное посольство не отправил и в) на провоз припасов по р. Амуру согласия не последовало, причем богдыхан, по выслушании грамоты, сказал: «О хитрая Россия! просит с почтением, да притом же и объявляет, что уже для того ходу и суда приказано готовить, из чего дают знать, что и не получа позволения могут сами идти». По объяснению иезуита патера Сигизмунда, проход судов по р. Амуру не разрешен «не за иным чем, как только за опасением и боязнию, дабы Россияне, быв до сей реки допущены, не завладели оной, по примеру города Албазина», г) относительно прекращения пограничных беспорядков сказано, что когда пришлются на границу от русского Сената знатные особы, то из китай-

ской стороны будут высланы доверенные мандарины из маньчжуров.

Такая неподатливость китайского трибунала, понятная, пока был жив Амурсоны, принявший 28 июля 1757 года, вместе с сыном Дундуком и 4000 подвластных, русское подданство в Семипалатинске³²⁶, не прекратилась и с его смертью (умер 20 сентября 1757 года), так как китайское правительство стало домогаться выдачи его тела, которое было показываемо китайским властям два раза, 18 марта и 4 апреля 1758 года. Напротив, трибунал сделался настойчивее в своих требованиях о выдаче Серена и прочих перебежчиков джунгаров, принявших русское подданство. Тон переписки со стороны трибунала стал чрезвычайно дерзким³²⁷, так что Сенат, в ответной грамоте от 15 апреля 1759 года, отправленной с курьером Стриголовым, отказал в выдаче Серена, и джунгар, предложив трибуналу «в листах своих впредь с благопристойною умеренностью, дружбою и добрым согласием» поступать; а затем в грамоте от 17 июня того же года Сенат выразил, что он сомневается, «чтоб все оное происходило от богдыхана, но напротив, что собственно сам собою оный трибунал таковые дерзкие в листе своем употребил выражения»³²⁸.

Но трибунал не унимался и явно шел к разрыву, как это можно усмотреть из 9 листов, писанных им в ноябре 1759 года и полученных в Сенате в 1760 году. В листе о выдаче тела Амурсоны и о высылке перебежчиков есть такое место³²⁹: «Мы уже вместо вас несносный стыд терпим, что Сенат, правительство целого владения, не смыслит такого дела и не хранит своей чести», — далее идет ряд упреков и «угроза об отнятии перебежчиков силою». В листе об уничтожении надолб, поставленных от Кяхты к Чикою, и о прекращении взимания пошлин в Кяхте окончание листа таково³³⁰: «Ког-

да мы узнаем, что подлинно их не выдадите (опять об Амурсоне и джунгарах) — то мы другие свои меры предпримем; пришлите к нам о сем скорый ответ; а прежние ваши негодные отговорки здесь не надобны». В листе о вознаграждении монголов за грабежи, учиненные тунгусами в долине р. Гап, на правом берегу р. Аргуни, выражено: «А буде вы по прежнему свои какие-либо в сем деле отговорки употреблять станете, то мы вам, конечно, в том не уступим». Наконец, в одном листе, полном грубых и язвительных выражений, между прочим изложено: «4-е, что при покорении зенгорцев в китайскую сторону Россия для того не вмешалась в сие дело, что ни силы, ни возможности к тому не имела, в противном же случае от победоносного китайского войска тогда бы и российские силы вместе с зенгорцами легко разбиты были»³³¹.

Также неудачен был и Кяхтинский съезд, на который русские и китайские пограничные начальники съехались 17 июня 1759 года для решения различных пограничных споров³³². К возбужденным уже вопросам китайцы добавили еще новый, о неправильной постановке на китайской земле надолб, и возбудили притязания на Куку-Илотаевскую дорогу, а также присвоили себе и остров Цаган-Арал на р. Чикое. Обе стороны ни в чем не сошлись и разъехались. Разрыв сделался неизбежным и выразился прекращением торговли на всем протяжении нашей границы с Китаем.

ГЛАВА XVIII

Перепись 1744 года. Меры правительства к заселению Кяхтинского форпоста. Меры к заселению Селенгинского воеводства. Меры к заселению Нерчинского воеводства. Численность населения в Нерчинском и Селенгинском воеводствах к концу царствования Императрицы Елизаветы Петровны. Войска, находившиеся в Забайкалье.

17 сентября 1742 года³³³ состоялось Высочайшее повеление о производстве ревизии во всем государстве. Перепись эта произведена в 1744 году, и результаты выяснились в 1747 году. В течение четырех лет, во время производства работ по ревизии душ всего населения, издано много указов, разъяснявших возникавшие недоразумения. Из числа этих указов только в одном, объявленном от 13 января 1746 года³³⁴, есть отступление от общего правила, сделанное для Сибири, и касается приписки непомящих родства, которых в Сибирской губернии и в Енисейских и Иркутских провинциях, «а также и в Вятской, Соликамской и Исетской провинциях — записывать в подушный оклад на поселение в Сибирской губернии, отводя им места по выбору губернатора и давая льготу от податей в течение 3 лет; дряхлых же из них сдать в монастыри на пропитание; тогда как всех непомящих родства в других местах приказано зачислять в удельные крестьяне и высылать в Петербург за счет тех лиц, у кого они проживали».

Перепись закончена к 1747 году и выяснила, что всего в России податного сословия числилось 6 614 529 мужск. душ³³⁵, из коих на долю Сибири должно было причитаться около 270 000 душ³³⁶; на заводское же население си-

бирских и нерчинских заводов причиталось 47 000 душ³³⁷. В указе от 21 июля 1755 года говорится: «По недавнобывшей генеральной ревизии, написанных и положенных в подушный оклад в Екатеринбургском ведомстве состоит при сибирских, пермских, нерчинских казенных заводах 69 391 душа... с них рекрут во взятие надлежит быть, с сибирских (кроме Нерчинска) 450, с нерчинских 22, с пермских 221, всего 693». Следовательно в Тобольской губернии и Енисейской провинции было 45 000 душ заводского населения, а в нерчинском ведомстве 2200.

Правительственные меры к заселению Забайкалья выразились в следующих распоряжениях: 13 декабря 1743 года³³⁸ состоялось распоряжение о заселении Кяхтинского форпоста. Для исполнения сего приказано поселить на Кяхте до 100 семейств из посадских Сибирской губернии и Иркутской провинции охотников, записанных в подушный оклад после переписи 1722 года, «а из настоящих тамошних купцов не допускать, дабы подушному сбору не учинилось помешательства». Селиться приказано «небольшую слободою», на отведенной для сего земле. Лес на строения приказано употреблять привозный, не ближе как за 5 и за 10 верст, чтоб сохранить ближайший лес для дров жителям. В слободе приказано устроить шлагбаум. Посельщики освобождались от уплаты податей и от рекрутства в течение 5 лет. Кроме купечества в Кяхтинском форпосте дозволено селиться обывателям, не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты. Отвод места под слободу и наблюдение за обстройкой и заселением оной возложены на бригадира Якобия, бывшего селенгинским комендантом с 1741 года, «а судом и правую тем вновь поселившимся ведомым быть в Кяхтинской таможене, под смотрением обретающегося ныне у реченной

покупки комиссара Свиньина, или кто вместо него будет назначен». Недовольные судом комиссара могут жаловаться в Селенгинский магистрат.

Указом от 16 сентября 1745 года³³⁹ допущены к поселению при Кяхте купцы и крестьяне из губерний: Московской, Казанской и Архангелогородской, и о вызове желающих приказано публиковать в губерниях, провинциях. Тех крестьян, которые уже поселились при Кяхте и обзавелись своими домами, на прежние места разрешено не высылать, а в предстоящую перепись занести в подушный оклад при Кяхте, сообщив об этом в те места, откуда они прибыли, для исключения их там из списков; мастеровых записывать в цехи; беглых солдат и крестьян не приселять.

Вследствие предоставленных льгот, а также удобств в производстве пограничной торговли, Кяхтинский форпост скоро застроился и в оном развилась беспошлинная торговля. Это последнее обстоятельство побудило сибирского губернатора Соймонова в конце царствования Елизаветы Петровны возбудить вопрос о перенесении слободы на другое место, дальше от границы, между Троицкой и Кяхтинской крепостями, как просил об этом селенгинский капитан Якобий. Сенат, однако, не согласился и указом от 4 сентября 1761 года³⁴⁰ приказал: проживающих как в форпосте, так и в крепости на другие места неволею не высылать; «а о недопуске беспошлинной покупки и продажи товаров наиприлежное иметь смотрение определенным на форпостах командирам»; с виновных же взыскивать по указам.

Затем указом от 12 сентября 1760 года³⁴¹ приказано сибирскому губернатору, применительно к устройению десятинной пашни в Нерчинском ведомстве, устроить таковую же и в Селенгинском «по Хилке реке, на проезжих местах,

для той пользы, что по оному Хилку водяные между Селенгинском и Нерчинском коммуникации обыскались... и доброты земель за равное с Нерчинским уездом почитается».

Относительно заселения Нерчинского воеводства правительство главным образом руководствовалось желанием доставить рабочие руки для серебряных заводов, выплавка серебра на которых к половине XVIII столетия развилась настолько, что они получили веское значение в смысле поставщика металла для чеканки монет. Указом от 3 апреля 1756 года³⁴², данным на имя главного судьи Монетной канцелярии, статского советника Шлаттера, возбудившего вопрос об увеличении добычи серебра в Нерчинских заводах для делания серебряной монеты, приказано: вдобавок к приписанным уже к заводам 2132 душам, приселить на свободные и выгодные для хлебопашества места еще 2868 муж. душ, вызвав для этого крестьян Кузнецкого и Томского ведомств. Кроме сего, приказано зачислить в заводские мастеровые 300 рекрут из Иркутска.

Из указа же от 16 февраля 1761 года³⁴³ видно, что еще в 1755 году в Нерчинские заводы шли поселыщики из Соликамска. Сибирский губернатор Соймонов, представляя Сенату о необходимости заставить купцов направлять свои товары в Восточную Сибирь, по р. Чулыму, а не по р. Кети, потому что последняя неудобна по многим причинам, в числе прочих неудобств указывает и на то, «что всего паче от болотной воды и от густых лесов воздух так нездоров бывает, что по несколько человек умирают», что он может и засвидетельствовать тем, что из 2151 человека соликамских поселыщиков, отправленных из Тобольска в Нерчинск, во время переезда по р. Кети умерло 519 душ.

19 февраля 1758 года³⁴⁴ приказано сибирскому губернатору приступить к размножению десятинной пашни в

Нерчинском ведомстве, согласно сделанного им представления. Он предлагал следующее: по расписанию 1728 года, в Нерчинском уезде положено иметь 395 десятин казенной запашки. В числе пашенных крестьян, обрабатывающих эти земли, состоит работников 510 человек; засим с этой пашни урожая, а также оброка с разных чинов, за владение землей, причитается в год 15 344 пуда, каковых недостаточно для местных расходов, а покупать провиант на месте, «за малым там севом, сыскать неуповательно». Для устранения этого неудобства Соймонов находил нужным:

1. Добавить пашенных крестьян на десятинную пашню.

2. Оброчных крестьян, которые с 15 десятин платят по 45 пудов оброчного хлеба, посадить на десятинную пашню, сложив с них оброчный хлеб.

3. Вдобавок к упомянутым крестьянам, посадить на десятинную пашню всех годных для хлебопашества разночинцев, проживающих в Нерчинском округе.

4. Тех нерчинских посадских, которые торгов не имеют, а, проживая в деревнях, занимаются хлебопашеством, — определить на казенную десятинную пашню.

5. Посадить также на пашню всех годных монастырских выводчиков, из коих бы мест они ни прибыли: из России, из новокрещенных тунгусов, из посадских, из казаков и т.п., а остальных назначать на другие казенные службы.

Приведением в исполнение перечисленных мер Соймонов предполагал добыть еще 500 рабочих и в таком случае рассчитывал обрабатывать 1000 десятин и получать с них не менее 8000 пудов ржи и ярицы. Всех вновь посаженных на пашню предполагалось освободить от четырехгривенного сбора, с тем, чтоб таковой уплачивался за них в Нерчинской воеводской канцелярии. Осуществление этих мер должно было начаться с весны 1759 года.

13 октября 1759 года³⁴⁵ Сенат приказал: сверх 2868 душ, назначенных к переселению в Нерчинское ведомство из Томского и Кузнецкого уездов для приписки к заводам, — набрать еще, для той же цели, 1100 человек, так чтобы всего переселить в Нерчинское ведомство 3918 душ. В счет этого числа уже поступило 330 человек, да назначено к отправке рекрут из Иркутской провинции: за 1758 год — 269 человек, да за 1759 год — 244, так что всего надлежало дослать 3125 душ. Людей этих приказано набрать из приписных и неположенных в подушный оклад в Томском и других уездах Сибирской губернии посадских людей и крестьян; а за недостатком оных — добрать из посадских и цеховых, Енисейской и Иркутской провинций, каковых в одной Енисейской провинции числится 3364 души (об Иркутской сведений нет), — а если и этих неостанет — то взять из посадских Тобольского ведомства, которых по ревизии числится 13 512 душ, из коих не многие занимаются торговлею и ремеслами, а большинство кормится черной работой. Половину из числа всех переведенных приковано посадить на десятинную пашню, а другую половину приписать к Нерчинским заводам. Расход на переселение отнести на средства Нерчинской канцелярии. Относительно порядка переселения губернатору Соймонову предложено снестись с советником Клеопиным, который был начальником Нерчинских заводов.

17 сентября 1761 года³⁴⁶ для управления Нерчинскими заводами отправлен бригадир Василий Иванович Суворов и вместе с ним, для заселения Нерчинского воеводства, командирован артиллерии майор Соймонов (с производством в полковники). Соймонов должен был числиться в Сибирской губернской канцелярии «при отце его, а притом назначенных в опубликованном из Правительствующего

Сената от 13 декабря прошлого 1760 года указе людей ему, Соймонову, селить, во-первых на нужных около нерчинских заводов местах, а по оном заселении тех мест, селить оных по дороге от Нерчинска к Иркутску, по братской степи». Заселение при заводах производить, руководствуясь требованиями Суворова, а при заселении Братской степи получать указания от Суворова и губернатора, наблюдая только, «дабы те места к хлебопашеству и к размножению скота были способные, чтоб те поселяемые, будучи там, не могли никакой нужды иметь».

Кроме указанных мер для привлечения желающих селиться в Забайкалье, а также для того, чтоб побудить помещиков отдавать для этой цели крестьян, 13 декабря 1760 года³⁴⁷ объявлено во всенародное сведение: «Понеже в Сибирской губернии и Иркутской провинции, в нерчинском уезде, состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные места, которых к заселению государственный интерес требует», — того ради публикуется:

1. Всем помещикам предоставляется право посылать в Сибирь, в зачет рекрут, крестьян не старше 45 лет, годных к крестьянской работе. Если с этими людьми будут отправляться дети, то правительство платит за детей мужского пола в возрасте до 5 лет — по 10 рублей, от 5 до 15 лет — по 20 рублей; 15-летних определено зачитать за рекрут; за женский пол плата установлена половинная. Всех отправляемых помещики должны были снабжать одеждой и кормовыми деньгами по расчету: на одинокого — 20 руб., на человека с женой — 15 руб., а на человека с женой и детьми — по 10 руб.

2. Воспрещено сдавать чужих крестьян.

3. Сдающим на поселение крестьян после рекрутского набора — зачитать таковых в последующие наборы.

4. При сдаче крестьян на поселение из монастырских, церковных и вообще духовных имений, — предъявлять общественные приговоры об отсылке в Сибирь сдаваемых.

5. Для удобства пересылки в Сибирь приказано сдавать крестьян местным властям к весне, чтоб иметь возможность пользоваться сплавом, а для уменьшения побегов приказано довольствоваться их в пути хорошо и обращаться с ними ласково.

Вероятная численность населения в Забайкалье к концу царствования Елизаветы Петровны, на основании вышеприведенных данных, может быть выяснена из нижепомещаемого ряда цифр.

В главе 5 этого очерка численность населения в Забайкалье к началу царствования Елизаветы Петровны определялась в 20 000 д., в том числе:

русского 11 000

иностранного ..... 10 000.

Русское население подразделялось:

В Нерчинском воеводстве:

податного сословия 3800

горнозаводского населения 938

солдат и их семейств 1670

привилегированного сословия 125

Итого 6533.

В Селенгинском ведомстве:

податного сословия 2540

солдат и их семейств 1673

привилегированного сословия 125

Итого 4338.

А всего 10 871.

В Елизаветинское время представляются следующие данные:

В 1744 г. могло прибыть на Кяхтинский форпост 100 семейств, из посадских Сибирской губернии; считая по 2 муж. души на семью, получим	200 м. д.	В 1761 г., считая прирост в 2 %, должно было быть: 232 м. д.
В 1747 г. по переписи значилось 2132 ч. горнозаводских крестьян в Нерчинском воеводстве, прибыло	1194	1349 м. д.
В 1757 г. могло прибыть крестьяне Томского ведомства, которых назначено приселить к Нерчинским заводам	2869	2954
В 1756 г. могли прибыть поселщики из Соликамска; считая по 3 % убыли на умерших, надо полагать, дошло	1570	1633
В 1759 г. приказано, сверх 2868 душ, приселить еще к Нерчинским заводам: сибирских крестьян рекрут	257 843	1100

Добавляя к приведенным цифрам коренное население, увеличенное на 1 % естественного прироста, и принимая цифру солдат с их семействами в том же количестве, как они значились к началу царствования Елизаветы Петров-

ны, так как убыль в них не могла покрываться естественным приростом, будем иметь:

В Нерчинском воеводстве:

	переп. насел.	присе- ленных	Итого
податного сословия	4560	1633	6194
горнозаводских крестьян	1126	5403	6529
солдат и их семейств	1670	—	1670
привилегированного сословия	150	—	150
			Итого 14 542.

В Селенгинском воеводстве:

	пер. насел.	посе- ленных	Итого
податного сословия	2691	200	2891
солдат и их семейств	1673	—	1673
привилегированного сословия	150	—	150
			Итого 4714.

Кроме сего, надлежит добавить хотя 286 челов. на добровольных переселенцев к Кяхтинскому форпосту в силу указов 1745 г. о вызове желающих селиться, так что всего надо считать в Селенгинском ведомстве русского населения не менее 5000 м. д.

Следовательно, к 1761 году надо считать всего населения в Забайкалье:

пашенных крестьян и податного сословия	9370
горнозаводских крестьян	6529
солдат и их семейств	3343
привилегированных сословий	300

Итого 19 542	
да инородцев, считая прир. в 1 %	12 000.

Кроме сего, надлежит добавить ссылавшихся по судебным приговорам и по распоряжениям помещиков. Как велико число этих лиц, определить точно нельзя, но, судя по указу от 25 сентября 1761 года³⁴⁸, в коем упомянуто, что на одни Нерчинские заводы в год ссылалось по 522 человека, оказывается, что число таких лиц должно быть велико; и если даже предположить, что столь усиленная ссылка началась только с 1756 года, когда Шлаттер возбудил вопрос об усилении производительности Нерчинских заводов, то все же численность населения в Нерчинском воеводстве поднимется до 16 600 мужс. душ, а всего в Забайкалье до 22 000; распределение этих ссыльных в Нерчинском уезде возлагалось на Сибирскую губернскую канцелярию, как это усматривается из указа от 17 октября 1760 года³⁴⁹, в коем сказано: «Для лучшего приумножения в Сибири при нерчинских серебряных заводах работ и поселений, находящихся как здесь, так и в прочих местах колодников», приговариваемых к ссылке в Рогервик, отправлять впредь в Сибирскую губернскую канцелярию, которая уже и будет селить их на удобных местах в Нерчинском уезде.

5 декабря 1760 года³⁵⁰ приказано солдат и матросов, которые не исправятся в поведении после троекратного наказания шпицрутенами отсылать в Сибирь на поселение при Нерчинских заводах.

Засим население Нерчинского воеводства увеличено еще на одну роту, учрежденную при управлении Нерчинскими серебряными заводами по представлению главного судьи Монетной канцелярии статского советника Шлаттера указом от 3 апреля 1756 года³⁵¹.

В видах споспешествования увеличению населения при Нерчинских заводах заводские крестьяне за все царствование Императрицы Елизаветы Петровны, за исключением

двух наборов 1743 и 1747 годов, избавлялись от поставки рекрут для отсылки в войска, а в упомянутые годы дали рекрут — один раз с 220 душ, а в другой — с 121.

Из регулярных войск в Забайкалье находился Якутский гарнизонный полк, приведенный Бухгольцем ко времени заключения Буринского трактата, когда он назывался Тобольским³⁵². Штаб полка размещался в Селенгинске.

Затем в 1761 году сформирован казачий полк из тунгусов для занятия пограничных караулов; тунгусы эти исключены из ясачной подати³⁵³.

ГЛАВА XIX

Торговля с Китаем в царствование Елизаветы Петровны: ремень, мягкая рухлядь, табак. Пошлинный сбор в Кяхтинской таможене. Штат Кяхтинской таможни. Посылка в Пекин 4, 5 и 6-го русских караванов под начальством Фирсова, Лебратовского и Владыкина. Неудобство Цурухайтуевского поста для торговых целей. Периоды прекращения торговли на Кяхте. Сдача на откуп табаку. Установление винного откупа. Покупка китайского золота и серебра.

В царствование Императрицы Елизаветы Петровны, несмотря на возникновение недоразумений между пограничными русскими и китайскими властями, вызывавших частое запрещение пограничной торговли, казенный торг китайскими товарами составлял вескую статью государственного дохода, и правительство удерживало за собой монополию торговли теми товарами, которые представляли наибольшую пользу, именно ремнем и мягкой рухлядью.

С 1737 года³⁵⁴ покупка копытчатого ремня в Кяхте возложена на купца Свинына, назначенного комиссаром на форпосте. (Свободная торговля ремнем длилась только с 1727 по 1731 год.) Свинын заключил контракт с бухарцем Муратом Багиным на 4 года для поставки ремня в количестве 2000 пудов ежегодно. В 1739 году последовало распоряжение о принятии только хорошего ремня, что вызвало строгую браковку, и в 1741 году Свинын принял только 1976 пудов из числа 4216 предъявленных Багимом. Бухарец отказался от дальнейшей поставки по прежней цене и просил о возмещении его убытков, понесенных строгою

браковкою. Ввиду громадных барышей, приносимых торговле ревенем, правительство, после долгой несговорчивости, уступило требованиям Багина и приказало его удовлетворить, лишь бы он продолжал поставку. Пуд ревеня с доставкой в Петербург обходился в 37 р. 7 к., а отпускался за границу за 289 руб., но расходился он в незначительном количестве, так что в Петербурге образовался запас в 5345 пудов.

Большая выгодность торговли ревенем вызвала контрабандную торговлю оным, которая в 1748 году достигла крупных размеров, так как из указа от 31 марта этого года³⁵⁵, по донесению Коммерц-коллегии, видно, «что по известиям оказалось, яко через партикулярную покупку из России за границу вывезено тайно несколько пуд упомянутого ревеня». Затем из различных следствий выяснилось, что ремень из Сибири привозится в Москву, а оттуда в Петербург и остзейские города³⁵⁶. Усиление досмотра и постановка новых застав мало содействовали прекращению провоза, и вскоре цена на ремень понизилась значительно и правительство нашлось вынужденным издать указ от 11 октября 1760 года³⁵⁷ о продаже казенного ревеня с публичного торга, по 100 руб. за пуд, как для внутреннего употребления, так и для отпуска за границу, «а в Сибирской губернии... оставлять там для продажи обывателям некоторое число пуд, по рассмотрению Коммерц-коллегии» и поручить Сибирской губернской и Иркутской канцеляриям продавать тот ремень по $\frac{1}{4}$ фунта и не более $\frac{1}{2}$ фунта в одни руки. Несмотря, однако, на значительное понижение цены ревеня, он раскупался туго.

Указом от 21 мая 1760 года³⁵⁸ приказано ежегодно покупать на китайской границе для придворной только аптеки

до 10 пудов самого лучшего, свежего, чистого и копытчатого ревеня.

Существенную часть отпуска в китайском торге составляла мягкая рухлядь, которая оставалась заповедным товаром и потому тоже привозилась контрабандным путем. Усиление контрабандного, тайного, провоза заповедных товаров вызывало усиление таможенного досмотра и увеличение штата таможен в застав; в этих же видах 11 января 1744 года³⁵⁹ состоялся указ о построении надолб на границе на протяжении от р. Селенги до р. Чикоя; в указе изъяснено: «Для предосторожности от тайного провозу товаров по китайской границе между реками Чикоем и Селенгою сделать ров и при нем надолбы; а в которых местах рва учинить не можно, то в оных поставить надолбы ж, а в лесных местах засеки». Работу эту приказано выполнить наемными рабочими на средства из таможенного сбора, и наблюдение за постройкой возложено на селенгинского коменданта бригадира Якобия. При этом для устранения недоразумений с пограничными китайскими властями приказано им «дать знать о том пристойным образом... дабы им без того какая иногда нечаянная тревога не приключилась».

Засим для той же цели в феврале 1744 года³⁶⁰ установлены также особые клейма, без которых ни покупать, ни продавать китайские товары не дозволялось; печатание этими клеймами должно было производиться в Кяхтинской таможене, и клейма должны были быть сургучные. Все китайские товары без упомянутых клейм должны были отбираться в казну. Кроме сего, на постах в Кяхтинской таможене и в Верхотурье товары должны были поверяться по выписям и по клеймам, не разбирая тюков. Это последнее обстоятельство служит вполне точным доказательством,

что Сибирь для товаров китайской торговли являлась только транзитным путем, а не потребителем.

Для облегчения российских купцов, торговавших в Кяхте, 29 апреля 1754 года³⁶¹ состоялся указ, коим дозволено им уплачивать пошлину в Кяхтинской таможене не деньгами, а векселями, за поручительством, с обязательством произвести уплату в течение полугода, — в прочих же сибирских таможнях: Цурухайтуевской, Ямышевской, Семипалатинской и Верхотурской «по малочисленному в оных пошлин сбору» — векселей не брать и требовать уплату пошлин деньгами.

Сопоставляя это распоряжение со сведениям о количестве таможенных сборов в Сибири, которое помещено в указе от 20 декабря 1753 года³⁶² (коим уничтожены внутренние таможни), надо думать, что пошлинный сбор на Кяхтинской таможене достигал суммы свыше 50 000 руб., так как весь пошлинный сбор со всех сибирских таможен показан в 112 270 руб.

В августе 1754 года³⁶³ учрежден штат Кяхтинской таможни в следующем составе:

Директор таможни	1.
Цальнер.....	1.
Бухгалтер.....	1.
Канцеляристов	2.
Копиистов.....	4.
Переводчик.....	1.
Сторожей	2.

Цальнер назначается из московского купечества.

Кроне сего назначены: выборные от московского купечества, 4 лоретных и 8 целовальников.

В 1756 году³⁶⁴ добавлен еще другой директор, для того, чтоб в случае заболевания одного деятельность таможни не прекращалась.

С царствования Елизаветы Петровны кяхтинский путь хождения караванов взял окончательный перевес над нерчинским, и торговое значение стало падать соответственно росту Кяхтинской слободы, но зато Нерчинск сделался средоточием горнозаводской администрации Забайкалья.

Первый казенный караван в царствование Императрицы Елизаветы и четвертый после посольства Измайлова стал снаряжаться в Москве в силу именных указов Сенату от 12 и 21 сентября 1739 года³⁶⁵. Директором каравана назначен Ерофей Фирсов, ходивший в Китай в качестве помощника Ланга с предшествующим караваном. Этот караван пробыл в Иркутске целый год, ведя переписку с пограничными китайскими властями о пропуске, в мае 1741 года прибыл на Кяхтинский форпост и по осмотре селенгинским комендантом бригадиром Якобием, — 9 июня перешел границу и прибыл в Пекин 24 сентября³⁶⁶. Торг начался с 23 октября, а 20 апреля 1742 года караван выступил обратно и прибыл в Кяхту 21 июля 1742 года.

С этим караваном, как и с предшествующим, китайцы поступали придирчиво и всячески стесняли продажу товаров.

Следующий казенный караван снаряжен по распоряжению Сибирского приказа, состоявшемуся 5 марта 1744 года³⁶⁷, и вручен директору Герасиму Лебратовскому, который прибыл с караваном в Иркутск 3 февраля 1743 года и повел переписку с китайскими пограничными властями о пропуске, который получил в конце лета, и только 1 сентября мог перейти границу, а в Пекин прибыл 27 ноября. Дела этого каравана шли чрезвычайно плохо; Лебратовский, как Фирсов и Ланг, доносил, что торговлю нельзя признать свободной, что «к российскому двору, под видом якобы охранения определены по четыре человека заргучеев», которые постоянно сидят на переднем дворе у ворот и осматривают

всех приходящих с товарами, а также уходящих с товарами, купленными у наших купцов, и лучшие отбирают «и тем купечество от караванного торга весьма отбивают». Доносит, что китайские пристава держат караваны на откупу и берут с китайских покупателей плату за право покупать на русском дворе товары. Наконец, купцы русского каравана на ночь запирались приставами, которые уносили с собой ключи от ворот, и около торгового двора было расставлено до 1000 караульных солдат. При выходе наших купцов днем для продажи или для покупки товаров они сопровождались непременно солдатом, который препятствовал продаже и купле. Донесение свое Лебратовский заканчивает так: «и впредь никакой от них (китайцев) пользы, по их лукавым поступкам, ожидать караван не может»³⁶⁸.

Вслед за сим в начале 1753 года вновь снаряжен казенный караван, который вручен Алексею Матвеевичу Владыкину, бывшему учеником в пекинской школе. С известием о движении этого каравана отправлен курьером прапорщик Якобий, сын бригадира Якобия, селенгинского коменданта. Якобий выехал из Кяхты 7 июля 1754 года и прибыл в Пекин 27-го; затем, получив ответный лист 20 августа, он выехал 21-го числа и прибыл в Кяхту 24 сентября³⁶⁹.

Караван выступил из Кяхты 15 сентября и прибыл в Пекин 23 декабря; с 26 января 1755 года начался торг, окончившийся к июню месяцу, и 4 июня караван выступил обратно в Кяхту, куда прибыл 5 сентября³⁷⁰. С этим караваном прибыл из Пекина ученик Сахновский, назначенный переводчиком в Кяхтинскую таможню.

Из донесения Владыкина видно, что содержание каравана в пути было удовлетворительное и распродажа товаров производилась с успехом, «но в платеже китайцами денег не малое встречалось затруднение и неудовольствие».

Затем он доносит, что с принятием в подданство до 10 т. джунгаров, перекочевавших в Китай, спасаясь от контайши, китайцы «отменно себя против России гордыми являют». С Владыкиным китайский трибунал отправил в Сенат три листа, из коих в одном жаловался на Владыкина, который своим поведением, упрямством и придирчивостью из корыстных видов навлек на себя неудовольствие богдыхана, и трибунал просил впредь не назначать начальниками караванов людей, бывших учениками в пекинской школе.

Засим китайский торг прекратился на долгое время вследствие возникновения недоразумений по разным пограничным вопросам о невыдаче русскими властями джунгарских зайсангов, принявших русское подданство, а также Серена, перекочевавшего на Волгу с 10 т. кибиток киргизов.

Торговый пункт в Цурухайту оказался неудобным, во-первых, потому, что самый посад заливался водой «и впредь от потопа к спасению безнадежный», а во-вторых, и потому, что слобода эта признавалась «неспособной» как русским, так и китайским купечеством³⁷¹. Еще вице-губернатор Жолобов открыл новую заставу в деревне Ночинской, которая не могла быть признана торговой слободой, потому что находилась далеко внутри страны. В инструкции Бибикову при назначении его вице-губернатором в Иркутскую провинцию указом Коллегии иностранных дел от 9 июня 1736 года предписано выбрать вместо Цурухайту другой пункт, хотя бы по указанию Ланга в урочище при устье р. Турги, впадающей в р. Онон. Но этот другой пункт не находился, и через 20 лет, 29 января 1756 года, сибирский губернатор Мятлев получил указ Коллегии иностранных дел о перенесении Цурухайтуевского форпоста на другое лучшее место «и построить оное с надлежащим укреплением».

Кяхтинская торговля, завязавшаяся со времени учреждения форпоста, прерывалась по распоряжению китайских властей несколько раз и на нижепоказанные сроки: в 1744 году — 17 дней; в 1747 — 3 дня; в 1751 — 2 дня; в 1753 — 5 месяцев и 2 дня; в 1756 году — 1 месяц и 7 дней; в 1759 — 11 дней; с 1762 по 1768 — 7 лет; в 1775 году — 3 дня; с 1778 по 29 апреля 1780 года — 2 года и 13 дней; с 1785 по 24 апреля 1792 года — 6 лет 11 месяцев и 23 дня³⁷².

К числу предметов китайской торговли, имевших большой сбыт контрабандным путем, относится китайский табак, называвшийся «шар». С 1748 года³⁷³ сенатским указом от 24 октября табачный сбор в Сибири сдан на откуп московскому купцу Матвееву с товарищами за 48 891 руб. 6 1/2 коп. в год, — причем товариществу вменялось в обязанность покупать малороссийский табак и продавать не дороже двойной цены покупной стоимости оного со всеми накладными расходами и непременно только в городах и острогах, на гостиных дворах и в рядах, отнюдь не вывозя оного в ясачные волости для вымена на мягкую рухлядь. Кроме сего, товариществу дозволялось приобретать и китайский табак «шар» для продажи иноверцам. Эта монополия развила в Забайкалье контрабандную торговлю китайским табаком и для прекращения кормчества в распоряжение компании приказано давать обер-унтер-офицеров и солдат; штрафные деньги поступали в распоряжение Матвеева, и кроме сего он и его приказчики получали право пользоваться ямскими подводами за двойные прогоны. Местные власти обязывались оказывать содействие всем служащим у Матвеева. Несмотря на подрыв этой торговли контрабандным табаком, дела Матвеевского товарищества в Сибири шли очень хорошо, так что в 1753 году он уже уплачивал в Сибирский приказ 63 662 руб. 61 коп. в год.

В 1756 году³⁷⁴ в Восточной Сибири продажа вина сдана на откуп, и с этого же года появился винный откуп и в Забайкалье, причем вино должно было продаваться по 2 р. 23 1/2 коп. ведро, а в чарочной распродаже — по 2 руб. 33 1/2 коп. С 1760 года³⁷⁵ в Иркутской провинции, а следовательно и в Забайкалье, винный откуп сдан на 6 лет генерал-майору Глебову за ежегодный взнос в 58 000 руб.

Кроме доходов с откупов винного и табачного Забайкалье доставляло некоторый доход Правительству еще соляной пошлиной.

Оказалось полезным для правительства Забайкалье и в деле покупки китайского золота. Необходимость в металлической валюте побуждала правительство изыскивать всевозможные способы к приобретению благородных металлов, и как золото в это время в России не было еще открыто, а серебро добывалось в незначительном количестве, то казна должна была приобретать эти металлы на стороне и покупать таковые на персидской границе, в портах и в Китае, «а в сибирскую губернию, к иркутскому вице-губернатору Лангу писать же, чтоб он на китайской границе и в других тамошних местах потому ж старался ханское серебро сколько возможно покупать и за такие товары, которые там в продаже, выменивать»³⁷⁶. Впоследствии комиссар Свињин, проживавший в Кяхте и заключивший договор с бухарцем Мурат-Багимом о поставке ревеня, заключил с ним же секретный договор о поставке также и золота³⁷⁷.

О количестве торговых оборотов в Кяхтинской слободе можно заключить из того факта, что Кяхтинская таможня, как видно из указа от 18 мая 1761 года, могла без затруднения выдавать Иркутской канцелярии по ее требованиям по 60 000 руб. в год.

ГЛАВА XX

Горнозаводское дело в царствование Елизаветы Петровны. Указ 3 апреля 1756 года о размножении Нерчинских заводов. Подчинение Нерчинских заводов Монетной канцелярии. Указ от 17 сентября 1761 года об устройении Нерчинских заводов и назначении начальником оных бригадира Суворова. Количество свинца и серебра, добывавшееся в Нерчинских заводах. Недоразумения с китайскими пограничными властями. Кяхтинская комиссия по разбору жалоб. Пререкания Сената с трибуналом по неудовлетворению жалоб пограничного населения. Охлаждение в сношениях трибунала с Сенатом с 1756 года. Курьер Стрекалов.

В царствование Императрицы Елизаветы Петровны горнозаводское дело в Забайкалье до 1750 года развивалось весьма слабо, хотя было открыто несколько новых рудников; так, в 1745 году — открыт Благодатский, в 1747-м — Ново-Воскресенский и Второ-Троицкий, и добыча серебра увеличилась до 20 пудов³⁷⁸. С 1751 года количество добываемого серебра достигло цифры свыше 70 пуд. Это последнее обстоятельство и побудило правительство обратить внимание на усиление разработки рудников в Нерчинском ведомстве, и 3 апреля 1756 года³⁷⁹ состоялся указ о размножении Нерчинских и других серебряных заводов в Сибири, кроме Колывано-Воскресенских, находившихся в ведомстве кабинета Ее Императорского Величества.

Очевидно, что в 1758 году Забайкальские серебряные рудники не составляли собственность Императорского кабинета.

Упомянутым указом Сенат постановил:

1. Для управления Нерчинскими заводами образовать особую экспедицию.

2. К состоящим на заводах 2182 душам приписать еще 2868 душ.

3. На содержание заводов ежегодно отпускать 60 000 руб. вместо прежних 10 000 руб.

4. Нерчинское золото и серебро высылать в Петербург, на Монетный двор, для разделения, и употреблять таковое для покупки иностранных благородных металлов.

5. Для караулов и посылок учредить при Нерчинской экспедиции роту с должным числом офицеров и унтер-офицеров, которую выслать из Екатеринбурга немедленно.

6. Вдобавок к 285 рабочим, состоящим при Нерчинских заводах, дослать рекрут 715 человек.

7. Достраивать Уровский завод крестьянами, приписанными к заводу.

Главное наблюдение и распоряжение в Нерчинской экспедиции возложено на иркутского вице-губернатора генерал-майора Вульфа; непосредственное же заведование делами и работами на заводах в качестве специалиста в горном деле возложено на ассессора Нерчинских заводов, банир-маркшейдера Иона в звании обер-бергмейстера, с жалованьем в 600 руб. Приборный мастер (Лейман) выслан из Москвы с жалованьем в 400 руб.

Кроме перечисленных лиц определено иметь горных офицеров, разведчиков руд, приказных служителей, уставщиков для руководства работами и отделения серебра от свинца, «также пох и ваштейгеров в искусстве известных и надежных».

Для увеличения числа охотников искать руду предположено увеличить плату находящим таковую.

В дополнение к упомянутому распоряжению 14 ноября 1757 года³⁸⁰ состоялся указ о выделении Нерчинского заводского управления из ведения Берг-коллегии, с подчинением оного Монетной канцелярии. Главным начальником над заводами поставлен коллежский советник Клейман, командированный из Екатеринбурга, с непосредственным подчинением оного Берг-коллегии и Шлаттеру, главному судье Монетной канцелярии и притом в звании обер-берг-мейстера, генерал-майору Вульффу тех дел уже не ведать, а остаться при прежней должности».

Результатом этих мер было открытие новых рудников: в 1757 году открыт Падиносский рудник; в 1760-м — Михайловский, в 1761-м — Воздоянский, Воздвиженский и Килчинский³⁸¹. Вследствие большого количества добываемых руд явилась необходимость в устройстве новых заводов, и в 1760 году основан Дучерский сереброплавильный завод, в 5 верстах от впадения р. Колунчи в нижнюю Борзу. Завод этот назывался также Колунчинским и Борзинским и окончен постройкой в 1763 году.

В 1760 году, по соединении Монетной канцелярии с Берг-коллегией, президентом которой назначен главный судья Монетной канцелярии Шлаттер, Нерчинская экспедиция в Петербурге закрыта и Нерчинские заводы вновь подчинены Берг-коллегии³⁸².

В 1761 году, указом от 17 сентября³⁸³, для устройства Нерчинских заводов командирован бригадир Суворов, произведенный в этот чин из капитанов лейб-гвардии; одновременно с назначением на него было возложено начальствование «назначенными к поселению там» одним

регулярным и четырьмя казачьими полками, с предоставлением права судить военным судом, посылая приговор на конфирмацию в военную коллегия.

Назначение Суворова состоялось на 8 лет, с выдачей ему двойного жалованья. Последнее обстоятельство вызвано большой дороговизной в крае, и в указе сказано: из представления Берг-коллегии от 11 июля 1761 года об усилении жалованья служащим в Нерчинских заводах «между другим прописано, яко по тамошней дороговизне провианта и всего потребного к содержанию человеческому, там холостые мало женятся, а женатые с прежних мест жен к себе не берут, а у коих жены и дети там есть, те беспрестанно приходят жалуются, что они с женами и детьми голод терпят, нижним же работникам оклад жалованья до учиненного перед сим штата был по 12 руб. в год человеку, а ныне к тому штату дается по 18 рублей в год на человека, но и та 18-рублевая сумма гораздо меньше как каторжному так на провиант, платье и обувь выйдет». Вследствие изложенного в представлении, всем служащим на Нерчинских заводах впредь до особого распоряжения приказано выдавать двойное жалованье.

Бригадир Суворов поставлен «под особое ведомство Правительствующего Сената», а относительно выплавки серебра он должен был доносить в Сенат только для сведения.

В 1761 году³⁸⁴ по представлению Суворова жалованье лекарю и аптекарю, назначенным на Нерчинские заводы, установлено в тех же размерах, как и на Кяхтинском форпосте, а именно: аптекарю — 500, а лекарю — 360 руб. в год.

До 1748 года, то есть до устройства Кольвано-Воскресенских заводов, из Нерчинских заводов свинец выво-

зился в Барнаульские, но «понеже ныне на Колывано-Воскресенском заводе вышеписанного Нерчинского и своего свинцу, добытого там на расплавку серебра, будет довольно», 10 марта упомянутого года³⁸⁵ приказано прекратить вывоз свинца с Нерчинских заводов.

25 февраля 1752 года³⁸⁶ повелено нерчинское серебро, для выделения из оногo золота, присылать в Петербург. Из указа видно, что в 1749 году из Нерчинска в Москву на Монетный двор доставлено 155 пудов 31 фунт 38 1/2 золотников, а при пробном разделении серебра от золота в 2 пудах, — разделение это оказалось убыточным, что и вызвало распоряжение о направлении в Петербург как нерчинского, так и колывано-воскресенского серебра, с оплатой расхода за провоз из Берг-коллегии. При разделении серебра от золота в 84 пуд. 21 золотника серебра, высланного из Нерчинска в 1751 году, по указу от 16 мая 1752 года³⁸⁷ повелено присутствовать члену от Берг-коллегии «для сумнительства»; это серебро должен был сплавлять советник Шлаттер, а для пробы вынимать из горшка «с обретающимися на Монетном дворе минц-мейстером и минц-пробирером»; два золотника из этого серебра должны были быть переданы для пробы в Берг-коллегию. О результате пробы член Берг-коллегии вместе с советником Шлаттером должен был подать в кабинет Ее Величества рапорт.

В видах споспешествования сереброплавильному и вообще горнозаводскому делу, в 1784 году³⁸⁸, в подтверждение прежде бывших указов, снова объявлено: в Сибирской губернии и Иркутской провинции всем желающим искать руды и камня дается разрешение производить изыскания на всех землях и добывать всякие металлы: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, а также и минералы:

селитру, серу, купорос, квасцы и «всяких красок камня», о найденных рудах и желании строить заводы приказано объявлять в Сибирскую губернскую и в Иркутскую правительственную канцелярию, а также местному горному начальству, которое должно оказывать всякое содействие к скорейшему решению дела.

Но эта мера не достигала желанных результатов и частные заводчики не появлялись, потому что начальство делало прижимки, а казенные заводы не развивались вследствие злоупотреблений начальствующих. Так, в указе от 3 апреля 1756 года³⁸⁹ о приведении в лучшее состояние Нерчинских заводов, между прочим, говорится: «Что же касается до присланных в Сенат от действительного статского советника Щербанова, а потом и из Берг-коллегии, об отправлении в Нерчинск для исследования о тамошних непорядках и прочего асессора Алексеева с командою, и об отысканных по Нерчинским заводам обстоятельствам доношений, оные для рассмотрения и о надлежащем учинении и т.д.». Из приведенного указа видно, что в Петербурге, в ведомстве кабинета Ее Императорского Величества имелось в наличности нерчинского серебра, по разным пробам, чистого, с тем, что отдано для раздела, — 450 пуд. 11 фун. 2 золот., по передельной цене на 355 691 р. 93 коп.; чистого золота, с тем, которое, по примерной пробе, находится в разделе — 1 пуд 28 фунтов, 52 золотника, по передельной цене — на 14 022 руб. 81 коп.

Если предположить, что в показанном числе пудов серебра включены 155 пудов, привезенных в Петербург в 1751 году, то окажется, что за каждое из последних четырех лет, то есть за время с 1752 по 1756 год, должно было добываться на Нерчинских заводах около 74 пудов серебра. Но серебро это было низкой пробы и не могло идти на чеканку

монеты в установленную законом 77-ю пробу без добавки чистого серебра, приобретаемого вольной покупкой, как это усматривается из указа от 15 марта 1744 года³⁹⁰.

Для довершения очерка о Забайкалье в елизаветинский период остается упомянуть о недоразумениях между пограничными нашими и китайскими властями, которые не прекращались с самого утверждения Буринского трактата. Главным поводом для этих недоразумений были перекочевки к нам монголов. Для улажения упомянутых недоразумений в 1739 году назначен съезд в Кяхте, на который с русской стороны отправлен майор Налобурдин³⁹¹. Комиссия эта, не покончив спорных дел, разошлась в 1743 году. Главнейшим основанием для упомянутого съезда послужили нижеприводимые поводы.

Монголы, недовольные китайскими властями, после буринского трактата стали перекочевывать в Забайкалье большими толпами, и хотя наши власти возвращали их назад, употребляя иногда и вооруженную силу, но они снова переходили к нам и некоторые оставались, как напр. те, которые осели в Окинских вершинах в 1735 году. Кроме сего, на границе не прекращалась взаимная, с обеих сторон, кража скота. Перекочевка к нам монголов прекратилась с начала сороковых годов, то есть с ухудшением отношений между Сенатом и китайским трибуналом, и с этой же поры усилилась кража скота монголами. В 1745 году Иркутская канцелярия доносила в Иностранную коллегию, что монголы крадут скот беспощадно и что китайские власти их за это не преследуют. Между тем наши власти за кражу скота у монголов карали сильно; так, в 1750 году комендант Якобий, представляя о тунгусе Мудунге³⁹², замеченном в краже лошадей у китайцев уже в третий раз, доносил, что так как монгольские начальники своим вора́м ничего не делают, то

и он признает возможным не предавать Мудунгу смертной казни, а наказать его кнутом. Коллегия это представление одобрила, и в 1751 году³⁹³ она снова подтвердила, «чтоб смертную казнь за кражу не чинить, а воров наказывать кнутом и китайцам их фамилий не сообщать, но в покраденном удовлетворять».

Переписка по поводу выдачи перебежчиков и удовлетворения в покраденном, в связи с другими пограничными вопросами, при невозможности полного и скорого удовлетворения по многим из них, приняла вскоре острый, напряженный характер.

В марте 1752 года Сенат, отвечая трибуналу, благодарившему за высылку китайца Ушия, жаловался, основываясь на донесении иркутского вице-губернатора, на непринятие китайскими начальниками на Кяхтинском и Цурухайтуевском форпостах никаких мер к прекращению грабежей и воровства монголов, и оставивших без ответа 122 требования с российской стороны,— на неистребование китайскими властями 17 324 рублей долговых денег и на невысылку 65 900 лошадей и разного покраденного скота. Для устранения таких несправедливостей Сенат просил: а) возвращать беглых, б) комиссарами на границу назначать китайцев, а не монголов, в) усилить караулы с китайской стороны в местах, где происходит наибольшая кража, г) учредить новые караулы на р. Аргуни и д) удовлетворить за смертоубийство тунгуса Ивана. Ответ трибунала был таков: 1) если вновь учредить караулы на р. Аргуни, то надлежит вновь заключить договор. 2) О тунгусе Иване русские люди толкуют по злобе, забыв, что они убили 8 монголов. 3) Что касается прекращения грабительства и неокончания дел, то таковых упущений более на стороне русских, чем на стороне китайцев, а что касается денежных долгов,

то это не государственное дело, а частное, купеческое, да к тому же таких купцов, которые воровски торг производят. 4) Сенат должен приказать пограничным управителям быть справедливыми, судить бескорыстно и вершенных дел не поднимать, и 5) Для окончания дел трибунал обещал выслать честных и искусных комиссаров и просил Сенат выслать также людей достойных³⁹⁴.

Долгое время также велась переписка по поводу сперва казни, а потом розыска двух преступников: солдата Селивана Уфимцева и дьячка Сажина, убивших в 1742 году на Кяхте пьянствовавшего вместе с ними одного китайца. Так, еще в 1750 году в одном из листов в Сенат о выдаче этих преступников китайский трибунал писал: «В прошедшее время нескольких мунголов за то только, что они против россиян стреляли³⁹⁵ и несколько скота покрали, немедленно приведши в Кяхту, смертью казнили, а российские преступники за смертоубийство не токмо до сего времени не казнены, но еще и упущены из-под стражи, от чего впредь при границах никакой тишины быть не может».

Требуя наказания убийц, китайский трибунал не принимал, однако, мер ни к прекращению, ни даже к сокращению разбоев на границе.

По донесению сибирского губернатора Мятлева, в 1755 году монголы, разбойничая в пределах Забайкалья, убили 3 тунгусов, ранили 5 человек и отогнали 1464 лошади, 140 штук рогатого скота и 35 верблюдов. Затем он же извещал, что 23 февраля 1756 года 600 вооруженных монголов напали на русский караул и тунгусов при впадении р. Иситкуля в р. Онон и разграбили 61 юрту, убив несколько человек. На требования селенгинского коменданта Якобия о возмездии пограничный монгольский владелец

Тушету-хан ограничился только сообщением, что он приказет удерживаться от таковых разбоев³⁹⁶.

Несмотря, однако, на столь сильные пограничные беспокойства, курьеры наши еще свободно проезжали в Пекин. Так, в 1753 году был отправлен в Китай Василий Братищев, повезший три грамоты от Сената к трибуналу и имевший, в числе прочих поручений, стараться побудить трибунал отправить посольство в Россию. Очевидно, русское правительство еще не сознавало всей силы охлаждения, установившегося в сношениях со стороны китайского трибунала. В одной из грамот, отправленных с Братищевым, Сенат просил о пропуске судов по р. Амуру для доставки припасов в Удский острог; в другой передавалось сообщение, что солдат Уфимцев и дьячок Сажин оба погибли в Баунтовском озере и что нет нужды договариваться вновь о границах по р. Аргуни, а надлежит только учредить караулы для не пропуска воров и разбойников; а в третьей Сенат уведомлял, что начальник последнего каравана, Владыкин, за дерзости, нанесенные трибуналу, будет жестоко отвечать, и при этом Сенат просил принять в пекинскую школу учеников³⁹⁷.

Но когда война с джунгарами приняла благоприятный для китайцев оборот и многие джунгарские зайсанги и разбитый китайцами владетель Джунгарии Амурсона бежали в пределы России и приняли русское подданство, то резкость китайского трибунала в сношениях с Сенатом приняла такие размеры, что Сенат должен был уразуметь действительную степень разрыва и изменить тон переписки. Еще до прибытия Амурсоны в Россию, в конце 1756 года³⁹⁸, трибунал прислал в Коллегию иностранных дел три листа, из коих в одном, о выдаче зайсангов, заканчивает

так: «смотрите, чтоб за малое число таких подлых перебежчиков не повредилось мирное наше согласие», а в листе, в котором трибунал сообщает, что по донесению амурского генерала Чалдая, российские подданные «наморцы» переходят за форпосты большими партиями, разоряют китайцев и увели 2500 лошадей, 130 верблюдов, 80 штук рогатого скота и при этом убили 8 человек и ранили 15, — трибунал просит назначить следствие и произвести удовлетворение. «А буде Сенат сего дела не поставит и упустит без всякого рассмотрения, то произойдут между пограничными вящие раздоры и замешательства и тем повредится взаимное согласие».

Засим вражда развивалась быстро. В 1757 году курьер капитан Замошников, посланный из Кяхты в сентябре 1756 года³⁹⁹, привез в Сенат жалобы трибунала на укрывательство Амурсоны и бежавших зайсангов, а также на то, что селенгинский комендант Якобий отказался от разбора жалоб на наморцев, когда для этой цели были высланы на границу двое вельмож, и требовал решительно удовлетворения. А когда вслед за сим к китайцам попал обоз Амурсоны и в числе бумаг его оказалось два письма от русских начальных людей, в коих он приглашался принять русское подданство, а затем в 1757 году Амурсона умер в русских пределах, то трибунал начал угрожать явным разрывом и это тотчас же отразилось на настроении монголов, ставших в крайне враждебные отношения к русским, так что посылка курьеров через Монголию сделалась небезопасной. Так, Сенат, не желая доводить дело до окончательного разрыва, пытался смягчить недоразумения посылкой нового курьера, для каковой цели был командирован капитан артиллерии Стрекалов, бывший флигель-адъютант фельдцейхмей-

стера Шувалова. Стрекалов прибыл в Селенгинск 31 января 1760 года⁴⁰⁰; не встретив здесь сибирского губернатора Соймонова, не был пропущен дальше, так как, по заявлению селенгинского коменданта Якобия, между китайцами и монголами замечается очень сильное возбуждение; грамоты же Сената были пересланы в Пекин через монгольских начальников. Оставшись в Кяхте, Стрекалов принял от Владыкина заведывание Кяхтинской таможней.

Следующий курьер отправлен в Пекин уже по воцарении Императрицы Екатерины II, в 1762 году.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Инструкция графу Савве Владиславичу

Данное ему наставление⁴⁰¹ сими изображено статьями:

1. Для усмотрения, в каком состоянии ныне дела между Российским и Китайским государствами, сообщаются ему, посланнику, копия с статейного списка бывшего в Китае посланника Измайлова и перечень о претензиях китайских.

2. Сообщается перечень с реляции агента Ланга, касательно бывших в Селенгинске между ним и двумя китайскими министрами разговоров о разграничении земель, о беглецах, о пресечении несогласий и о караване российском.

3. Поручается ему верующая грамота для восстановления доброго между обоими Дворами согласия и свободного отправления купечества.

4. Дается полная мочь о всех несогласиях и домогательствах дружески согласиться на объявленном в сей инструкции основании.

5. Дабы в разграничении земель, яко в главнейшем деле, не могло быть остановки, определяются к тому особливые комиссары Колычев и Власов, коим оное дело производить с китайскими комиссарами, следуя во всем его, посланника, наставлению.

6. Для скорейшего, в Китай, его, посланника, и российского каравана, пропуска велено агенту Лангу дать знать о сем китайскому двору.

7. Для охранения пограничных сибирских городов и земель, а паче во время межевания, посылается с ним полковник Бухгольц в полное его, посланника, ведомство, и им обоим ехать чрез Москву в Сибирь с возможным поспешением.

8. В бытность его в Сибири разведать ему о неразграниченных окольных местах, описав оные с положением на карту и изъяснив, нужны ли оные для России? О перебежчиках, об обидах и о прочих старых и новых пограничных ссорах с китайцами.

9. Приближаясь к китайским границам, обвестить ему о своем приезде тамошних пограничных управителей, изъяснив им причину своего посольства, и просить о принятии своем с подобающею честью и об отправлении без задержания в Пекин его и каравана с товарами.

10. В случае несклонности китайцев на взятие каравана можно ему и без того ехать, а по приезде своем в Пекин исходатайствовать оному пропуск.

11. А в случае непропуска и самого в Пекин за неразграничение доселе земель и за неотдачу перебежчиков, отозваться ему к министрам китайским, что честь и слава их Богдыхана требует решить сии дела ныне в Пекине.

12. Получа же дозволение о пропуске своем, оставить ему определенных для разграничения земель комиссаров на границе, а самому ехать туда, где находится Богдыхан.

13. Прибыв в Пекин, требовать о принятии себя по его чину, без всякого чести монаршей предосуждения.

14. Не допускать, чтобы в приеме его у Богдыхана какая-либо воспоследовала отмена противу посланника Измайлова, но стараться ему, яко чрезвычайному и полномочному министру, увеличить свою честь, ссылаясь на иезуитов, совершенно знающих, с какою честью Цезарь и другие

европейские державы российских приемлют министров; одним словом: трудиться ему в сем деле, сколько можно; а довольствоваться тем, что получить возможно.

15. Сообщив китайским министрам копию с верующей грамоты, домогаться, дабы ответная на оную прислана была с ним без предосуждения чести в титулах Российской монархини.

16. На аудиенции у Богдыхана сказать пристойную речь, поздравя его с принятием наследственного престола и обнадежив содержанием дружбы и доброго согласия.

17. То же объявить ему и на конференциях с китайскими министрами.

18. Предлагаая им паче всего о взаимной свободе торгов, о пропуске и вывозе ежегодно разных товаров повольною ценою.

19. В случае затруднения в пропуске каравана по причине даемых с китайской стороны оному подвод согласиться российскому каравану и купцам ездить на своем иждивении и кормах и быть там без определения времени, пока управятся торгом; но для почтения монаршей чести послам и гонцам с обеих сторон давать подводы и кормы.

20. Для удержания российских купцов от всяких непорядков дозволить остаться в Пекине российскому агенту или консулу.

21. На случай, ежели бы китайцы не склонялись на отправление коммерции за нерешением дел о разграничении и за неотдачей перебежчиков, предоставить им:

22. Что дело о перебежчиках кончено; ибо явившиеся по следствию 84 человека перебежчиков отданы уже в китайскую сторону, да и впредь таковые же отсылаемы будут.

23. В случае же усиленного китайцев домогательства об отдаче всех остальных перебежчиков, представить, что хотя

в тех людях и никакой для России нужды нет, но оных возвратить непристойно для того, чтоб не нарушить мирного нерчинского договора.

24. Равным образом, ежели сыщутся российские перебежчики в китайской стороне, о возвращении оных ему, посланнику, домогаться; но

25. В случае упорного сих беглецов китайцами защищения оное дело так оставить.

26. По делу разграничения земель нужно ему получить в Сибири известия, какие разграничены и какие не разграничены места? где точные границы российской и китайской земли? на которые именно земли китайцы чинят домогательства? чьего оные прежде были владения? И всему сему иметь ему прямую карту с подлинным описанием, а до получения оной

27. Стараться вдаль отводить оное разграничение, представляя,

28. Что хотя ни китайскому, ни российскому двору нет пользы в отдаленных и пустых местах умножать свое владение, однако для спокойного обоих государств подданным пребывания нужно прежде всего обоим дворам иметь пред глазами описание, или достовернейшую всем неразграниченным землям карту, на которой основываясь, решительное учинить определение.

29. Ежели сие средство китайцы примут, то предписать комиссарам вступить в таковое земель описание.

30. Ежели же не примут, то подтвердить с обеих сторон разграничение, нерчинским договором учиненное.

31. Когда же и на сие не согласятся, а будут требовать именного описания и решительного о границах постановления, то о неразграниченных землях учинить ему по своему усмотрению, не отдавая, однако, в китайскую

сторону тех мест, в которых имеются российские города и крепости.

32. На чем положено будет о сем пограничном деле дать знать пограничным российским комиссарам.

33. Ни на какое упорное китайцев требование в уступке им из российских селений не соглашаться, отзываясь неимением на то Высочайшего повеления.

34. Посланнику Измайлову было предлагаемо о снесении городов Амунакана, Селенгинска, Удинска и Нерчинска; а как уповательно, и ему, графу Владиславичу, тоже сказано будет с уверением, будто река Ангара в стороне российской пограничная, то сию ложь всячески ему опровергать и доказывать, что все реки, в Ангару и в Байкал текущие, составляли всегда правую сторону российского владения.

35. На построение на реке Иртыше китайской крепости отнюдь не склоняться.

36. Не допускать, дабы, при зачатии ссор о неразграниченных местах, российский караван мог оставаться в Пекине.

37. Восстановление и утверждение в Китае российского купечества имея он за один из наиглавнейших пунктов его комиссии, трудиться должен со всею ревностью, наилучшим образом сие окончить дело стараясь,

38. Чтобы иезуиты ему, посланнику, в сем деле помогли, обещая за это не только письма их, но и их самих в Китай и обратно чрез российские пропускать земли.

39. Известительную о кончине Государя Петра I и о вступлении на престол Ее Величества грамоту подать ему на приветной у богдыхана аудиенции.

40. Подарки богдыхану поднести пристойным образом и разведать, приятно ли оные приняты будут? Посланные

же с ним на раздачу 3000 руб. употреблять с запиской в расходную книгу.

41. Находящегося в Селенгинске агента Ланга взять ему с собой в Пекин для вспомоществования в делах; и ежели дозволено будет остаться ему в тамошнем государстве, то и верующую на его имя грамоту отдать ему, Лангу.

42. Для переписки о нужных делах употреблять ему цифирную азбуку, каковою производить переписку как с комиссарами и с полковником Бухгольцем, так и с агентом Лангом.

43. Находящегося в Селенгинске епископа Иннокентия Кулчицкого (не объявляя о его епископстве) взять с собой в Пекин со всеми при нем духовными особами; а при выезде своем из Пекина стараться ему, посланнику, чтоб оный епископ оставлен был там и дозволено бы было ему отправление божественной службы и невозбранное помещение тех в китайском государстве мест, в коих обитают люди российского закона; также испросить место на построение церкви.

44. В случае же усматриваемого китайцами подозрения в пропуске оного епископа и несклонности их к тому, оставить его при границе; и

45. О несообщении никому тайностей о делах государственных: памятовать ему, посланнику, запрещающий сие 13 января 1724 года указ.

**Тайные статьи графу Владиславичу
от Коллегии иностранных дел**

К сей генеральной инструкции, 14 и 21 сентября, прибавлены еще следующие секретные пункты: а) осмотреть ему, Владиславичу, китайские города и их местоположение

и осведомиться о числе войска, в оных находящегося; об укреплении и правителях оных городов; о изобилии китайских земель; о расстоянии одного города от другого; о местечках, озерах, деревнях, степях и лесах. б) Описать образ китайского правления, число войска, оружие их, артиллерию, смежность их земель с другими, и не имеют ли они с кем ссор или войны? в) О пойманных в 1723 году на границе сибирской и приведенных в Иркутск 14 пленных контайшинцах, коих из Китая двоекратно присылаемые домогались отдачи, имеет он, посланник, поступать по своему благоразумию и по будущим тогда обстоятельствам дел.

Инструкция от Коммерц-коллегии графу Владиславичу

Не преминула и Коммерц-коллегия снабдить его своим наставлением, дав на примечание: 1) агенту Лангу истребовать дозволение, дабы не токмо сам он в Пекине остался, но и подчиненных бы от себя в другие мог посылать города. 2) Ему ж, агенту, дозволено бы было свой дом построить, для складки покупных и получаемых товаров. 3) Ему ж, агенту, и консулам российским испросить от богдыхана привилегию против других европейских государств. 4) Дозволить всем русским купцам внутри и вне Китая с товарами ездить, не определяя числа людей. 5) Им же, купцам, как с китайцами, так и с мунгалами и с прочими тамошними народами свободный иметь торг. 6) Им же нигде не возбранять продажу и покупку врознь и оптом своих и чужих товаров: золота, серебра, камня и золотых парчей, ввозя все оное из китайского царства свободно. 7) Им же чинить краткий и справедливый суд в делах своих и в торговых делах. 8) Зависеть им от одного только российского консула судом и расправой. 9) В проезды их туда и обратно

дозволить им всякий харч, корм и подводы за настоящую покупать цену. 10) Уволить их от всех пошлин и налогов во всем китайском царстве, в покупке и продаже, в приезде и в отъезде. 11) Давать им довольное число провожатых. 12) В случае смерти российского купца в Китае или китайского подданного в России все оставшееся имение должно быть отдано генеральному консулу для сбережения наследникам умершего. 13) Стараться все сии статьи внести в трактат, и оный сохранять ему, богдыхану, и его наследникам. 14) Разведать, какие из русских или иностранных товаров больше бывают в расходе в Сибири? 15) Какая плата за провоз товаров сухим путем и водою, в санях и телегах? 16) Какое с мунгалами можно иметь купечество? какие товары и какою ценою откуда в привозе бывают? и какой там вес, мера и монета употребляются? 17) Чужестранных дворов купцы какие к китайским гаваням привозят и отвозят товары? какая плата за провоз товаров из Пекина в Кантон водою бывает? какой вес, меру и ходячую имеют там монеты? 18) А понеже китайцы всегда с японцами торгуют, надлежит, как возможно, об японском торге и об оном государстве подлинно уведомиться; ибо когда из России будут рекою Амуром ездить, то, наверное, из всех торгов российских сей торг будет прибыльнейший, а особливо ради малых убытков и безопасности в езде, в провозе своих товаров и в вывозе других. 19) Учинить особливую роспись, почем от Москвы до Тобольска, и оттуда до Пекина, во весь год, как сухим путем, так и водою со всякого пуда провоз становится. Напоследок: 20) ежели российский агент останется в Пекине, и он, граф Владиславич, найдет за нужное прибавить от себя к сей инструкции что-либо, сие в его предается волю.

Приложение II

На южной границе Забайкалья караулы против маяков распределены так:

1-й против первых пяти маяков, от Бургутейской сопки до Шербого лугу, на верхнем Чикое — поставлены караулы трех бурятских родов: Цонголова, Ашехабасцкого и Табунуцкого, в 5 юртах с башком; против же последнего 5-го маяка, на правом берегу р. Чикоя деревня, в которой жили кузнецы, в которую назначено 3 служивых людей.

2-й против 6, 7, 8, 9 по 10 маяков (на устьях р.р. Чиктая, Хазая, Аракудюры, Уйлчи, Архадамп-Усу) — поставлены караулы от тех же трех бурятских родов, поселившись против Кудюринского устья, на правом берегу р. Чикоя.

3-й против маяков: 11, 12, 13, 14 и 15 (при впадении Лылеи в Архадаин-Усу, на Убур-Хадаин-Усу; на северной стороне хребта Кумурюн, на р. Куе, против конца гребня Кумурюн; на р. Гунгуртей на конце Кумурюнского хребта) — поставлены караулы от 11 родов хоринских бурят, в 10 юртах, с 2 засулы, с обязательством кочевать по р. Мензе, против Кумурюна в пади.

4-й против маяков: 16, 17, 18, 19 и 20 (на левом берегу р. Онона близь р. Ашанги, на вершине гребня Харягута; при р. Хасулак на северной стороне сопки; на сопке Монко, при р. Бальдже; Кумулейский при р. Бальдже) — поставлены караулы от Сарадульского рода тунгусов, в 5 юртах с засулом, под наблюдением зайсана Гурдбея, и приказано им стоять на р. Больджихон.

5-й против маяков: 21, 22, 23 и 24 (на горе Голданской, на сопке Белзир; на верху гребня по левому берегу р. Кирхун; на вершине хребта Хамо при р. Букукун; Гилбинин-

ский на сопке Баин-Зюрин, при р. Гилбири) поставлены караулы от того же рода тунгусов с обязательством жить на р. Алтане.

6-й против маяков: 25, 26, 27, 28 и 29 (Алтагана, на северной стороне хребта Буюкту; на сопке между р.р. Агацуня и Хармочи; Ниркюру, при р. Газалотой, на хребте; Табун-Тологой на северной стороне сопки Адарга; Хонгору — на той же сопке) — поставлены караулы от Сартильского рода тунгусов, в 5 юртах с засулом, под наблюдением шуленги Интуна, с приказанием жить на р. Керю близь Табун-Толою.

7-й против 30 маяка, Улхуцкого, на бугре подле «самородного камня» — назначен караул от Цамцагинского рода тунгусов, под наблюдением шуленги Хонтона, размещенный по р. Тырне, близь маяка.

8-й против караулов 31, 32, 33, 34 и 35 (на сопке Арабаин-Зирюкена, Убур-Баин-Зюрке-Битукен, на гребне черной сопки; Быркинский, на северной стороне Быркина хребта, Хурцы; Мангут-Нуке на северной стороне конца хребта) — поставлены караулы от Почегатского рода тунгусов, в 5 юртах, под наблюдением Кобу, разместившись близь Мангутского маяка.

9-й против маяков: 36, 37, 38, 39 и 40 (Куль, на сопке, при р. Тургиня; Тсооктойский, на р. Тосоке; Джучинский на гребне сопки Хона; Хорин-Нарасун — на сопке того же имени; Сендурту — на сопке Шара) — поставлены караулы от Ульзуцкого рода тунгусов, под наблюдением зайсана Дугара, в 5 юртах расположившись на р. Учирхубли, близь Хорун-Нарасуна.

10-й против маяков: 41, 42, 43, 44 и 45 (Убур-Токтор на сопке при речке того же имени; Куку-Ишиле — на Черной

сопке; Туркения — на северной стороне хребта того же имени на вершине сопки Туркенеку; Доролго на вершине сопки на верху Цаган-Нора, на западной стороне) — назначены караулы от Огунова рода, с засулом, под наблюдением зайсана Сонома, расположенные на вершине р. Доролу.

11-й против маяков: 46, 47, 48 и 49 (Иламху — на сопке Куку-Тологой; Улинту — на сопке Хаара-Тологой, при р. Ималху; Ирынъ — при той же речке на вершине сопки восточной стороны гребня Оботу — восточнее Ирына, в степи на двух буграх) — поставлены караулы от Баликагирского рода тунгусов, в 5 юртах с засулом, под наблюдением зайсана Бирча, поселенных на р. Имаме, близ маяка Обонту.

12-й против маяков: 50, 51, 52 и 53 (Нипс-Могыдзых; Ципту; Дзеренту — все на вершинах сопки в степи) — поставлены караулы от Уляцкого рода тунгусов, в 5 юртах с засулом, под наблюдением зайсана Шида, размещенные у озера Тара, близ маяка Могыд-Зыка.

13-й против маяков: 54, 55, 56, 57 и 58 (Инк-Тологой; Мунку-Тологой; Акгорхай; Кубельжику; Тарбага-Даху — все на сопках в степи) — караулы от Намяцкого рода тунгусов, в 5 юртах с засулом, под надзором шуленги Гелдуку, размещенные у озера Тарбага-Доху.

14-й против маяков: 59, 60 и 61 (Цаган-Ола; Табун-Тологой и Сокту — все на сопках в степи) — караулы от Челигирского рода тунгусов, в 5 юртах с засулом, под надзором шуленги Умучана, расположенные у озера Халсутая.

15-й против маяков: 62 и 63 (Ирдыни-Тологой и на сопке Абахайту) — караулы от Долоцкого, Номяцкого и Конурского родов тунгусов, под наблюдением шуленги Бугулука, расположившись у реки Аргуни, близ сопки Абахайту, наблюдая вниз по течению р. Аргуни до перевоза против

сопки Хауласту; тут же учрежден караул от нерчинских служивых людей с пятидесятником Димитрием Мыльниковым в том месте, которое назначено для пограничного купечества.

Приложение III

**Выписка из ведомости о знаменах и знаках,
сданных из Читинского окружного склада
в окружной Иркутский склад**

Бывшие у Хоринских инородцев.

Полотна знамен изорваны.

1. На голубой камке, с изображением черною краскою лучезарного сияния и близь одного 5 звезд. Сверху надпись крупными буквами: «Никому не уступают», внизу: «Виват Семпер Август Петр Второй Император Всероссийский», а ниже надпись мелкими буквами: «1727 года дано роду Ашибагайтскому».

2. На красном поле, с теми же изображениями, — с надписью: «1727 года дано роду Кубдуевскому».

3. Такое же с надписью: «1727 года дано роду Цонгольскому».

4. Такое же роду Атананову.

5. То же — роду Бучицкому.

6. На голубом поле такие же изображения, но нельзя разобрать какому роду.

Бывших на китайской границе 4 шестисотенных полков.

7. На красном поле, с изображением черною краскою лучезарного сияния и близь одного 5 звезд, сверху крупными буквами надпись: «Никому не уступать», внизу «Виват

Семпер Август Петр Второй Всероссийский Император», а ниже мелкая надпись: «1727 года дано роду Худеевскому».

8. Такое же — дано роду Харацаевскому.

9. Такое же — не разобрать кому дано.

10. На голубом поле, с теми же изображениями, с надписью: «1728 года, дано роду Худцаевскому».

Бывшего Иркутского гарнизонного полка.

Зеленое, тафтяное, с кистями и серебряною тесьмою, с желтыми наугольниками и вензелевыми, в венках, изображениями Имени Государя Императора Павла I. В середине знамени, в венке, черный двуглавый орел и под ним, по голубому полю, надпись: «с нами Бог», сверху Императорская большая корона.

Бывшего линейного № 13 сибирского батальона.

Тафтяное, поля зеленые; наугольники желтые с вензелевыми изображениями Имени Государя Императора Павла I. В середине, в венке, черный двуглавый орел, под коим, по голубому полю, надпись: «с нами Бог», а вверху изображение Императорской короны.

Доставленные при отзыве управляющего иркутским комиссариатским мундирным магазином Г.М. Новицким, 9 февраля 1800 года, № 138.

В лоскутьях:

1. Образ на тафте, длиною в $2\frac{1}{2}$ аршина, шириною 2 аршина, с изображением на одной стороне Господа Иисуса Христа, а на другой — архистратига Михаила, с пламенным мечом; правее его угодник Св. Николай, а левее — Св. Сергей. Над ними в облаках Господь Вседержитель.

2. В лоскутьях. Образ на тафте, величиною $1\frac{3}{4}$ аршина, с изображением, на зеленом поле, двуглавого орла, венчанного 3-мя коронами. В середине щита, в венке, Божия мать с Предвечным Младенцем на одной руке и со скипетром — в другой. На другой стороне таковой же орел с изображением, в середине щита, Св. Георгия Победоносца на коне.

3. В лоскутьях. Образ на тафте, длиною в $1\frac{1}{2}$ аршина, с изображением Св. Сергия; над ним в облаках Св. Троица. На другой стороне архистратиг Михаил.

4. В лоскутьях. Образ на холсте величиною в $1\frac{1}{4}$ арш. с изображением на одной стороне Господа Вседержителя Иисуса Христа, а на другой архистратига Михаила.

5. В ветхости. Образ на холсте в 1 аршин, с изображением на одной стороне Рождества Пресвятой Богородицы.

6. В лоскутьях. Образ на холсте в 1 аршин, с изображением: на одной стороне Богородицы с младенцем, а на другой — Св. Архангела Михаила.

Надо полагать жалонерные значки, выслужившие срок.

1. Щит на голубом поле; заметны следы изображения вензеля, под коим была мелкая надпись и между оною написано крупно буква В, с боков надпись: «Селенгинского гарнизона», а внизу «4 роты». На другой стороне изображен в щите, на голубом поле, прободенный стрелой олень.

2. На белой тафте, с изображением на обеих сторонах, на голубом поле, вензелевых букв.

3. На голубом поле с такими же изображениями.

4. На холсте, на одной стороне, по желтому полю, с зелеными наугольниками, — в середине венка изображен двуглавый орел.

Приложение IV

Исторические сведения о Средней Азии стали появляться в Европе с XII столетия. Первое исторически известное путешествие в Азию совершено еврейским раввином Вениамином Тудельским в 1160 году.

В 1306 году Мосхейм издал уже руководство: Путеводитель через великую Татарию, на Латинском языке. (*Directorium ad faciendam passagium transmarinum editum per quandam fratrem ordinia praedicatorum scribentem experta et visa potiusquam audita. Moshemij Historia tartarorum ecclesiastica (Helmstadi apud Fridericum Christianum Weygand, MDCCXXXJ).*

Полный перечень путешествий в Среднюю Азию, состоявшихся в Средние века, а также издания и библиотеки, в которых их можно найти, изложены в предисловии к переводу путешествия Плано-Карпини, изданного Языковым в 1825 году.

Несколько слов о Плано-Карпини

На Лионском соборе в 1245 году, состоявшемся при папе Иннокентии IV, было решено отправить к татарам посольство с предложением мира и для убеждения их к восприятию христианства и к обращению их оружия против турок и арабов.

В силу этого постановления отправлено к монголам 6 монахов, два францисканца: Иоанн де Плано-Карпини и Бенедикт Поляк, и четыре доминиканца: Асцелин, Альберт, Александр и Симон де Сен-Кентен.

Карпино и Асцелин были начальниками миссий и направились: Карпино — к великому хану, а Асцелин — к Баю-Нойону, в Персию.

Путешествие это состоялось в 1246 году.

Путь Карпини был следующий: Богемия, Галиция, Киев, Канев, степями Южной России, степями киргизов Астраханской губернии, по Тургайской области, Туркестанским краем, южнее озера Балхаш⁴⁰² и затем Гобийской степью до ханской Ставки.

То место в описании Плано-Карпини, из коего усматривается существование христиан в среде монголов во время его пребывания в Азии у Языкова (на с. 41), переведено так (в описании характера Куипе (Каюк-Хана): «Никто не видел, чтобы он когда-нибудь смеялся или шутил, как сказывают христиане, всегда с ним живущие». Далее: «Также христиане, к его дому принадлежащие, крепко уверяли нас, что он намерен сделаться христианином, в этом убеждались они тем, что он имел при себе христианских священнослужителей и давал им содержание. Также перед большим его шатром всегда была христианская часовня, в которой они открытым образом поют и звонят к часам, как прочие христиане греческой церкви, сколь бы там не было татар или других людей; но другие воеводы этого не делают».

Несколько слов о Марко Поло⁴⁰³

Путешественник Марко Поло происходит от венецианских патрициев.

Его отец Николо Поло и дядя Матэо Поло, во время бытности в Константинополе Балдуина II графа Фландрского, торговали в разных пунктах на Черном море. После нашествия монголов на Россию и по водворении Батыея на Волге они задумали попытать счастья при нем. Пробыли при нем некоторое время и, совершая переезды с места на место, они в 1265 году были доставлены в Кан-балык⁴⁰⁴

(Пекин), ко двору Кубилая-хана, который, расспросив их о положении дел в Европе, решил отправить с ними посольство к папе.

Выехав из Китая в 1266 году, они прибыли в Венецию в 1269 году, где и ожидали избрания нового папы в течение двух лет; по избрании папы Григория X они отправились обратно в Китай, взяв с собой молодого Марко, и прибыли в Пекин в 1275 году.

Молодой Марко Поло скоро ознакомился с монгольскими обычаями, изучил их язык и обратил на себя внимание Кубилая-хана, который, приблизив его к себе, давал ему серьезные назначения.

Марко Поло возвратился в Венецию в 1292 году.

Помещаю почти целую главу из его книги, в коей обстоятельно указывается на существование христиан в среде монголов.

Глава 73

Говорится о провинции Тандук и преемниках пресвитера Иоанна.

Провинция Тандук⁴⁰⁵ находится к востоку, и в ней достаточно городов и замков. И города эти принадлежат великому хану, потому что все преемники пресвитера Иоанна подчинены великому хану. Король этой провинции один из линии пресвитера Иоанна. Его имя Георгий, и владеет землей по уполномочию великого хана, но не всей тою землей, которою владел пресвитер Иоанн, а частью оной. Но я вам все-таки говорю, что эти короли потомки пресвитера Иоанна и в родстве с великими ханами, имея женами их дочерей.

Высший класс христиане, как я вам скажу. Но есть там идолопоклонников достаточно и сарацинов. У них есть в

высшем сословии род людей, христиане, которые называются Арган⁴⁰⁶, что значит смешанная раса; и они гораздо красивее других неверных и умнее. И потому-то они составляют высшую расу и оказываются хорошими торговцами.

Знайте, что в этой провинции Тандук был главный пункт, когда владел татарами пресвитер Иоанн. И теперь в оной живут его наследники, ибо Георгий, которого я назвал, есть его потомок, как я вам уже рассказывал. Он 6-й владетель после пресвитера Иоанна. И это есть та страна, которую мы называем странюю Гога и Могога, но они называют Унка и Моголов, ибо в этой провинции были два поколения людей, прежде чем ею завладели татары. Одно местное и монголы — те же татары; вот почему они называются иногда монголами и иногда татарами.

И когда мы ехали оттуда 7 дней на восток, то с этой провинцией соприкасается страна Катаев, в которой встречается много замков и городов. Жители почитают Магомета, есть идолопоклонники и христиан несториан достаточно.

Сомневаться в том, что в среде монголов XIII и XIV веков было много христиан, нельзя; Pauthier, издавши в 1865 году книгу о путешествии Марко Поло, обстоятельно и пространно доказывает это в своих объяснениях к тексту Марко Поло и подтверждает это ссылками на китайских, персидских, арабских и монгольских историков. Приведу некоторых⁴⁰⁷.

Арабский историк Альбуфараж категорически заявляет, что Унк-Хан, владетель племени керитов, был несторианской религии.

Рашид-ед-дин утверждает, что религия Христа была распространена далеко на восток; ее приняли даже кериты. Далее он же упоминает, что Кадак и Чингай, министры

Каюот-хана, были христиане, и что они пригласили ко двору большое число священников из Сирии, Малой Азии и России. Он же говорит, что мать Каюка, племянница керетского короля, оказывала внимание имамам и шейхам, хотя была христианка.

Появление владетельного князя христианской религии в среде монголов может быть объяснено следующим путем. В первые века христианство успешно распространялось в Азии, и вскоре из Сирии христиане появились в Китае.

В 875 году христиане были изгнаны из Китая и должны были спасаться в смежные земли, в Монголию и Тибет. Это время совпадает с оттеснением катаями монгольского племени керетов к границам Китая (в 825 г.), в провинцию Тандук. Эти христиане, несторианцы, могли обратиться в христианство начальников племени керетов и занимать, в силу этого, при дворе ханов высокие места, а также, вступая в брак с монголками, образовать ту расу, которая во время Марко Поло, происходя от смешанных браков, была и красивее и умнее и занимала высшие должности.

Существенным доказательством распространенности христианства в Монгольской империи в XIII столетии служит тот факт, что в указах Чингиса, Октая, Кубилая, Гулука неоднократно упоминается о священниках буддистских, несторианских и секты Тао-сее⁴⁰⁸. Так, напр., в указе, освобождающем их от всех официальных должностей, потому что они обязаны исполнять духовные требы. В 1272 году Императорским указом предписано: тех священников буддистских, несторианских и тао-сее, которые не будут вести безбрачную жизнь, относить к разряду простого народа. В 1282 году Императорским указом постановлено: тех священников буддистских, несторианских и тао-сее, которые имеют жен и семейства, облагать такую же податью, как и народ.

Приложение V

«По определению Плано-Карпини Монголия находится в местности ограничиваемой⁴⁰⁹ с восточной стороны оныя лежит земля китаев и соланов (маньчжуры), с южной — земли сарацинские; между запада и юга гуирские (хивинские), с северной окружается оно морем океаном».

Марко-Поло считает главным городом монголов Каракорум, который ныне не существует, но на основании исследований Ganbil-я, основанных на астрономических данных, составленных в царствование Кубилай-хана китайским астрономом Ко-чу-кин-ом, находился на левом берегу р. Орхона, неподалеку от впадения в р. Селенгу.

Восточные историки, по заявлению Pauthier⁴¹⁰ писавшие о монголах, указывают, что при появлении Темучина монголы жили по р. Онону.

Клапрот (Klaproth), основываясь на данных, представляемых историками, писавшими о монголах, заявляет⁴¹¹: пресвитер Иоанн был владетельным князем монгольского племени, занимавшего первоначально страну в окрестностях озера Буира (Буир-Нора)⁴¹². В 824 году это племя было разбито катаями и большая часть оставшихся в живых спаслась в горы, называемые по-китайски Ин-ган, а по-монгольски Гардьян, а именно в южную оконечность Хинганского хребта. Через 60 лет это племя снова окрепло и посылало войска на помощь китайскому Правительству против возмущившихся. В конце X столетия оно составило особую провинцию Та-тунг западного Китая. При династии Кинов (1123—1236) из этой местности образовалась самостоятельная провинция, управлявшаяся своими вице-королями. В 1203 году Темучин, встав во главе недовольных тогдашним вице-королем этой провинции пресвите-

ром Иоанном, сыном Давида, разбил его (он вскоре был убит в бегстве), но оставил владения за его потомством.

Все указанные ссылки достаточно ясно доказывают, что колыбель монголов были земли, лежащие по р.р. Орхону, Онону и Керулену — то есть южная часть нынешней Забайкальской области и северная часть Монголии.

Приложение VI

По Щеглову, с. 117, Никифор Черниговский был поляк, и за что он был в ссылке, неизвестно. Жил в Усть-Кутском остроге и был досмотрщиком за соляными промыслами. В 1665 году в острог этот прибыл илимский воевода Лаврентий Обухов, которому очень понравилась жена Черниговского и он забрал ее с собой в Илимск. Черниговский решился отомстить за это; собрав товарищей, он напал на воеводу, убил его и прислугу, захватил имущество и воеводское и казенное и затем, набрав себе шайку подходящих молодцов, двинулся на Амур. Выйдя в том месте, где стоял Албазин, разоренный китайцами, он построил деревянную крепость и стал собирать ясак с тунгусов.

Руководствуясь примером Ермака, он попытался загладить свое преступление взносом дани и успел в этом. Кроме обычной дани, отсылавшейся им в Нерчинск, он отправил отборный ясак в Москву вместе с повинной. Следствием этого было то, что приговор о предании его смертной казни, состоявшийся 15 марта 1672 года, был отменен, и вместо казни сказано Черниговскому милостивое слово государево: за вину прощение и, сверх того, награда в 2000 р. с.⁴¹³ На воеводство в Албазин выслан Любим Евсеев и с ним несколько пашенных семей.

Приложение VII

По Щеглову, с. 121, начальник Нерчинского острога Даниил Аршинский отправил в апреле 1670 года в Китай посланниками Игнатия Милованова, Антона Филева, Григория Кобякова и с ними еще три товарища⁴¹⁴. В наказной памяти Милованову было предписано объявить богдойскому царю: «что как под высокою Российского Царского Величества рукою находятся цари и короли с своими государствами и Великий Государь жалует их, держит в своем царском милостивом призрении, то и он бы, богдыхан, также поискал его царского величества милости и жалованья и учинился бы под высокою его царского величества рукою... и дань бы ему Великому Государю давал». — Понятно, что посольство не имело успеха. Столь гордый двор, каков китайский, — замечает по этому поводу Бантыш-Каменский, — мог ли спокойным духом слышать призыв в подданство, да еще не от царя, но от его подданного учиненный; и мог ли богдыхан посланных с таким жестоким предложением принять, угостить и отпустить с честью?

Приложение VIII

1689 г. августа 27. *Договор между российским и китайским государствами, учиненный на съезде при китайской границе в Нерчинске*

Божиею Милостию, Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержцев и многих государств и земель восточных и западных и северных отчий и дедичей, наследников и государей и обладателей,

Их Царского Величества, великие и полномочные послы, ближний окольничий и наместник брянской Федор Алексеевич Головин, стольник и наместник елатомский Иван Остафьевич Власов, дьяк Семен Корницкий, будучи на посольских съездах близ Нерчинска великих азиатских стран повелителя, Монарха Самовластнейшего меж премудрейшими вельможами богдойскими, закона управителя, дел общества народа китайского хранителя и славы, настоящего богдойского и китайского богдыханова высочества с великими послы Сальгута, надворных войск с начальниками и внутренняя же палаты с воеводою, царство советником Достумке Комом, внутренняя же палаты с воеводою первого чину князем и ханского знамени с господином, и ханским дядею Иламтом, одного же знамени господином и прочими постановили, и сими договорными статьями утвердили:

1. Река, именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку с левой стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими государствами постановить; также от вершины той реки каменными горами, которые начинаются от этой вершины реки и по самым тех гор вершинам, даже до моря протяженных, обоих государств державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полудневья стороны с их гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства, также всем рекам, которые с другая стороны тех гор идут, тем быти под державою Царского Величества Российского государства; прочие ж реки, которые лежат в середине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатся близ Амура владения ханского государства и впадают в море, и всякия земли посреди сущия меж тою вышепомянутою рекою Удью и меж гора-

ми, которые до границы подлежат не ограничены ныне да пребывают, понеже на оные земли заграничения великие и полномочные послы, не имеющие указу Царского Величества, отлагают неограничены до иного благополучного времени, в котором при возвращении с обеих сторон послов Царское Величество изволит и богдыханово Высочество похочет о том обослатися послы или посланники любительными пересылки, и тогда или чрез грамоты, или чрез послов тья и означенныя неограниченные земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничить могут.

2. Такжеде река, реченная Аргунь, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако, яко всем землям, которые суть стороны левые, идучи тою рекою до самых вершин, под владением хинского хана да содержатся, правая сторона такжеде все земли да содержателя в стороне Царского Величества российского государства, и все строения с полудневныя стороны той реки Аргуни снести на другую сторону той же реки.

3. Город Албазин, который построен был в стороны Царского Величества, разорить до основания, и только прибывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасы да изведены будут в сторону Царского Величества и ни малого убытка или каких малых вещей от них тамо оставлено будет.

4. Беглецы, которые до сего мирного постановления как с стороны Царского Величества, так и со стороны богдыханова Высочества были: и тем перебежчикам быть в обеих сторонах безразменно; и которые после сего постановленного мира перебежати будут, и таких беглецов без всякого умедления отсылати с обеих сторон без замедления к пограничным воеводам.

5. Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешния начатия дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно, и покупать, и продавать, что им надобно да повелено будет.

6. Прежде будущие какие ни есть ссоры меж порубежными жителями до сего постановленного мира были, и тем ссорам быти не мстительным и не памятным, а если с сего постановленного мира для каких промыслов обеих государств промышленные люди приходити будут и разбой или убивство учинять, и таких людей поймав, присылать в те стороны, из которых они будут в порубежные города к воеводам, и им за то чинить казнь жестокую; будет же соединясь многолюдством и учинят какое вышеписанное воровство, и таких своевольников переловя отсылать к порубежным воеводам, а им за то чинить смертная казнь; и войны и кровопролития с обеих сторон для таких причин и за самыя пограничных людей проступки не вчинять, а о таких ссорах писать, из которых стороны то воровство будет, обеих сторон к Государем и разрывать те ссоры любительными посольскими пересылки.

Противу сих постановленных о границе посольскими договоры статей, если похочет богдыханово Высочество поставить от себя при границах для памяти какие признаки и подписать на них сии статьи, и то отдаем мы на волю богдыханова Высочества.

Примечания

1. Сибирь как колония, соч. Ядринцева, с. 453.
2. «Сибирская история» Иоганна Фишера, с. 68.
3. Там же, с. 71.
4. См. приложение 2.
5. «Сибирская история» Фишера, с. 20.
6. Надо полагать, что Фишер ошибается. Он же сам поясняет в своей истории, что первые партии русских людей, появившиеся за Байкалом, встретили только тунгусов и монголов. Буряты потянулись за Байкал с 1655 года.
7. Смотри приложение № 1.
8. Скалигер об исправлении времен, с. 637. — Геган на персидском и индийском языках значит свет. (Ссылка извлечена из «Сибирской истории» Фишера.)
9. «Сибирская история» Фишера, с. 110.
10. Там же, с. 134.
11. Там же, с. 165.
12. Там же, с. 206.
13. Там же, с. 207.
14. Там же, с. 231.
15. Там же, с. 236.
16. Там же, с. 231.
17. Сургутским атаманов Тугариным Федоровым. Краткое показание о воеводах, писанное в Тобольском архиерейском доме 1791 года, с. 48.
18. Василий Васильевич Волынский и Михаил Игнатьевич Новосельцев. — Краткое показание о воеводах в Сибирских городах, с. 65.
19. Один из киргизских князей, Немча, желая поступить в подданство, выслал с послами в Томск для переговоров свою жену. Воеводам очень понравилась соболья шуба, бывшая на жене князя

Немчи, и они сорвали ее с плеч княгини. Разумеется, переговоры прекратились, киргизы расвирепели и стали грабить окрестности Томска. Возымев невысокое мнение о честности русских воевод, они не только не покорялись сами до последнего времени, но и подбивали к восстаниям принявшие подданство соседние с ними племена.

20. «Сибирская история» Фишера, с. 276.

21. Там же, с. 341.

22. Хронол. дан. из истор. Сибири Щеглова, с. 83.

23. «Сибирская история» Фишера, с. 344.

24. Мимоходом можно упомянуть о следующем факте. В переезд Хрипунова из Тобольска в Енисейск он встретил по дороге промышленников, возвращавшихся в Россию с мягкой дорогой рухлядью. Он захватил эту пушнину как добычу в пользу казны, и ограбленные промышленники были еще очень довольны, когда он продал им захваченных у них соболей за деньги. Сиб. истор., с. 348.

25. «Сибирская история» Фишера, с. 349.

26. Надлежит обратить внимание на то обстоятельство, что в этом же 1635 году особенно сильное было нападение калмыков на города Западной Сибири: Тюмень, Тару, Ямышев, Кузнецк и в этом же году было выслано из Нижнего Новгорода, Вологды, Холмогор, Нарыма, Устюги 310 стрельцов в города Тобольск, Тюмень и Тару на пополнение убыли в служилых людях сибирских городов.

27. «Сибирская история» Фишера, с. 352.

28. Там же, с. 357.

29. У Фишера есть указание о промышленнике Пенда, который с 40 челов., взятыми в Туруханске, три года пробыл на Нижней Тунгуске, прежде чем дошел до Чечуйского волока по р. Лене. Перейдя волок, он спустился по р. Лене до того места, где впоследствии выстроен г. Якутск. Затем вновь поднялся вверх по Лене до р. Куленги; далее прошел бурятской степью к Ангаре, по коей спустился до Енисейска и возвратился в Туруханск. По ведомости о промышленниках, отправленной из Туруханска в Мангазей в 1626 году, видно, что 28 казаков пошли на Нижнюю Тунгуску с 189 промышленниками; да кроме того на Подкаменную Тунгуску отправилось 44 казака с 312 человеками. Промышленники эти нередко помогали мангазей-

ским казакам сражаться с тунгусами, лишь бы получить право свободной ловли соболей.

30. «Сибирская история» Фишера, с. 528.

31. Хронолог. дан. из истор. Сиб. Щеглова, с. 89.

32. «Сибирская история» Фишера, с. 382.

33. Там же, с. 533.

34. Там же, с. 536.

35. Хронол. данные Щеглова, с. 94, и «Сибирская история» Фишера, с. 548.

36. «Сибирская история» Фишера, с. 548.

37. Там же, с. 552.

38. Там же, с. 554.

39. Там же, с. 557.

40. Там же Фишера, с. 554.

41. Там же, с. 559.

42. Там же, с. 563.

43. Там же, с. 564.

44. Там же, с. 567.

45. Там же, с. 569.

46. Там же, с. 572.

47. Там же, с. 575.

48. Там же, с. 585.

49. Там же, с. 595.

50. Histoire de fleuve Amour, с. 43.

51. «Сибирская история» Фишера, с. 599.

52. Там же, с. 682.

53. Там же, с. 610.

54. В Тугирском остроге Зиновьев приказал зарыть порох и свинец, которые не успел доставить на Амур. Об этом обстоятельстве Фишер выражается так: «Причина такого бессовестного поступка неизвестна. Но может быть виной тому было то же упрямство, какое прежде между енисейцами и красноярцами происходило, а именно Зиновьев хотел, чтобы амурские жители сами взяли амуницию, а сии чаятельно от того отреклись, потому что Зиновьев по должности обязан был поставить им оную». «Сибирская история» Фишера, с. 614.

55. «Сибирская история» Фишера, с. 616.
56. Там же, с. 620.
57. Там же, с. 624.
58. Там же, с. 626.
59. Там же, с. 620.
60. Там же, с. 628.
61. «Сибирь и каторга» Максимова, с. 12.
62. Полное собрание законов № 3955.
63. «Сибирская история» Фишера, с. 630.
64. Смotr. Приложение 3-е.
65. Список Тобольск. Архьер. дома изд. 1792 г.
66. «История России» Соловьева, том 12, с. 368.
67. См. прилож. 4-е.
68. Полное собрание законов, № 562.
69. Этот указ дает основание заключить, что указание в хронол. табл. ист. дан. о Сибири соч. Щеглова, с. 125, что Енисейск только с 1676 года назначен областным городом для управления всеми водворениями по Ангаре и в Забайкалье, — ошибочно.
70. «История России» Соловьева, т. 13, с. 283.
71. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 23.
72. Щеглов, с. 125.
73. Список из Тобол. Арх. дома изд. 1792 г.
74. «Историческое обозрение Сибири» Словцова, с. 201.
75. «История России» Соловьева, т. 12, с. 313.
76. Щеглов, с. 125.
77. «Историч. обзор. Сибири» Словцова, книга 1-я, с. 219.
78. У Ядринцева не указана ссылка на источник, откуда почерпнуто это ошибочное сведение; в 1680 году не могло быть донесений на имя Царя; Власов назначен воеводой в 1682 году, и непостижимо, почему он, воеводствуя в Нерчинске, упоминает об Иркутске, который не входил в состав воеводства.
79. Щеглов, с. 125.
80. «Историч. обзор. Сибири» Словцова, с. 220.
81. «Сибирь и каторга» Максимова, кн. III, с. 6.
82. Спис. воен. Тобол. Архьер. дома, изд. 1792 г.

83. Полное собрание законов, № 846.
84. Список воен. Тоб. арх. дом.
85. Щеглов, с. 128 (Щеглов ошибочно относит убийство Забо-лоцкого к 1661 году).
86. Щеглов, с. 129. Предположение Щеглова, что Кислянский сменил Власова, едва ли справедливо потому, что Власов распоряжался действиями из Нерчинска вплоть до назначения его в состав посольства Головина. — «История» Соловьева, т. XIV, с. 64.
87. Бантыш-Каменский, с. 38.
88. «Истор. России» Соловьева, том XIV, с. 64.
89. «Истор. обзор. Сибири» Словцова, том I, с. 184.
90. По Словцову, 200 чел. Бейтонова полка с разного звания людьми, всего в числе 671 чел., 5 пушек медных и 3 чугунных (с. 223 первой книги).
91. Дипломат. акты, сост. Бантыш-Каменск., с. 38.
92. Там же, с. 39.
93. Посольского приказа подъячие Венюков и Фаворов. (Диплом. акты сост. Бантыш-Каменский).
94. «Историч. обзор. Сибири» Словцова, том I, с. 224.
95. Там же, с. 227.
96. Там же, т. I, с. 230.
97. С Головиным прибыло 500 стрельцов и 1400 Сибирского гарнизона (Бант.-Каменск., с. 54).
98. «Историч. обзор. Сибири» Словцова, с. 231.
99. Бантыш-Каменский, с. 58.
100. Полное собрание законов, № 1.329.
101. Там же, № 1.336.
102. Надо полагать, что эти саиты составляют ныне 1 и 2 Сойготские роды, входящие в состав Цакирского станичного округа.
103. Диплом. акты, Бантыш-Каменский, с. 59.
104. «Историч. обзор. Сибири» Словцова, том I, с. 203.
105. Бантыш-Каменский, с. 61.
106. «История России» Соловьева, том 14, с. 65.
107. Там же, с. 71.

108. Определение границ производилось по карте, сканированной с Ремезовского чертежа, составленного уже в это время и хранившегося в Тобольской канцелярии.

109. «Истор. обозр. Сибири» Словцова, кн. I, с. 289.

110. Там же, т. 1, с. 241.

111. Щеглов, с. 134-я. (Полн. собр. зак. Учреждение почты до Нерчинска три раза в лето указано в 22 статье правил о сборе пошлин в Сибири, объявленных при указе от 12 ноября 1698 года. Не ошибся ли Щеглов? Указом же от 21 апреля 1691 г. установлены правила о движении почт между Вильной и Москвой. Я поместил согласно показаний Щеглова потому, что он сослался на список населения мужского Тоб. губ., т. I, с. 241, которого у меня нет.

112. «Историч. обозр. Сибири» Словцова, т. I, с. 257.

113. «История России» Соловьева, том XVIII, с. 7.

114. Города: Нерчинск, Селенгинск, Верхнеудинск.

Остроги: Верхнее-Ангарский, Баргузинский, Баунтовский, Итанцынский, Ильинский, Кабанский, Иргенский, Телембинский и Аргунский.

115. Полное собрание законов, № 1443.

116. Там же, № 1510.

117. Там же, № 1514.

118. Там же, № 1516.

119. Там же, № 1522.

120. Там же, № 1526.

121. Там же, № 1533.

122. Там же, № 1526.

123. Там же, № 1527.

124. Там же, № 1.535 (боярский приговор 10 января 1696 года).

125. Там же, № 1.532.

126. Щеглов. Хронол. табл. важн. данн. в истории Сибири, с. 130.

127. Щеглов, с. 137.

128. В статье 16 наказа воеводе Бибикову от 1 февраля 1701 года сказано ясно: «А прежние статьи, которые даны Самойле Николеву, прислать ему Юрью к Москве в Сибирский приказ для того, что в сохранении Даурской страны... против прежних статей в нынешних наказных статьях, по Его Величества Государя указу исполнено».

129. Полное собрание законов, № 1.542.

130. Там же, № 1.422.

131. Там же, № 1594.

132. Там же, № 1559.

133. Там же, № 1578.

134. Там же, № 1600.

135. Там же, № 1594.

136. Там же, № 1598.

137. Там же, № 1598.

138. Там же, № 1600.

139. Там же, № 1602.

140. Там же, № 1604.

141. Там же, № 1605.

142. Там же, № 1606.

143. Там же, № 1615.

144. У Соловьева ошибочно назвали Самойло и Иван Николаев.

Из указов от 22 января 1699 года, помещенного в полном собрании законов под № 1672, видно, что фамилия их была Николаевы.

145. Полное собрание законов, № 1618.

146. Там же, № 1652.

147. Там же, № 1654.

148. *Табак*, как это разъяснено в наказе нерчинскому воеводе от 5 января 1701 года в полном собрании законов № 1.822.

149. Там же, № 1655.

150. Там же, № 1659.

151. Там же, № 1672.

152. Там же, № 1673.

153. Там же, № 1674.

154. Там же, № 1692.

155. Там же, № 1708.

156. Щеглов, с. 146.

157. Полное собрание законов, № 1716.

158. Там же, № 1735.

159. Там же, № 1880.

160. «История России» Соловьева, том XIV, с. 289.

161. Полное собрание законов, № 1822.
162. Там же, № 1.835.
163. Там же, № 1837.
164. «Историч. обзор. Сибири» Словцова, с. 227.
165. Полное собрание законов, № 2.841.
166. Там же, № 3.378.
167. Там же, № 5.189.
168. Там же, № 2.879.
169. Там же, № 3.955.
170. Семовский. Приложение 41, с. 112 и 114.
171. Полное собрание законов, № 1.822.
172. Пособ. для написан. истор. Заб. Соч. Андриевича. Том I, с. 138.
173. Полное собрание законов, № 3.378.
174. «Истор. очерк Сиб.» соч. Андриевича, том II, с. 37.
175. Бантыш-Каменский, с. 74.
176. Полное собрание законов, № 1.909.
177. Там же, № 1.967.
178. Бантыш-Каменский, с. 75.
179. Полное собрание законов, с. 74.
180. Там же, № 2.080.
181. Там же, № 2310.
182. Там же, № 2319.
183. Там же, № 2417.
184. Бантыш-Каменский, с. 81.
185. Там же, с. 82.
186. Там же, с. 82.
187. Арабджур был задержан в Пекине, потому что во время возвращения его от Далай-ламы у Аюка возникли несогласия с Церен-Рантаном Джунгарским, через земли которого должен был возвращаться Арабджур. Богдыхан принял его ласково и наделил поместьями. Бантыш-Каменский, с. 75.
188. Бантыш-Каменский, с. 81.
189. Там же, с. 86. См. приложение.
190. Там же, с. 91 и 99.

191. Бантыш-Каменский, с. 91 и 99.
192. Там же, с. 101.
193. Там же, с. 103.
194. Там же, с. 106.
195. Там же, с. 109.
196. Там же, с. 107.
197. Полное собрание законов, № 4429.
198. Бантыш-Каменский, с. 112.
199. Полное собрание законов, № 4.746.
200. Там же, № 4.116.
201. «Истор. очерк Сибири», соч. Андриевича, II том, с. 37.
202. Полное собрание законов, № 3.380.
203. Там же, № 3.955.
204. Там же, № 4041.
205. Там же, № 4.929.
206. Там же, № 5.333.
207. Там же, № 4.746.
208. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 120.
209. Там же, с. 122.
210. Там же, с. 124.
211. Полное собрание законов, № 4.994.
212. Бантыш-Каменский, с. 134.
213. Там же, с. 140.
214. Полное собрание законов, № 5143.
215. Там же, № 5.180.
216. Там же, № 5.189.
217. См. приложение.
218. Бантыш-Каменский, с. 143.

219. Вследствие этого представления 4 июня 1729 года постановлением Верховного тайного совета определено дать три патента зайсанам: Гуцуевского рода — Шабаю, Сартолова рода — Хулкице, Цонголова рода — Лансаку; патенты эти вручены им Бухгольцем 27 сентября 1729 года и с сего времени иркутские воеводы стали производить братских в тайши, зайсанги, в шуленги и в эсаулы. — Бантыш-Каменский, с. 147.

220. Полное собрание законов, № 4992.
221. Там же, № 5254.
222. См. приложение.
223. Бантыш-Каменский, с. 145.
224. Полное собрание законов, № 5309.
225. Бантыш-Каменский, с. 182.
226. Там же, с. 155.
227. Полное собрание законов, № 5286.
228. Там же, № 5268.
229. Бантыш-Каменский, с. 156.
230. Там же, с. 156, 157 и 158.
231. Полное собрание законов, № 5.110.
232. Там же, № 5.136.
233. Бантыш-Каменский, с. 165.
234. Там же, с. 170.
235. Там же, с. 186.
236. Там же, с. 189.
237. Там же, с. 190.
238. Там же, с. 167.
239. Там же, с. 203.
240. Там же, с. 204.
241. Там же, с. 215.
242. Там же, с. 216, 217.
243. Полное собрание законов, № 5196.
244. Бантыш-Каменский, с. 220.
245. Там же, с. 236.
246. Полное собрание законов, № 5589.
247. Там же, № 5666, см.: Историч. оч. Сиб. Н.С. Андриевича, т. II, с. 215.
248. Бантыш-Каменский, с. 195.
249. Там же, с. 235.
250. Полное собрание законов, № 5.741.
251. Там же, № 6.634.
252. Там же, № 6.749 и 6.750.
253. Там же, № 7.058.

254. Там же, № 7.098.
255. Там же, № 7.112.
256. Там же, № 7.188.
257. Там же, № 7.324.
258. Там же, № 7.498.
259. Там же, № 8.077.
260. Там же, № 5.479.
261. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 171 и 172.
262. Хронол. дан. из ист. Сибири, соч. Щеглова, с. 205.
263. Полное собрание законов, № 6.876.
264. Там же, № 5.479.
265. Там же, № 7.009.
266. Там же, № 8.017.
267. Там же, № 5254.
268. Там же, № 5805.
269. Там же, № 6351.
270. Там же, № 6224.
271. «Историч. обозр. Сибири», кн. I, с. 461.
272. Хронол. дан. из истор. Сибири, соч. Щеглова, с. 252.
273. Там же, с. 151.
274. «Историч. обозр. Сибири», соч. Словцова, кн. I, с. 290.
275. Полное собрание законов № 2259.
276. Там же, №2370.
277. Там же, №1812.
278. Хронол. дан. из истор. Сибири, соч. Щеглова, с. 151.
279. Гор. Арх. Дело под № 1.317 (из Горн. Журн. За апрель 1885 г. ст. Родикова).
280. Хронол. дан. из Истор. Сибири, соч. Щеглова, с. 175.
281. Полное собрание законов, № 7.649.
282. Там же, № 6.841.
283. Там же, № 5.163.
284. Там же, № 5178.
285. Там же, № 5.219.
286. Там же, № 1.835.
287. Хронол. дан. из истор. Сиб., соч. Щеглова, с. 149.

288. «Сибирь и каторга», соч. Максимова, кн. III, с. 117.
289. Полное собрание законов, № 3.955.
290. Там же, № 4.041.
291. Там же, № 5.632.
292. Там же, № 6.182.
293. Там же, № 5.916.
294. «Сибирь и каторга», соч. Максимова, кн. II, с. 123.
295. Полное собрание законов, № 4.913.
296. Там же, № 3.380.
297. Бантыш-Каменский, с. 206 и 207.
298. Полное собрание законов, № 3.955.
299. Там же, № 4.913.
300. Матер. к стат. Заб. каз. войс., по данным переп. 1883 г., вып. II, с. 138.
301. Полное собрание законов, № 8.017.
302. Там же, № 9.009.
303. Там же, № 10.281.
304. Там же, № 10.520.
305. Там же, № 9.896.
306. Там же, № 11.187.
307. Там же, № 8.572 (указ от 25 июня).
308. Там же, № 8.601.
309. Там же, № 8.006.
310. Там же, № 8.944.
311. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 254.
312. Полное собрание законов, № 9.875.
313. Там же, № 10.086.
314. Там же, № 10.087.
315. Там же, № 9.298.
316. Там же, № 9.293.
317. Там же, № 10.306.
318. Там же, № 8.877.
319. Там же, № 10.202.
320. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 241.
321. Там же, с. 246.

322. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 250. Оба названных лица по приказанию Военной коллегии были избавлены от смерти, и селенгинский комендант получил приказание отправить их тайно куда-нибудь и сообщить китайцам, что они бежали. Люди эти были отправлены в Баргузинское ведомство, в Баунтовский форпост, где Селиван Уфимцев утонул в озере в 1750 году, а дьячок Сажин пропал без вести на том же озере в 1754 году.

323. Там же, с. 250.

324. Бантыш-Каменский, изд. Флоринского, с. 267.

325. Там же, с. 274.

326. Там же, с. 275.

327. Там же, с. 284 и 285.

328. Там же, с. 290.

329. Там же, с. 293.

330. Там же, с. 294.

331. Там же, с. 296.

332. Там же, с. 299.

333. Полное собрание законов, № 8.619.

334. Там же, № 9.250.

335. Там же, № 10.260.

336. «Историч. очерк Сибири». Соч. Андриевича. Глава III 3-го

тома

337. Полное собрание законов, № 10.435.

338. Там же, № 8.833.

339. Там же, № 9.206.

340. Там же, № 11.222.

341. Там же, № 11.101.

342. Там же, № 10.801.

343. Там же, № 10.534.

344. Там же, № 11.208.

345. Там же, № 10.293.

346. Там же, № 11.328.

347. Там же, № 11.166.

348. Там же, № 11.331.

349. Там же, № 11.123.

350. Там же, № 11.155.
351. Там же, № 10.534.
352. Там же, № 5.196.
353. Хронол. дан. из ист. Сибири, соч. Щеглова, с. 265.
354. Полное собрание законов, № 8.633.
355. Там же, № 9.493.
356. Там же, № 9.878.
357. Там же, № 11.118.
358. Там же, № 11.254.
359. Там же, № 8.852.
360. Там же, № 8.876.
361. Там же, № 10.212.
362. Там же, № 10.164.
363. Там же, № 10.281.
364. Там же, № 10.520.
365. Бантыш-Каменский, с. 238.
366. Там же, с. 243.
367. Там же, с. 249.
368. Бантыш-Каменский, с. 251.
369. Бантыш-Каменский, с. 259.
370. Там же, с. 261.
371. Бантыш-Каменский, с. 263.
372. Хронол. дан. из истории Сибири Щеглова, с. 237.
373. Полное собрание законов, № 9.543.
374. Там же, № 10.497.
375. Там же, № 11.253.
376. Там же, № 8.961.
377. Там же, № 11.253.
378. Хронол. дан. из ист. Сибири, соч. Щеглова, с. 152.
379. Полное собрание законов, № 10.534.
380. Там же, № 10.779.
381. Хронол. дан. из ист. Сибири, соч. Щеглова, с. 152.
382. Полное собрание законов, № 11.113.
383. Там же, № 11.328.
384. Там же, № 11.382.

385. Там же, № 9.489.

386. Там же, № 9.945.

387. Там же, № 9.983.

388. Там же, № 10.243.

389. Там же, № 10.534.

390. Там же, № 8.898.

391. Бантыш-Каменский, с. 247.

392. Там же, с. 251; прежде за это вешали, в 1742 году повешен тунгус Доржей Хабаев. С. 244.

393. Там же, с. 255.

394. Там же, с. 256.

395. Нападение на караван Ланга, возвращавшийся в 1731 году из Долин-Нора на Хайлар.

396. Бантыш-Каменский, с. 263.

397. Там же, с. 264, 265 и 266.

398. Там же, с. 218.

399. Там же, с. 272.

400. Там же, с. 20.

401. Савва Владиславич, граф Рагузинский. О нем следующее в делах архива имеется известие: «1702 года ноября 6 приехал из Царьграда в Азов, а апреля 1 в Москву грек Савва Владиславич с деревянным маслом, кумачами и бумагою и объявил, что он прибыл для отведения Черным морем в Москву пути. Того же года июля 9 дана ему жалованная грамота торговать в России на 10 лет. В 1710 году февраля 12 надворному советнику Савве Рагузинскому за первую и усердную его службу даны маестности — село Тапаль, Вишенки и Парafeевка. В 1711 году был он с Государем Петром I при Прутской акции; 1716 г. поехал в свое отечество Рагузду и оттуда возвратился с названием графа Владиславича».

402. У Языкова в приложениях ошибочно указано озеро *Байкал*. Это не согласуется с маршрутом Карпини ни по числу дней переездов, ни по описаниям народов, через земли которых он проезжал. Достаточно указать на то, что мимо озера он проезжал 24 июня, 28 въехал в землю найманов, которая простиралась от верховьев р. Иртыша до верховья р. Селенги, и затем въехал в землю монголов, на-

зываемых татарами, по которой ехали весьма быстро, почти месяц. К ханской Ставке ехать так долго можно было только от Балхаша, но никак не от Байкала.

403. M.G. Pauthier, введение, с. III—XIX.

404. Кан-балык — в переводе значит дворец хана.

405. В южной части Хинганского хребта, севернее верховьев реки Сара-Мурен, в юго-восточной части Гобийской степи.

406. Происходящие от несториан, поженившихся на монголках.

407. Pauthier, le livre de Marco Polo, том I, с. 207—219.

408. Там же, с. 218.

409. Перевод путешествия Плано-Карпини Языкова, с. 65.

410. Pauthier le livre, de Marco Polo, с. 174.

411. Там же, с. 209.

412. Озеро это находится по пути из Хайлара в Долон-Нор, верстах в 200 от р. Керулена; в него впадает р. Хилка, а вытекает Урсун.

413. «Историч. обозрение Сибири» Словцова, т. I, с. 182.

414. В «Истории России» Соловьева сказано, что Аршинский отпустил 4 казаков.

Оглавление

Предисловие.....	3
Источники.....	5
Глава I.....	6
Глава II.....	16
Глава III.....	25
Глава IV.....	34
Глава V.....	38
Глава VI.....	46
Глава VII.....	59
Глава VIII.....	72
Глава IX.....	91
Глава X.....	100
Глава XI.....	116
Глава XII.....	139
Глава XIII.....	149
Глава XIV.....	159
Глава XV.....	173
Глава XVI.....	186
Глава XVII.....	200
Глава XVIII.....	212
Глава XIX.....	224
Глава XX.....	233
Приложения.....	245
Примечания.....	270

Научно-популярное издание

Моя Сибирь

Андреевич Владимир Константинович

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

От древнейших времен до 1762 года

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *А.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Резникова*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 03.04.2013. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1687.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Юридический адрес:

129110, Москва, Ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, Москва, а/я 63.

Фактический адрес:

127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, ул. Леся Курбаса, д. 26

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: info@ariy.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

Книга Владимира Константиновича (Каллистратовича) Андриевича (1838—1898), русского генерала, участника Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., известного историка Сибири, рассказывает о сложном периоде завоевания и освоения Забайкалья. Читатель познакомится с историей походов казаков в Зауралье и Восточную Сибирь во второй половине XVII в., в результате которых были основаны главные форпосты Забайкалья — Братский, Селенгинский и Нерчинский остроги. Большое внимание автор уделяет истории государственных и торговых взаимоотношений Китая и России, подготовке, обсуждению и подписанию Кяхтинского договора 1727 г. об установлении границ и торговле между двумя государствами. Автор также рассказывает о том, как учреждалась административная власть в Забайкалье, как проходило заселение громадных лесных и степных пространств этого богатого края.

ISBN 978-5-4444-1069-1

9 785444 410691